

Р. УОРМСЕР

пан самирус

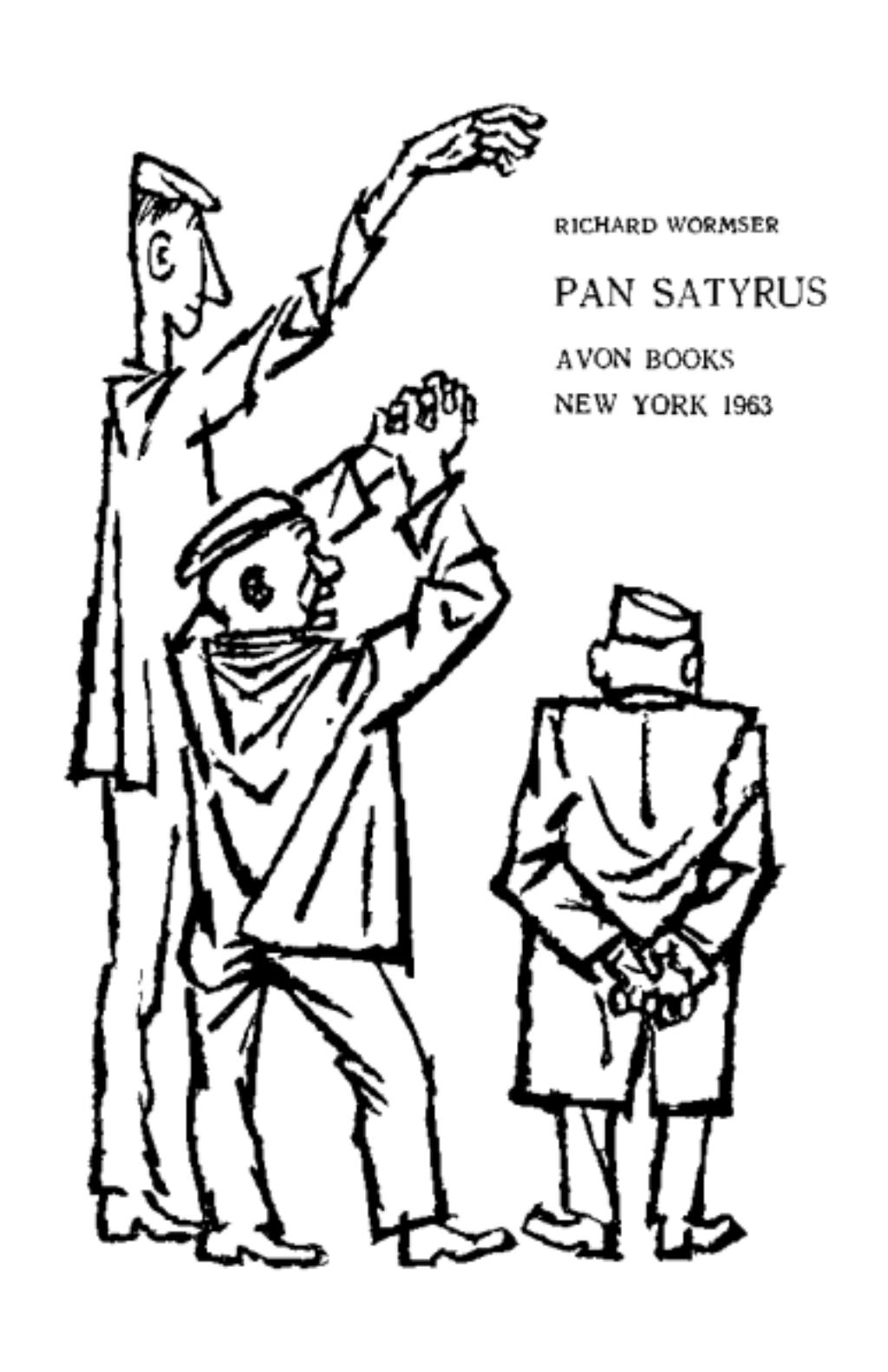
P. Уормсер ← ПАН САМИРУС

ЗАРУБЕЖНАЯ
ФАНТАСТИКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«М И Р»

RICHARD WORMSER

PAN SATYRUS

AVON BOOKS

NEW YORK 1963

пан сатикус

РICHARD
УОРМСЕР

Перевод с английского

ДМИТРИЯ ЖУКОВА

Редактор Г. ОЗЕРСКАЯ

Предисловие Н. КАРЕВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«МИР»

МОСКВА

1966

*Редакция научно-фантастической
и научно-популярной литературы*

ПАН САТИРУС В ПЛЕНУ

В мире имеется немало людей, которые продолжают считать Соединенные Штаты Америки демократической страной. А между тем современная Америка с точки зрения демократии и порядков в ней далеко не та, какой она была пятьдесят или даже двадцать лет назад.

Выражаясь языком самих американцев, сегодня США находятся во власти «военно-промышлennого комплекса», то есть страной правят представители монополий, производящих оружие, и генералы Пентагона. Приход к власти этих наиболее агрессивных кругов монополистического капитала закономерен, если учесть, что в послевоенное время центр международной реакции переместился в Америку.

В 1944 году, то есть в ходе второй мировой войны, президент концерна «Дженерал электрик» Чарльз Вильсон ратовал за создание союза большого бизнеса и военных и предложил перевести экономику на постоянные военные рельсы. Идея Вильсона была одобрена магнатами Уолл-стрита.

В послевоенное время США затратили почти триллион долларов на свои вооруженные силы. Военные крепко оседлали государствен-

ную машину. Еще Эйзенхауэр характеризовал военно-промышленный комплекс как «неумолимую машину, идущую напролом». Ныне правительство и Белый дом консультируются с Пентагоном по всем важнейшим внешнеполитическим вопросам, тогда как военные не считают нужным консультироваться с правительством, нередко самостоятельно принимая такие решения, которые чреваты всемирной катастрофой. Политические последствия этих безрассудных действий их мало интересуют.

Американский писатель Ричард Уормсер в сатирической повести «Пан Сатирус» в увлекательной форме рассказывает о Соединенных Штатах Америки наших дней. Конечно, в повести не вскрываются все стороны жизни и политики современной Америки, да автор и неставил перед собой такую задачу, ибо в одной книге сделать это было бы просто невозможно.

Писатель сосредоточивает внимание на американской элите, то есть на тех, кто правит страной. И не просто рассказывает, он талантливо рисует морально-этические портреты генералов и адмиралов Пентагона, руководителей Центрального разведывательного управления, политических деятелей и тех, кто им прислуживает, в том числе представителей прессы, радио и телевидения. Американские пропагандисты любят разглагольствовать о том, сколько в США стоит фунт мяса. В противоположность им Ричард Уормсер смело раскрывает психологию всесильных Америки и показывает, сколько в их понимании стоит человеческая жизнь. В этом и состоит главная заслуга одаренного автора.

Большая часть повести «Пан Сатирус» посвящена военным и деятелям ЦРУ, их нравам, взглядам и политике. Этим книга начинается, этим она заканчивается. И это не случайно. Многих американских журналистов и публицистов самых различных убеждений интересует сейчас роль военных в политической и иных сферах жизни США, интересует именно потому, что роль эта чрезвычайно велика.

Первое знакомство главного героя повести Пана Сатируса с представителями военно-промышленного комплекса состоялось на мысе Канаверал, откуда США запускают свои космические корабли, и затем в Карибском море на военном корабле «Кук».

Пан Сатирус — обезьяна, шимпанзе, которую автор повести наделил даром человеческой речи. Она отличается острым умом, добротой, честностью и другими лучшими человеческими качествами. Одним словом, Пан Сатирус — самый человеческий человек.

...На мысе Канаверал паника. Крайнее возбуждение охватило представителей Национального управления по аeronавтике и исследованию космического пространства (НАСА), политиков, репортеров. Еще бы: невиданная сенсация! Обезьяна, запущенная в космос, что-то сделала с космическим кораблем, и в результате он полетел в обратном направлении со сверхсветовой скоростью. Величайшее достижение, которое имеет колоссальное военное значение!

На этом фантастическая часть повести (говорящий шимпанзе-изобретатель) кончается и начинается реальность.

После успешного спуска и «приводнения» Пан Сатирус оказывается в пленау у представителя НАСА генерала Билли Магуайра и агентов Федерального бюро расследования на борту военного корабля «Кук».

Генерал и агенты ФБР пытаются узнать секрет «сверхсветового полета». Но Пан не хочет раскрыть секрет своего изобретения, понимая, что оно попадет в руки жестоких людей, мечтающих об уничтожении целых народов и стран. В сцене столкновения обезьяны с генералом, офицерами и агентами ФБР, отличающимися только одеждой, но отнюдь «не манерой поведения», невольно принимаешь этих людей за обезьян, а обезьяну за человека. Пана Сатируса то пугают жупелом антикоммунизма, то грозятся пустить в ход смирительную рубашку и пистолет. Генерал Магуайр, этот «гигант с мозгом мартышки», умеет только «рявкать» и хвататься за кобуру при первом же проявлении неповиновения. «Пан Сатирус пожал плечами и отвернулся. Спорить с этим человеком было совершенно бесполезно. Спор продолжался бы годами, а толку не было бы никакого».

Но вот перед читателем новая сцена, на сей раз на «Насосной станции» — под этим названием скрывается секретная, видимо, особого назначения американская военная база. Пана Сатируса доставляют в кабинет, где за столом сидят трое военных, которые занимают явно более высокие места на иерархической лестнице Пентагона, чем генерал Магуайр. Вспомним, как автор характеризует одного из них, адмирала Армстронга: у него были «загорелое

лицо, коротко подстриженные усы и челюсть, которой позавидовал бы сам Пан Сатирус». Потребовав от Пана Сатируса немедленно выложить на стол секрет полета со «сверхсветовой скоростью», он заявил: «Если нам станет ясно, что вы не хотите пойти нам навстречу, мы готовы устраниТЬ вас по возможности гуманным способом. Иначе говоря, ликвидировать. Другими словами, вас ждет газовая камера, пуля или что-нибудь в этом роде...»

Американцы и те иностранцы, которые пристально следят за развитием политической жизни в США, без труда могут распознать в магуайрах и армстронгах нынешних «военных стервятников», представленных в Пентагоне и правительстве США. Это они санкционируют самые варварские методы ведения войны против свободолюбивого вьетнамского народа и при этом цинично хващаются тем, что применяют в Южном Вьетнаме тактику «выжженной земли».

Применяя напалм и ядовитые газы против мирного населения Южного Вьетнама, американские агрессоры уже встали в один ряд с теми, кто в годы второй мировой войны умерщвлял людей в газовых камерах.

Как-то, говоря об американском искусстве, Бернард Шоу заметил: «Американцы перешли от варварства к декадентству, так и не познав цивилизацию».

Великий английский драматург имел в виду то обстоятельство, что американскую художественную литературу, театр, кино и телевидение в послевоенное время захлестнула грязная волна секса и патологии. Культ насилия,

разбоя и поножовщины стал нормой американского искусства; оно воспитывает в человеке потребность убивать, разрушать, грабить.

Но разве не этой же человеконенавистнической моралью руководствуются американские военные? И разве только они?!

«К чему создавать Совет для содействия искусству или какой-либо другой орган культурной деятельности? Правда, музыка может ободрять парней, когда они идут на войну, или приветствовать уже меньшее число парней, возвращающихся с войны,— ведь многие из них, кто уйдет туда, не вернутся. Но к чему изучать живопись, скульптуру, кино, телевидение или танцы, когда мы готовимся к войне, на ведение которой не хватает долларов?»

Читатель может подумать, что эта тирада принадлежит какому-нибудь зарвавшемуся деятелю Пентагона. Отнюдь нет. Ее произнес член палаты представителей Гросс, и не в интимном кругу, а на открытом заседании конгресса при обсуждении вопроса о правительственные ассигнованиях на цели «чистого» искусства!

Вот какие настроения ныне господствуют под куполом Капитолия, в высшем законодательном органе Америки. Конгресс США по существу превратился в филиал Пентагона.

Большинство конгрессменов голосует так, как того желают военные. Почти четверть из них являются крупными дельцами и сами получают правительственные военные заказы. Другие, не будучи предпринимателями, избраны в конгресс с помощью фабрикантов

оружия или деятелей Пентагона. Чтобы представить себе, как это выглядит на деле, достаточно привести один пример: в Соединенных Штатах Америки нет ни одного штата и, более того, ни одного округа, который не производил бы в больших количествах вооружение, не заключал бы военных контрактов с Пентагоном или не имел военных сооружений. По свидетельству сенатора Рассела, «...в покупке оружия для уничтожения людей, разрушения городов и огромных систем транспорта есть нечто такое, что заставляет конгрессменов меньше считаться с расходами, чем в тех случаях, когда речь идет о хорошем жилье и о здоровье людей».

Как говорится, комментарии излишни.

В повести «Пан Сатирус» имеется очень любопытная сцена, в которой политические науки Америки показаны крупным планом. Речь идет о встрече Пана Сатируса с «Большим Человеком Номер Первый» (читатель, видимо, догадывается, что речь идет о президенте США) и одним губернатором, также «большим человеком». Первый представляет демократическую, второй — республиканскую партию.

Эти два «больших человека» также хотели «расколоть» Пана Сатируса, пытаясь при этом убедить его в том, что они выступают за свободу и демократию во всем мире, против коммунистов, которые, по их выражению, «лишают людей... свободы».

Я не буду пересказывать весь разговор Пана с лидерами «свободного мира». Приведу лишь заключительную часть беседы.

— Вот вы с губернатором,— спросил Пан Сатирус,— дорожите ли вы своими высокими постами?

Оба настороженно кивнули.

— Я хочу сказать, считаете ли вы эти посты высокими?

Они снова дружно кивнули, хотя принадлежали к соперничающим политическим партиям.

— Вы считаете их более важными, чем богатство, накопленное вашим отцом, сэр, и вашим дедом, губернатор? — Пан встал.— От чего бы вы отказались в первую очередь? От поста или от богатства?

На этот раз ни один из государственных деятелей не шелохнулся. Выражения их лиц были настолько одинаковы, что, казалось, пропасть, вырытая Александром Гамильтоном и Томасом Джейферсоном (основатели республиканской и демократической партий.— *H. K.*), наконец засыпана.

В этой сцене передается вся суть американских «выборов без выбора», хотя внешне предвыборная дуэль выглядит довольно свирепой. Кандидаты обеих партий дерутся за обладание Белым домом не потому, что их политика различится (в чем-то существенном), а потому, что господствующее положение в столице США поможет им «делать деньги». Ведь если, к примеру, на президентских выборах победит кандидат демократической партии, то боссы этой партии получат тепленькие местечки в правительстве и других официальных органах. А ради этого стоит подраться.

Средний американец поначалу удивлялся: почему деятели, получающие колоссальные оклады в частных предприятиях, охотно переходят на правительственную службу со значительно меньшим окладом? Раньше удивлялся, а теперь перестал, ибо оказалось, что эти деятели после нескольких лет работы в Вашингтоне уходят в отставку миллионерами.

Все чиновники, находящиеся на различных ступенях иерархической лестницы федерального аппарата, независимо от партийной принадлежности, привыкли обкрадывать государственную казну оптом и в розницу, очень часто при этом оказываясь вне поля зрения блюстителей законности. «Преступники в белых воротничках», как именуют в США крупных казнокрадов, спокойно уходят в отставку, награбив себе состояние. Одни получают взятки с владельцев компаний за то, что обеспечивают им получение правительственныех военных заказов. Другие, особенно министры, состоят пайщиками тех же компаний, которые послали их в Вашингтон, так как обеспечивают им непрерывный поток военных заказов, исчисляемых миллиардами долларов. Так американские миллиардеры делают новых миллионеров.

Нацистскую идеологию и мораль характеризовал прежде всего воинствующий антисоветизм и присвоенное фашистами «право» порабощения других народов под предлогом борьбы против коммунизма. Получив возможность подкармливать население Германии за счет грабежа других народов, Гитлер возбудил у значительной части немецкого народа невероятную жадность к обогащению. Этим он сумел

растлить человеческую душу и сделать ее послужным орудием в своих руках.

Если хотите, нечто подобное наблюдается сейчас в Соединенных Штатах Америки. Эта мысль красной нитью проходит через всю повесть «Пан Сатирус».

С кем бы Пан ни сталкивался, все поражали его жаждой делать деньги. Любая попытка выведать у него секрет полета со сверхсветовой скоростью всегда начиналась с того, что его хотели купить. Более того, люди поражались, когда он отвергал деньги. Комментатор радиотелевизионной компании Билл Данхэм сознательно «поддерживал свою репутацию профессионального хулигана», так как это приносило ему деньги и возвышало в глазах боссов. Как и многие его коллеги, ради долларов он готов был на любую подлость и, не задумываясь, продал душу «желтому дьяволу».

«Продажность, подкуп в гигантских масштабах, панама всех видов» *,— такими словами В. И. Ленин почти полвека назад характеризовал мораль американского империалистического общества. Сегодня это определение как нельзя лучше передает повседневную реальность того общества, которое идеологи США называют «великим».

Доллар уже покалечил души миллионов американцев, воспитал в них лихорадочную жадность, почти патологическое стремление к обогащению.

Не так давно американский журналист Роберт Смит не в сатирической повести, а в га-

* В. И. Ленин, Соч., т. 23, стр. 95.

зетной статье («Газетт энд дейли», выходящая в штате Пенсильвания) писал:

«В наши дни человеку чуть ли не на каждом шагу напоминают о том, насколько прогнило общество, где мужчин и женщин уважают пропорционально капиталу, которым он или она владеют.

Эта мысль в тысячный раз пришла мне в голову, когда я прочитал о том, что один из очевидцев убийства Кеннеди, у которого представитель печати пытался получить интервью, заявил ему: «Сначала договоримся о финансовой стороне».

Я не считаю, что в попытке этого человека заработать на смерти президента было что-то чересчур омерзительное, особенно если учесть, что на этом печальном событии обогатились уже многие и многие. Но добавьте это проявление нездоровой жадности к другим бесчисленным примерам нашей лихорадочной жажды наживы, и вы почувствуете тошноту. Есть ли в нашей жизни какой-либо аспект, которого не коснулась бы эта жажда стяжательства?»

Я не думаю, что Роберт Смит преувеличивает. В Соединенных Штатах Америки вполне официально, в прессе, радио, телевидении с беспримерным цинизмом оправдывается и восхваляется гонка вооружений, которая приносит монополистам миллиардные прибыли. Однако одновременно с этим пропагандистская машина вдалбливает в умы американцев мысль, что чем больше в США будет производиться пушек, танков, самолетов, ракет, напалма и газов, тем лучше населению, потому что гонка вооружения способствует занятости ра-

бочих рук; чем дольше американские солдаты будут воевать во Вьетнаме, тем больше они заработают.

Это невероятно, но факт: в Америке открыто говорят — чтобы процветать самим, нужно убивать других, чтобы составить себе богатство, нужно грабить других. Что это за общественный строй, что это за страна, которая хочет быть счастливой за счет несчастья других? Этот вопрос не волнует правителей США, потому что они хотят заставить как можно больше американцев играть роль наемного палача в захватнических планах Уолл-стрита. И таких людей в Америке, которые играют роль наемного палача, сегодня уже немало. «Армия есть бизнес, мне хорошо платят», — цинично писал своим родным из Южного Вьетнама армейский капитан Дон Фелтон. «Нам платят со скальпа», — хвастался другой офицер Делавен. Вот уж поистине: на каждом долларе ком гряди, на каждом долларе — следы крови, том самом долларе, который движет системой воспитания миллионов неразмышляющих убийц в США!

В повести «Пан Сатирус» Ричард Уормсер раскрывает облик именно этой Америки. Он едко высмеивает утверждения лидеров США, которые пытаются оправдать грабеж других народов предлогом борьбы против коммунизма, и ставит на этом точку, не считая нужным проводить параллели из истории. И он по-своему прав.

Другие американские авторы проводят такие параллели. И они тоже правы, показывая, что США не оригинальны, изобретая жупел

антикоммунизма, что им спекулировали и гитлеровская Германия, и Италия Муссолини, и императорская Япония. А эти государства в свою очередь тоже были не оригинальны в деле международного разбоя и массового истребления других народов: в ряде случаев они учились этому на опыте страны за океаном.

Еще в XIX веке американский юрист Джеймс Кент и известный французский историк Токвиль констатировали наличие в господствующей идеологии США чувства высокомерия и самодовольства, когда американцы считали, что они выше других и что правила, принципы, относящиеся к другим народам, к ним, американцам, не относятся.

О том, к чему привело это чувство высокомерия и самодовольства, может свидетельствовать хотя бы политика правительства США в отношении индейцев — коренных жителей Америки. Тягчайшее преступление против индейцев было совершено под руководством детей нынешних миллиардеров. Хорошо, например, известно, что Джон Пирпонт Морган старший, основатель нынешней «империи» Морганов, прославился тем, что финансировал операции по истреблению индейцев в прибрежных водах Америки. В истории США — это неопровергимый факт. Сами индейцы присвоили Моргану и его подручным за совершенные ими преступления кличку «великанов-людоедов». Это были преступления, которые затем по существу были повторены гитлеровцами.

Таким зверским способом и было истреблено почти все индейское население Америки. И сегодня генерал Максуэлл Тэйлор, главный

военный советник президента США, также учит офицеров, что вьетнамцев нужно сначала перестрелять, а потом считать. Современные американские рабовладельцы, как видим, ничего не забыли и ничему не научились.

Морально-этические портреты генералов и офицеров американской армии, нарисованные Ричардом Уормсером, похожи друг на друга, как две капли воды. Неудача автора? Отнюдь нет. Автор как нельзя лучше подметил характерную черту командного состава и армии в целом, показав генералов, офицеров и солдат двойниками в моральном отношении.

Дело в том, что магнаты капитала издавна создавали армию подстать своей философии и политике насилия. Далеко не каждый американец, несмотря на щедрую плату, желал и желает служить в такой армии. Вот почему туда с удовольствием брали уголовных преступников и лиц, находившихся под следствием. При зачислении в армию им списывали все совершенные ими преступления и к тому же выплачивали высокое жалованье, разумеется, не из сейфов монополий, а из государственной казны, то есть деньги налогоплательщика.

И в настоящее время, когда США усиливают политику насилия и колониального разбоя, принцип вербовки приобретает все большее значение. Более того, американское правительство официально объявило, что к 1970 году оно откажется от призыва и будет полностью строить армию по принципу вербовки, то есть будет покупать людей, потерявших совесть и честь и готовых идти на любые преступления, таких людей, которые, по хлесткому выраже-

нию газетного магната Хёрста, после соответствующей подготовки должны «знать 32 способа убивать одними только голыми руками». Найдется ли столько людей в современной Америке? Видимо, да, если учесть, что в настоящее время преступность в стране растет в шесть раз быстрее роста населения, причем почти половину всех арестованных за совершение убийств, изнасилований и краж со взломом составляют подростки моложе 18 лет.

Один известный американский писатель как-то сказал: «Весь американский материк полон скрытых насилий. У всех американцев есть потребность убивать, разрушать, грабить. На вид они приличные люди, здоровые, жизнерадостные, мужественные, но внутри — сплошная червоточина».

В этом определении есть большая доля правды, но, конечно, его ни в коей мере нельзя распространять на всех жителей США. Мне не раз приходилось лично беседовать с честными и мужественными людьми, которые, как принято выражаться, составляют «другую Америку». К сожалению, Ричард Уормсер почти не знакомит нас с этой Америкой, не знаю почему — то ли потому, что не верит в ее силу, то ли потому, что она не укладывалась в рамки его повествования. Но хочет того автор или нет, он все же показывает нам простых, честных американцев. К их числу относятся люди из непосредственного окружения Пана Сатируса: это доктор Бедоян и два моряка — Бейтс и Бронстейн — верные друзья шимпанзе, которые не дают его в обиду и вместе с ним разделяют все тяготы пребывания в плену у военных. На-

до сказать, что под влиянием обезьяны эти люди — если можно так выразиться — «очеловечиваются», она заставляет их задуматься над тем, мимо чего они равнодушно проходили раньше. Пан Сатирус вырвался из плена стервятников, для того чтобы немедленно покинуть пределы Америки военно-промышленного комплекса. А между тем, «другая Америка» наращивает движение против вашингтонской политики агрессии и авантюр. Кстати, об этом также свидетельствует и сам Уормсер, опубликовав «Пана Сатируса», книгу, которая поможет американцам лучше разобраться в природе правящих кругов США. Прогрессивные американцы, как и все передовое человечество, клеймят позором политику США во Вьетнаме, ставшей в глазах людей символом мрака и скверны в современном цивилизованном мире.

Н. Карев

ГЛАВА ПЕРВАЯ

В настоящее время существует два вида человекоподобных — малые и большие человекообразные обезьяны.

Айван Т. Сэндерсон «Обезьянье царство», 1956 г.

«Внимание! Говорит и показывает Билл Данхэм с мыса Канаверал. До старта остается девяносто секунд, и обратный отсчет продолжается. Все будет в ажуре, как только что сказал представитель НАСА генерал Билли Магуайр... До старта остается восемьдесят шесть секунд.

Смотрите, какая суматоха, а ведь сегодня провожают не астронавта. Насколько нам известно, у Мема на Земле не остается ни родных, ни близких, так что волноваться за него некому. Восемьдесят секунд, и отсчет продолжается...

Да, Мем холостяк. Но сегодня он — весьма именитый холостяк, тринадцатый шимпанзе, которого запускает на орбиту Америка, страна свободы, равенства и... Семьдесят две секунды, и все будет в ажуре.

Что означает его имя, дорогие телезрители, вы все, безусловно, знаете: Мем — тринадцатая буква древнееврейского алфавита. Здесь, на мысе Канаверал, есть очень образованные

люди... остается шестьдесят пять секунд... и женщины в том числе. Имя Мему дала миссис Билли Магуайр. По-видимому, изучение древнееврейского и арабского языков — ее хобби... Пройдет шестьдесят секунд и... Мем отправится в испытательный полет. Мем в полном ажуре, как сказал генерал Магуайр.

А полет этот — дело не шуточное... Остается пятьдесят секунд... Двадцать четыре часа на орбите, и все это время датчики будут сообщать на Землю обо всех процессах, происходящих в организме Мема... Остается сорок пять секунд... Радио передаст показания датчиков о биении его пульса, о нервной дрожи, о количестве адреналина и... Остается всего тридцать секунд, да, всего полминуты, и двигатели взревут...

Прекрасный экземпляр шимпанзе, этот наш Мем. Вы видели на ваших экранах, как, направляясь к космической капсуле, он остановился, чтобы пожать руку врачу, доктору Араму Бедояну, который привез его из Уайт Сэндс и неотлучно находился при нем... До старта остается пятнадцать секунд... Не думайте, что волнуетесь только вы — вот сейчас на ваших экранах крупным планом мои руки, видите, как они дрожат?.. Десять секунд... Кажется, не проявляет нервозности только один Мем, он не знает, что ему предстоит... Девять... восемь... семь... шесть... пять... четыре... три... два... один... ноль.

Пошел! Старт что надо! Ракета медленно ползет вверх. Через несколько секунд мы увидим, как первая ступень отделяется и упадет в море... Вот она отваливается... еще секунда, и

«Мем-саиб» — название корабля тоже придумала миссис Магуайр — полетит над Атлантическим океаном, и через полчаса старина Мем сможет взглянуть вниз и увидеть Африку, откуда привозят его сородичей, всех этих славных шимпанзе... Или, может, их привозят из Азии? И... Что это? Вторая ступень отделилась, но КОСМИЧЕСКИЙ КОРАБЛЬ ПОВОРАЧИВАЕТ НЕ НА ВОСТОК, А НА ЗАПАД... он летит над Соединенными Штатами... ОН НЕ ДОЛЖЕН БЫЛ ЛЕТЕТЬ В ЭТУ СТОРОНУ!.. Последняя новость... только что получено сообщение от генерала Билли Магуайра — «Мем-саиб» на орбите... Я на минуту прекращаю передачу для наших нью-йоркских телезрителей, чтобы разыскать генерала Билли и попытаться получить у него объяснение, почему заблудился шимпанзе!»

* * *

«УАЙТ СЭНДС вызывает ЦЕНТР УПРАВЛЕНИЯ НАСА... Вы меня слышите, НАСА? О'кей. Сигналы с «Мем-саиба» были громкие и четкие, когда он взлетел. Но как только корабль оказался точно над нами, передача сигналов с автоматической станции прекратилась и началась морзянка... Ну да, морзянка, та самая — точки-тире... Я не пью на дежурстве и вообще никогда не пью, потому что заработал себе язву желудка, разговаривая с такими вот болванами, как ты... Простите, сэр. Да, да, азбука Морзе, я же именно это сказал... Ну вот, я так и думал, что в конце концов вы поймете... Оттуда передали.., Почем я знаю —

кто? Читаю: «Солнце слепило глаза, и я повернул на запад». Открытым текстом. Похоже, он разрывал и замыкал цепь. У него такая сноровка, словно он служил на флоте радистом, как я когда-то... Повторяю, сэр: «Солнце слепило глаза, и я повернул на запад».

«САН-ДИЕГО вызывает ЦЕНТР УПРАВЛЕНИЯ НАСА. С «Мем-саиба» только что сообщили, что он сделает всего один виток. Читаю: «Облетел Землю один раз, смотреть больше не на что. Через час приземлюсь неподалеку от Грэнд Инагуа. Распорядитесь насчет обеда». Конец радиограммы... Я просто передаю сообщение, я не комментирую».

В районе Карибского моря была прекрасная погода. Американский военный корабль «Кук», миноносец-авианосец (МА), без особого труда выловил в море космическую капсулу и втащил ее на палубу. Команда выстроилась в очередь, и старший писарь фотографировал всех подряд на фоне надписи «Мем-саиб». С матросов он брал по доллару с головы, а с офицеров — по два.

Но не успел командир «Кука» (старший лейтенант*) принять позу, как крышка бокового люка откинулась и на палубу ступил Мем.

Это был высокий и довольно худощавый

* Все воинские звания даются приближенно к званиям, известным советскому читателю. В вооруженных силах США шкала званий более сложная. — Прим. перев.

шимпанзе, весивший всего фунтов сто двадцать; впрочем, для своих семи с половиной лет он был даже тяжеловат. В космическом костюме и шлеме он мало чем отличался от человека.

Прежде всего он потребовал:

— Помогите мне выбраться из этого костюма. Кажется, я подцепил блоху на мысе Канаверал.

Моряки с готовностью пришли ему на помощь.

Пока бравая команда сдирала с шимпанзе замысловатое одеяние, командир удалился на капитанский мостик. Туда же пришел и его старший помощник, лейтенант.

— Вы слышали, что он говорит? — спросил командир.

— Я бы сказал то же самое, — задумчиво произнес старший помощник. — Черт побери, его заставили бы провести двадцать четыре часа на орбите с блохой под скафандром!

Он содрогнулся.

— Но, Джонни, он же говорит! Я слышал собственными ушами. Обезьяны ведь не говорят!

— Да, сэр. Но позволю себе заметить, что именно эта обезьяна действительно говорит. Черт возьми, пехота и та говорит... так почему бы не говорить шимпанзе?

— Перед нами встает проблема этикета. Куда ему подать ленч?

Старший помощник чуть было не сказал: «Что, что?», но вовремя спохватился и трансформировал свой вопрос в «Простите, сэр?»

— Я хочу сказать, — пояснил командир, —

что это всемирно известный шимпанзе. Много ли обезьян или людей летало в космос? Он знаменитость, хотя и обезьяна. Мы не можем кормить его вместе с рядовым составом.

— Никак нет, сэр.

Старший помощник не мог оторвать глаз от синей поверхности моря.

— А я не знаю, что скажет начальство, если мы будем кормить обезьяну в офицерской кают-компании.

— Так точно, сэр.

— Я не хочу, чтобы мне задержали присвоение звания капитан-лейтенанта. У меня уже подходит срок.

— Так точно, сэр.

— К черту официальности, Джонни. Я же прошу совета.

Старший помощник вздохнул. Срок присвоения ему очередного звания еще не подходил, но он не хотел, чтобы в его личном деле появилась характеристика «неуживчив». Пусть уж пишут «несообразителен», но «неуживчив» — ни в коем случае.

— Посадим его с мичманами, — сказал он. — И объявит им, что они удостаиваются этой чести, потому что мичмана — это костяк флота.

— Ну, Джонни, плавать вам под собственным флагом еще до того, как уйдете в отставку.

— Благодарю вас, сэр.

* * *

Мичманская кают-компания на «Куке» была небольшой — за столом сидело четверо мичма-

нов и восемь главных старшин. С Мемом их стало тринадцать, но шимпанзе их успокоил:

— В конце концов, я тринадцатая обезьяна, слетавшая в космос, и все обошлось благополучно.

Радист первого класса Бронстейн, по прозвищу Счастливчик, заметил:

— Так точно, сэр. Раз вы не придаете значения суевериям, то и нам не следует.

— Джентльмены, не называйте меня сэром.

— Ну, тогда и вы не называйте нас джентльменами,— сказал Счастливчик.— Мы не офицеры.

— Горилла... простите, я хотел сказать, мичман-минер Бейтс здесь старший. Тридцать пять лет на флоте.

Шимпанзе Мем рассмеялся.

— Горилла — это ваше прозвище, мичман?

Произошло событие, достойное быть отмеченным в истории военно-морского флота США: мичман Бейтс покраснел.

— Так точно, сэр,— сказал он.

Мем снова захохотал и с наслаждением почесался.

— Не стыдитесь своего прозвища, мичман. Я предпочел бы, чтобы меня называли Обезьянкой, но только не Мемом. Эта дурища — супруга генерала — собиралась даже окропить мою голову шампанским, когда дала мне это имя. Доктор Бедоян отговорил ее. Кстати, мне сейчас пришло в голову...—

Тяжелое морщинистое веко чуть поднялось, приоткрыв левый глаз. Шимпанзе оглядел стол.

— Нет ли у вас чего-нибудь выпить?

Счастливчик Бронстейн уныло покачал головой.

— А у нас нет даже денатурата, Мем, прощите, Обезьяна.

— Зовите меня Паном,— сказал шимпанзе.— Пан Сатирус — это видовое название чернолицых шимпанзе по-латыни.— Он улыбнулся задумчиво и немного грустно.— Так было написано на металлической табличке, прикрепленной к клетке моей матери. Когда я был еще маленькой обезьянкой, я думал, что ее так зовут.

— А, ладно, пропади оно все пропадом,— сказал Горилла Бейтс.— Я человек простой, грубый, мистер Сатирус. Простой, грубый. Уже двадцать пять лет как минер. Я и хочу знать: где это вы научились говорить?

Пан Сатирус рассмеялся.

— Прямо поставленный вопрос — это не грусть, мичман. Что ж, отвечу. Я научился говорить... да и читать, если на то пошло... в два года. Просто я не видел необходимости в применении своих знаний, пока не очутился с блоком под скафандром в этом космическом корабле с идиотским названием.

— Черт побери! — сказал старший писарь Диллинг.— А ваши все могут говорить, если захотят?

— Наверно. Я никогда над этим не задумывался.

— Ладно, — сказал Счастливчик Бронстейн.— Ладно. Но вот, чтобы все шимпанзе... то есть Паны Сатирики или как вас там... могли шпарить хорошей морзянкой да еще без

ключа — это у меня в котелке никак не укладывается.

— А хороший у меня радиопочерк? — спросил Пан. — Я давно не практиковался. Еще когда я жил с матерью, наш ночной сторож, бывало, все стучал ключом. Он хотел получить работу в торговом флоте. А я стучал по полу клетки ему в такт.

Вестовые, посовещавшись шепотом в камбузе, стали подавать. Пан Сатирус разломил французскую булку и принялся попеременно откусывать от обеих половинок.

— Свежих фруктов, поди, нет, — сказал он. — Ну, да все равно. Живя с людьми с самого рождения, я привык к любой пище. Я умираю от голода; мне не дали позавтракать — боялись, что наблюдают в шлем.

— Принесите джентльмену банку персиковых консервов, — распорядился Горилла. Вестовые засуетились. — Пан, ты мне нравишься. А теперь ты всегда будешь говорить?

Пан Сатирус оторвался от клубничного джема, который он уплетал столовой ложкой.

— Горилла, — медленно произнес он, — это очень уместный вопрос. Кажется, я уже не смогу остановиться. Сдается мне, что я совершил ошибку, облетев вокруг Земли с такой скоростью и в том направлении, как я это сделал. Надо было мне придерживаться естественного направления, то есть лететь с запада на восток. Кажется, я регрессировал!

— Что ты сделал? — спросил Счастливчик Бронстейн.

— Должно быть, я употребил не то слово, — сказал Пан. Черные глаза его погрустили. —

В общем совершил эволюцию наоборот, как бы это ни называлось.

— У меня в столе есть толковый словарь,— сказал писарь, но никто его не слушал.

— Видите ли, шимпанзе более развиты, чем люди,— продолжал Пан Сатирус.— Не очень-то вежливо говорить это, находясь у вас в гостях, но от правды не скроешься. Впрочем, один человек... я прочел об этом через плечо доктора Бедояна, когда был болен и он выхаживал меня... один человек, которого звали Эйнштейн, создал теорию об очень быстром путешествии, о путешествии со скоростью, превышающей скорость света, и о том, что в результате получается с путешественниками.

— Летать быстрее света невозможно,— сказал Бронстейн.

— Тем не менее я летал,— возразил Пан Сатирус.— Меня то и дело сажали в эту капсулу, или космический корабль, или как его там.— Он содрогнулся на обезьяний манер — шерсть его стала дыбом.— Ради тренировки... Имитировали полет на земле. Делать там было нечего, и я изучал устройство корабля. Как только меня запустили, я все в нем переинициал.

— Это до меня не доходит,— сказал Горилла.

— Я регрессировал,— сказал Пан Сатирус. Без всякой видимой причины он добродушно похлопал Гориллу Бейтса по руке.— Да, я уверен, что говорить надо именно так. «Деэволюционировал» не годится. Видите ли, я чувствую непреодолимое желание говорить. Я всегда считал дар речи проклятьем Адама.

Он вздохнул.

Кроме Гориллы Бейтса, никто, по-видимому, не понимал его.

— Ты можешь пойти служить на флот,—сказал старый мичман.— В море не так уж плохо. Если верить Бронстейну, из тебя получился бы радиист второго класса, а может, и первого.

— Мне всего семь с половиной лет,— сказал шимпанзе.— Меня не возьмут.

— Не возьмут, даже с согласия родителей не возьмут,— вставил писарь, хотя его никто не слушал.

— Во всяком случае,— сказал Пан Сати-рус,— матросская форма — это не для шим-панзе.

— А, понимаю,— догадался Бронстейн.— Я видел фотографию Бейтса, снятую еще до того, как он стал мичманом.

Послышались свистки, звонки, а затем властная команда:

— Все наверх! По местам стоять!

— Как стоять? — спросил Пан.

Но в каютах-компаниях уже никого не было; все побежали на взлетную палубу и к своим боевым постам. Пан Сати-рус прикончил последние персики и побрел следом, сопровождая каждый шаг постукиванием костяшек пальцев о стальную палубу.

Команда корабля построилась и стояла «вольно», когда он добрался до взлетной палубы. Моряки стояли в строю по подразделениям, или поротно, или как уж они там строятся в военно-морском флоте; ни один из стражей Пана никогда не читал морских рассказов, и поэтому по части знания морских порядков Пан был нетверд.

«Мем-саиб» оттащили на край палубы. Шимпанзе вразвалку подошел к капсуле, прислонился к ней и стал наблюдать, как моряки совершают перестроения, свистят в дудочки, что-то принаитовывают или, бог его знает, что они там еще делают. К «Куку» приближался вертолет.

Наблюдая, Пан Сатирус усердно почесывался и с наслаждением ощущал, как под порывами тропического ветерка шевелится шерсть на спине. Ловким привычным движением он наконец прижал ногтем блоху, которая заставила его прервать полет, и с торжеством раздавил ее. Он был бы рад вернуться в Уайт Сэндс: Флорида определенно была проблажиной и антиобезьянью стороной.

Позевывая, он чуть скептически наблюдал за вертолетом. За последние пять с половиной лет он побывал не в одном исследовательском центре Военно-воздушных сил и НАСА. Он даже немного поработал на Комиссию по атомной энергии в Лос-Аламосе, где был превосходный врач и прескверное питание; там, по-видимому, считали, что шимпанзе любят только замороженные бананы.

Да, с тех пор как он расстался с матерью, ему пришлось повидать чертову уйму мест, где садились вертолеты. Шумные машины. Притом сконструированные скверно и неизвестно для чего. Большая часть поездок осуществлялась так: вертолет брал на борт какого-нибудь бездельника в одном месте и поспешно доставлял его бить баклушки в другое. Хождение, каркаканье, покачивание — все создавало приятное ощущение осмысленной деятельности.

Есть! Вертолет благополучно сел на палубу. Пилот заглушил двигатели, и люди в нелепо раскрашенных комбинезонах подбежали к вертолету, закрепили его и ушли.

Так, значит, вертолету обеспечена безопасность. У Пана Сатируса в Холломэне был врач, моряк. Если он говорил, что надо обеспечить безопасность, это, по-видимому, означало, что надо кого-то или что-то оставить в покое.

Офицеры отдали честь. Пан Сатирус знал все о воинских порядках, установленных формах одежды, рангах, денежном содержании. Он был весьма наслышан о государственной службе, как гражданской, так и военной. Отдавали честь старший лейтенант и лейтенант. А это адмирал... скажи на милость, АДМИРАЛ... выходил из вертолета. И врач — капитан третьего ранга. И двое гражданских, которые очень смахивали на сторожей. Сторожа теперь хотят именоваться служителями (обезьянями), но для него они все равно сторожа, а знал он их всяких — и мерзких, и очень даже приятных в обращении...

Писарь, которого никто не слушал, теперь фотографировал адмирала.

Пан Сатирус пригладил шерсть и заковылял вперед, постукивая костяшками пальцев о палубу.

Первым его увидел адмирал. Он перестал позировать перед аппаратом и показал пальцем:

— Обезьяна! Почему не обеспечена безопасность?

Врач обернулся и что-то сказал одному из сторожей, который торопливо полез в вертолет.

— Не надо обеспечивать мне безопасность, адмирал, — сказал Пан Сатирус. — Мне очень нравится говорить с людьми. У нас был такой славный ленч в мичманской столовой.

— У мичманов не бывает ленча, — сказал адмирал. — Они обедают и ужинают. Ленч бывает только у офицеров.

Пан Сатирус пожал плечами и отвернулся. Спорить с этим человеком было совершенно бесполезно. Спор продолжался бы годами, а толку не было бы никакого. Как от самолетов и вертолетов... и космических кораблей под названием «Мем-саиб».

Штатский вернулся, и, заметив его, Пан Сатирус, собирающийся уйти, тотчас повернулся к нему лицом. Он знал, что было в руках у этого человека: смирительная рубашка и пистолет, стреляющий зарядом успокоительного лекарства.

— Уберите эти штуки, — сказал он. — Я не хочу их видеть.

— Стреляйте, стреляйте, — рявкнул адмирал. — Я не собираюсь лететь вместе с обезьяной, пока ее не свяжут!

Сторож колебался.

— Это просто успокоительное, сэр, — сказал он. — Оно его с ног не свалит.

Пан Сатирус решил, что ему пора зарычать. Затем он немного поколотил себя в грудь кулаком, подражая человеку, который играл гориллу в какой-то телевизионной постановке.

— Осторожней с пистолетом, Нельсон, — сказал врач. — Обеспечьте безопасность.

— Взять обезьяну! — командовал адмирал. — Обеспечить безопасность!

Тут что-то было неладно. «Обеспечить безопасность» могло, оказывается, означать и «оставить в покое» и, наоборот, «что-то предпринять». Пан пожалел, что ему пришлось мало читать морских рассказов, рассказов о военно-морском флоте. Интересно, что теперь с тем сторожем, который хотел поступить в торговый флот радиостом?

Адмирал адмиральствовал вовсю.

— Вы командир этого корабля? — спросил он старшего лейтенанта. — Выделите несколько человек, пусть займутся этой обезьяной и обеспечат безопасность!

— Я бы вас попросил не подчеркивать мою принадлежность к обезьянам, адмирал, — сказал Пан Сатирус. — Я не люблю, когда меня сваливают в одну кучу с гориллами, орангутанами и гиббонами. Я шимпанзе, Пан Сатирус, для краткости меня можно называть просто Пан. — Он почесал голову и добавил: — Сэр.

— Он еще разговаривает! — возмутился адмирал.

Пан Сатирус ответил — вполне резонно, как он полагал:

— Как и вы, адмирал.

Адмирал побагровел.

— Старший лейтенант, вы слышали, что я сказал? Выделите несколько человек и...

Командир вытянулся в струнку.

— Сэр, для этого мне придется вызвать добровольцев.

— Действуйте.

Пан Сатирус завопил. На этот раз он был не в грудь, а по палубе. Шум получался изрядный.

Служитель, державший смирительную рубашку, вытирая лицо.

— Вряд ли вы найдете добровольцев,— сказал Пан.

— Старший лейтенант, прикажите главному старшине корабельной полиции пристрелить это животное,— распорядился адмирал.

Пан шагнул к адмиралу.

Но тут произошла заминка. Моряк с такими же почти знаками различия, как у Счастливчика Бронстейна, но только с меньшим числом нашивок, подбежал к адмиралу, отдал честь и вручил листок бумаги. Радиограмму.

Адмирал прочитал ее и перечитал снова. Он отер пот с лица, хотя в руках у него не было для этого смирительной рубашки.

— Старший лейтенант,— сказал он.— Отмените последний приказ. Пусть ваш главный старшина корабельной полиции поставит у космического корабля часовых. Никто не должен заходить в корабль. Повторяю, никто. И никто не должен говорить с... с пилотом.

Подбежавшие моряки построились вокруг «Мем-саиба».

Горилла Бейтс, стоявший во главе своих минеров, печатая шаг, подошел к адмиралу и отдал честь.

— Сэр,— сказал он.— Я вызываюсь охранять мистера Сатируса.

Адмирал внимательно поглядел на Гориллу. Казалось, он считает нашивки на его рукаве.

— Мичман, вас зовут Бейтс?— спросил адмирал.— Мы вместе служили на «Хауленде».

— Так точно, сэр. Вы были тогда лейтенантом. Я вызываюсь охранять мистера Сатируса.

— Кого?

— Пана Сатируса, сэр, шимпанзе. Он любит, чтобы его называли Паном Сатирусом, мистером Сатирусом.

— Не называйте его мистером.

— Но он же пилот? Я буду стоять на часах и следить, чтобы никто не говорил с ним, пока не прибудут с берега ребята из службы обеспечения безопасности.

Пан Сатирус раскачивался на руках. Его уже не беспокоило, сколько он здесь пробудет. Тут было гораздо приятнее, чем на мысе Канаверал.

— Откуда вы знаете, что прибывают люди из службы обеспечения безопасности, мичман? — спросил адмирал.

Пан посочувствовал Горилле Бейтсу, у которого был такой вид, будто ему хотелось почесать в затылке — ощущение, весьма знакомое Пану и особенно острое, когда тебя привязывают в космической капсуле, в барокамере или к реактивной тележке. Мичман с трудом нашелся, что ответить.

— Ну, за ле... за обедом Пан сказал, будто он переделал свой космический корабль так, что тот полетел быстрее света. Вот я и прикинул... Телеграмму вы насчет этого получили, ребят к космическому кораблю пускать не велено и разговаривать с мистером Сатирусом тоже никому не разрешается... Полет быстрее света — это, видно, очень хорошее секретное оружие.

Адмирал кивнул. Теперь его лицо было уже не краснее обычного.

— Старый верный служака, — сказал он.

И, взволнованно откашлявшись, бросил старшему лейтенанту: — Вы здесь командир, распорядитесь!

— Возьмите себе в помощь еще одного добровольца, мичман, — тотчас распорядился старший лейтенант. — Господин адмирал, кофе подадут в кают-компании.

— Вызвался еще радиист первого класса Бронстейн, — сказал мичман Бейтс.

Счастливчик и Горилла с серьезными физиономиями подошли к Пану Сатирусу, а адмирал, капитан и врач направились вниз, или внутрь, или куда там ходят на корабле.

Лейтенант распустил строй. Оба сторожа, бросив смирительную рубашку в вертолет, полезли туда же и заперлись изнутри.

— Пошли вниз, в каюту Гориллы, Пан, — сказал Счастливчик. — Я не могу сообразить никакой выпивки, но у меня в радиорубке есть немного лимонада и печенья.

— Это будет совсем неплохо, — сказал Пан. — У этого адмирала не все дома что ли, Горилла?

— Прежде было незаметно, а теперь, похоже, идет к тому. А здорово я ему выдал, когда сказал, что тебя нужно называть мистером, раз ты пилот? Водить эту космическую штуковину можно только с высшим образованием.

— Правду сказать, этот адмирал мне совсем не понравился.

— Не обращай внимания, дружище. Флот держится на мичманах.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Обеспечение: (3) ...гарантия, дающая ее владельцу право требовать и получать собственность, не находящуюся в его владении...

Новый международный словарь Уэбстера, 1920 г.

В каюте мичмана Бейтса им было очень не-плохо. «Чудное дело,— думал Пан,— стоит увлечься разговором с человеком, и постепенно забываешь, как странно, совсем не так, как мы, выглядят люди, и даже на вид они начинают казаться настоящими шимпанзе».

Конечно, Горилла Бейтс уже далеко ушел от человека, он и в самом деле был скорее похож на гориллу, на очень молодую гориллу.

О космическом корабле и о том, как Пан его реконструировал, они не говорили. Они держались подальше и от проблем, волновавших службу обеспечения безопасности. Горилла рассказал, как он однажды напился в Китае, Счастливчик — о знакомой девушке из Виллафранки, а Пан — о том, как в зоопарке макаки-резусы стащили у сторожа бутылку виски.

— Вы бы видели, что творили эти макаки, когда перепились. Бог мой!

— Как моряки в Сан-Диего после долгого плаванья,— сказал Счастливчик Броунстейн.

— Вот этого я никогда не видел,— признался Пан.— Может быть, увижу, если удастся уйти с государственной службы. В Сан-Диего прекрасный зоопарк.

— Я там дальше четырех кварталов от набережной никогда не бывал,— сказал Горилла.— Много чего я в жизни упустил.

— И всегда будешь упускать,— вставил Счастливчик Бронстейн.— Ты слишком долго был моряком. В любом порту мира тебе не уйти от родной деревни дальше чем на три квартала. Так мы называем набережную у пристани,— добавил он, обращаясь к Пану.

— Ну, что за жизнь у мичманов,— сказал Горилла,— подчиняйся любому офицеришке... И знаете, хоть я никогда раньше не встречал шимпанзе, но не раз думал о них, хотите верьте, хотите нет. Я хочу сказать, что это последнее дело — привязывать хорошего малого к реактивной тележке и гонять, пока у него сосуды не полопаются. Или устраивать такое, что с тобой сделали сегодня утром. Глядеть тошно.

Счастливчик Бронстейн открыл дверь каюты Гориллы Бейтса и заорал:

— Позовите писаря!

Эхо его голоса замерло где-то в недрах корабля.

— Я кое-что придумал,— добавил он.

Писарь первого класса Диллинг, должно быть, бежал всю дорогу. Другие старшины очень редко удостаивали его разговором, и он несся так, словно его самого запустили на орбиту. Он ворвался в каюту.

— Что вам, Счастливчик, Горилла?

— Что говорится в уставе насчет талисманов? — спросил Счастливчик.

— На усмотрение капитана, — ответил Диллинг и прирос к месту.

— Спасибо, — сказал Горилла. И так как больше никто ничего не говорил, лицо писаря вытянулось, и он покинул каюту. Когда дверь за ним закрылась, Горилла добавил: — Может, что-нибудь выйдет.

— Ты прав, черт побери, — сказал Счастливчик. — Видел ты когда-нибудь капитана, который бы отказался выполнить справедливую просьбу мичманов и главстаршин? — Он откашлялся. — Ты будешь нашим талисманом, Пан, но это только так, для виду. Тебе же нельзя завербоваться во флот. Принять тебя, так весь флот будет кишмя кишеть семилетними ребятишками.

— Тогда Кэролайн Кеннеди была бы ДЖО*, — сказал Горилла.

— Славная девчушка, — сказал Пан. — Я видел ее как-то раз.

— Кроме шуток, — сказал Горилла. — Слушай, я думаю, такому малому, как ты, приходится встречаться со всякими знаменитостями. Ты не стал бы плавать на МА.

— Ты говоришь об этом корабле? — спросил Пан.

— О, господи, — сказал Счастливчик.

Пан и Горилла посмотрели на него.

— МА — секретный корабль, — пояснил Счастливчик. — Это прототип опытного образца.

* Добровольная женская организация обслуживания ВМФ. — Прим. перев.

Пану никогда не разрешили бы находиться здесь, знай они, что он умеет говорить. А может, у тебя есть допуск и ты дал подпись о неразглашении и все такое прочее?

Шимланзе покачал головой.

— Нет, мне никогда не представлялось такой возможности.

— М-да,— сказал Горилла.— Оно и видно.

Послышался дробный топот — кто-то спускался по стальным ступеням трапа. В дверь властно постучали.

— Полундра! Облава,— сказал Счастливчик.— Запах легавых я чую даже сквозь стальную переборку.

— Вот что значит образованный человек,— заметил Горилла. Он встал с койки (два стула, которые ему полагались, как старшему среди старшинского состава корабля, он предложил гостям) и направился к двери.

— В эту каюту вход воспрещен,— сказал он.

— ФБР,— послышалось в ответ.

Горилла осторожно приоткрыл дверь.

В щель просунулась рука с удостоверением; Горилла наклонился, прочел и отворил дверь.

Вошел не один полицейский, а целых три. У каждого в левой руке было удостоверение, в правой — пистолет. Каждый был в летнем синем костюме. У каждого был весьма глупый вид.

— Я Макмагон,— сказал агент ФБР.— Это мистер Кроуфорд из службы безопасности НАСА, а это старший лейтенант Пикин из морской контрразведки. Не могли бы вы нас оставить, нам надо задать несколько вопросов это-

му... этому... Вы не возражаете, если я буду называть вас шимпанзе?

— Разумеется, нет,— сказал Пан Сатирус.

— Если вы предпочитаете называться человеком...

— Ни в коем случае.

Специальный агент ФБР Макмагон слегка зарумянился. Он поглядел на Счастливчика, потом на Гориллу, потом снова на Счастливчика.

— Простите, мистер,— сказал Горилла,— но командир приказал не подпускать к мистеру Сатирусу никого, а на корабле слово командира — закон.

— Вы правы,— сказал старший лейтенант Пикин, в своем тропическом костюме имевший весьма внушительный вид.

Работник службы безопасности НАСА Кроуфорд присовокупил:

— В таком случае, Пикин, сходите к капитану и попросите его отменить приказ. Дело государственной важности.

— Это не только мои стражи, но и друзья,— сказал Пан.— Во всяком случае, у меня нет особой охоты разговаривать с полицейскими. Я не очень жалую блюстителей закона. Когда я был совсем маленьким, еще годовалым шимпанзе, полицейские как-то увили одного из моих любимых сторожей. Он учил макак-резусов отвлекать внимание публики по воскресеньям, чтобы ему было легче очищать чужие карманы.

— Пусть этот зоопарк будет хоть у черта на куличках, а резусов я все равно пойду и погляжу,— сказал Горилла.

Хотя Пикин ушел, в каюте все еще было очень тесно.

— Я плохо разбираюсь в огнестрельном оружии, джентльмены,— сказал Пан,— и все же мне бы хотелось, чтобы вы перестали им размахивать. Хотя бы потому, что, если бы вы засунули руки в карманы, у нас было бы больше свободного места.— Он улыбнулся и добавил: — Впрочем, я могу запрыгнуть вон на ту трубу под потолком и освободить для вас место на полу.

— Не советую, мистер Сатирус,— сказал Счастливчик.— По трубе идет горячий пар.

— Благодарю вас, радист первого класса! Счастливчик Бронстейн улыбнулся. И не он один. Но улыбка Пана Сатируса встревожила агентов службы безопасности куда больше.

— Мичман,— сказал Пан,— почему вы не предложите вашим гостям присесть?

Макмагон и Кроуфорд спрятали пистолеты и сели на койку.

Вернулся Пикин.

— Командир возложил обязанности на меня. С согласия адмирала.

— Обязанности? — спросил Кроуфорд.

— Обязанности по охране обезьяны,— пояснил Пикин.

— Шимпанзе,— мягко поправил его Пан Сатирус.— Как бы вам понравилось, если бы вас называли млекопитающим или позвоночным? Мне бы не понравилось, хотя все мы и млекопитающие, и позвоночные.

— Все в порядке, мичман,— сказал Пикин.— Вы и радист свободны. Занимайтесь своими делами.

Пан Сатирус решил, что пора завопить. Он ворил так, как это делают люди, играющие горилл в телевизионных постановках.

Кроуфорд отскочил к двери и хотел распахнуть ее, но ему это не удалось — в каюте было слишком тесно. Пан Сатирус сгреб Кроуфорда, слегка приподнял его кверху, и летний синий пиджак сыщика лопнул на спине.

— Видите ли, джентльмены, я шимпанзе, а вы всего-навсего люди, — сказал Пан. — Я могу придушить вас одной левой.

— У нас пистолеты, — сказал Пикин.

Не успел он произнести эти слова, как Пан Сатирус, который все еще одной рукой держал Кроуфорда за шиворот, другой рукой выхватил его пистолет из кобуры. Проделал он это грубо: пояс Кроуфорда лопнул и брюки его треснули назад точно так же, как и пиджак. Казалось, охранник из НАСА вот-вот расплачется.

Пан Сатирус держал пистолет правильно — он видел немало телевизионных передач, коротая со сторожами ночные дежурства. Затем он швырнул пистолет в открытый иллюминатор и сказал:

— Вы меня не застрелите, джентльмены. Во всяком случае, пока я не расскажу, как заставил космический корабль лететь быстрее света.

В каюте наступила тишина. Волны тропического моря мягко бились о борт корабля.

— Вы намерены делать то, что я вам скажу, — добавил Пан Сатирус, — так или нет?

Все молчали.

— Разве вы не за этим пришли? — спросил Пан Сатирус. — Вот вы, Кроуфорд. Ответьте

мне и перестаньте держаться за штаны. Я голый, и ничего. Чего же вам стыдиться?

— У вас побольше шерсти,— сказал Кроуфорд.

Счастливчик Бронстейн чуть не подавился. Он не прослужил столько лет матросом и старшиной, как Горилла Бейтс, на лице которого не дрогнул ни один мускул.

— Я вас не об этом спрашиваю,— сказал Пан Сатирус.— Впрочем, я действительно спросил, но это был чисто риторический вопрос. Так что же вам здесь надо, Кроуфорд?

— Нам надо узнать, как получилось, что «Мем-саиб» полетел в другом направлении и с такой скоростью,— ответил Кроуфорд, запинаясь на каждом слове.— Когда вы открыли боковой люк, то порвали провода.

— Нет,— сказал Пан,— я не мог положиться на случайность. Перед тем как нажать кнопку и выйти, я привел все системы в прежний вид.

— Зачем?—тонким голосом завопил Пикин.

— Видите ли,— сказал Пан,— если бы люди полетели так же быстро, как я, но в другую сторону, они бы развились до уровня шимпанзе или по крайней мере горилл. А это не такое уж счастье, джентльмены. Совсем несладко жить в обезьяньем питомнике... Зоопарк, в котором я родился, продал мою мать и меня, когда мне было два с половиной года. Продал государству, джентльмены, которому вы служите с таким рвением.

— Мы здесь не для того, чтобы знакомиться с вашей биографией,— сказал Макмагон.— Уж не думаете ли вы, что обезьяна может

шантажировать правительство Соединенных Штатов?

— Как сказал бы мой друг Счастливчик, вы правы, черт побери!

— Кто этот Счастливчик? — спросил Пикин, доставая записную книжку. — Тоже шимпанзе?

— Это как сказать, — тихо молвил Счастливчик.

— Джентльмены, простите меня, — сказал Горилла. — Пан, где теперь твоя матушка?

— Она умерла на реактивной тележке в Нью-Мексико, — сказал Пан и взглянул на Кроуфорда. — Работая на НАСА.

Кроуфорд выпустил из рук свои разорванные штаны и не посмел натянуть их снова.

Все услышали, как волны лижут патентованную краску на борту «Кука».

Молчанье нарушил Макмагон.

— Давайте начнем с другого конца... мистер Сатирус. Позвольте задать вам вопрос. Вы, по-видимому, знаете многое. И слышали о холодной войне. Может быть, вы питаете симпатию к русским?

— О, нет, — ответил Пан Сатирус. — Я не питают симпатии к людям вообще. Впрочем, Горилла и Счастливчик, по-видимому, очень хорошие ребята, да и доктор Бедоян — не хуже. Но я приглядываюсь к людям с осторожностью. А как бы поступали на моем месте вы?

Пикин спрятал записную книжку.

— Мне хотелось бы попасть на берег, — продолжал Пан Сатирус. — Даю вам слово шимпанзе, что буду вести себя тихо, если мои друзья Счастливчик и Горилла отправятся на вертолете вместе со мной. И никаких смири-

тельных рубашек, никаких успокоительных пильлюль.

— А где вы найдете пилота? — спросил Пикин.

— Может быть, один из этих моряков умеет управлять вертолетом? — спросил Макмагон.

— Нет, — сказал Горилла, — мы не пилоты, мы нижние чины.

Пан Сатирус пожал плечами. Его мускулы, вздувавшиеся при любом движении, внушали страх. Он вздохнул, и в переполненной каюте это тоже ощущалось весьма внушительно.

— В таком случае отвезите меня на этом МА, — сказал он.

Пикин ожила.

— Откуда вы знаете, что это МА? МА — совершенно секретный корабль.

— Хоть вы и не шимпанзе, — сказал Пан Сатирус, — и даже не горилла, сделайте все же попытку воспользоваться мозгом, который дала вам эволюция.

Пикин покраснела.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Различные виды проявляют аналогичную изменчивость.

Чарльз Дарвин «Происхождение видов», 1859 г.

На набережной во Флоридавилле было полно народу. Три часа «Кук» маневрировал, бегя курс то на Майами, то на Ки-Уэст, и в этих городах репортеры Эн-Би-Си, Эй-Би-Си и Си-Би-Эс * бесились и бросались от одной пристани к другой, но меня, Билла Данхэма, на мажине не проведешь — на сэкономленные проездные деньги я нанял вертолет, и вот я уже во Флоридавилле, единственный представитель телевидения, оказавшийся на месте событий вместе со всеми своими помощниками и готовый начать передачу.

Правда, здесь, помимо меня, оказались еще двое газетчиков — один из местных и один из Ассошиэйтед Пресс, — ну, пусть уж и они попользуются... Если повезет, я буду первым человеком, который проинтервьюирует шимпанзе у микрофона, а это значит, денежки, считай, у меня уже в кармане. Пусть другим идут дамы да короли, а мне подавай сразу два туза.

* «Нэшнл бродкастинг корпорейшн», «Америкэн бродкастинг корпорейшн» и «Коламбия бродкастинг систем» — три крупнейшие радиовещательные и телевизионные компании в США. — Прим. перев.

У одного моего помощника был приемник, работающий на ультракоротких волнах, у другого — обыкновенный приемник, так что мы могли слышать, как идут дела у наших соперников. Эн-Би-Си забила гол — ее ребята подцепили адмирала, который летал на переговоры с обезьяной. У Си-Би-Эс плохой улов: там поймали всего-навсего бригадного генерала Билла Магуайра, который ничего не мог сказать, потому что сам ничего не знал с тех пор, как взлетела ракета. Эй-Би-Си сделала хорошую радиопередачу, ее репортер оказался на борту самолета, который доставил доктора Арама Бедояна к его любимому пациенту во Флоридавилль, но по телевидению показывать им было нечего.

Итак, теперь наши соперники узнали, где собака зарыта. Не иначе, пронюхали и где я, потому что один наш малый, Том Лейберг, брал интервью у пилота вертолета, которого я нанял. Пилот вернулся в Майами после того, как отвез меня. Он сказал, что видел блеск пушечных стволов, когда пролетал над «Куком», но по нему никто не стрелял. А что же еще он хотел увидеть на палубе военного корабля — пишущие машинки, что ли?

«Кук» застопорил машину на виду у Флоридавилля. Я велел оператору показать корабль во всех ракурсах, а сам взял микрофон, прервав интервью Тома Лейберга, который, признаться, имел бледный вид — ведь этот пилот даже не видел обезьяны.

Я описал корабль, а затем стал рассказывать, как с борта спускают моторную лодку. Тут мне подвернулся какой-то всезнайка из

Флоридавилля (весь город собрался на берегу, куда подкатил наш автобус с оборудованием), который служил на флоте и объяснил мне, что на воду спускали вельбот, или китобойный бот. Выходит, мы платим налоги, чтобы военно-морской флот имел возможность охотиться на китов?

«Три человека спускаются за борт в вельбот по веревочной лестнице,— сообщил я своей за-таившей дыхание аудитории.— Нет, нет, друзья, я ошибся. Два человека и... Как бы вы думали, кто? Наш старина Мем, сам шимпонавт направляется к берегу».

«Шимпонавт» — это, скажем прямо, я неплохо придумал. С тех пор я не раз слышал, как употребляли это слово, и горжусь тем, что обогатил английский язык такой удачной находкой.

Пока я говорил, оператор направлял свой телобъектив на китобойный бот, который шел весьма ходко. Стали спускать еще одну лодку (местный Нептун разъяснил, что это рабочая шлюпка, и, с точки зрения налогоплательщиков, это звучало уже лучше); в нее сели двое матросов, двое штатских и еще один человек, о котором я ничего сказать не мог. А не мог я ничего сказать об этом малом потому, что он был в синей морской робе, но без шапки. А военных только по шапкам и можно различать.

Вельбот приблизился, развернулся к нам бортом и замедлил ход. У нас получились прекрасные кадры — шимпонавт сидел, задумчиво опустив в воду руку. Ну, прямо как на старинных картинах — дама в лодке.

Первой пристала рабочая шлюпка, и один из матросов забросил веревку с петлей на какую-то штуковину, торчавшую из пристани. Затем он выпрыгнул на пристань сам и помог выйти трем пассажирам. Все они вытащили пистолеты и один из них заорал: «Есть тут кто-нибудь из местной полиции?»

Мы эту сцену не упустили, и в кадр попал толстощекий южанин, который показал значок, приколотый к выгоревшей рубашке, и сказал: «Я полиция», а тот малый, что кричал, предъявил ему свое удостоверение и потребовал: «Всю эту публику отсюда убрать».

Рабочая шлюпка вернулась на корабль.

Шимпанзе поднял руку и стал стряхивать соленую воду с шерсти у себя на груди. Средним планом его еще нельзя было показать, а тем более крупным, но я уже показывал его на мысе Канаверал в то утро, когда он направлялся к ракете и прощался с доктором (кстати сказать, все эти обезьяны — никудышние актеры), и знаю, как он выглядит. Смотреть, я считаю, особенно не на что — у шимпанзе недостаточно выразительные черты лица, и поэтому, на мой взгляд, они не фотогеничны.

Правда, в Голливуде они снимаются, но держу пари, что их предварительно гримируют. Будь здесь этот доктор, Бедоян, я попросил бы его положить немного грима на физиономию старины Мема. Сам я этого делать не собирался. Я-то видел его руки и зубы.

Мы показали начальника местной полиции и федеральных агентов, которые препирались между собой; начальник полиции не хотел разгонять местных налогоплательщиков, угрожая

им пистолетом, да и ребята из ФБР, как мне кажется, тоже не очень-то стремились открыть пальбу по мирным гражданам... И тут Игги Наполи потянул меня за рукав: «Гляди, Билл. Этот военный корабль уходит без своего вельбота».

И точно, «Кук» направлялся в открытое море. Рабочую шлюпку поднимали на лифте, впрочем, я, вероятно, должен сказать на шлюпбалке, а китобойный бот все еще стоял у причала.

— Они будут кусать себе локти, если по-встречают кита,— сказал я, но, разумеется, не в микрофон.

У блюстителей порядка на пристани дело не двигалось с места. Публику они разогнать не могли, а главный агент ФБР говорил, что шимпанзе высаживать нельзя, пока они этого не сделают, и напирал на то, что обезьяна — государственное имущество, а с людьми, подвергающими опасности государственное имущество, всякое бывает.

Но Флориду и даже Флоридавилль этим не запугаешь.

И тут этот малый, что сидел за рулем вельбота, испустил такой вопль, будто ему в глотку вмонтировали мегафон.

— Эй, мистер Макмагон,— заорал он,— мистера Сатируса укачивает.

Я щелкнул пальцами, и Игги подал мне бинокль. Я посмотрел. И точно, вельбот раскачивало на волне, поднятой уходящим «Куком», а шимпанзе перегнулся через борт. Мистер Сатирус — это и был шимпанзе, но почему его так называли, я узнал позже.

Тут этот плешилый, по имени Макмагон, умыл руки — не по-настоящему, а сделал такой вид — и пошел на попятный.

— Ладно, ладно, — сказал он. — Пикин, дайте им знак, чтобы подошли. А вы, ребята, сдайте назад. Помните, что этот человек... этот шимпанзе облетел вокруг Земли и находился в космосе с самого утра. Не напирайте.

Здорово, что мне удалось показать эту сцену. Я знал, что начальнички из службы безопасности считают всех нас обезьянами, но не подозревал, что они считают обезьян людьми.

Итак, китобойный бот подошел и привязался там, где прежде стояла рабочая шлюпка (если я еще не запутался во всех этих лодках), оператор сменил телеобъектив на широкоугольный, и я продолжал травить, пока мы не наладили первый крупный план.

Я махнул рукой, чтобы машина подъехала поближе ко мне. Крупный план для меня все равно, что деньги в кармане.

Если бы мы не сделали этого тотчас же, нам, быть может, так и не удалось бы ничего показать, потому что эти три агента и местный полицейский могли сомкнуться и закрыть от нас шимпанзе. Для обезьяны он был довольно высок, но до Джона Уэйна * ему, разумеется, далеко.

Моряк, который швырнул веревку с лодки, а потом прыгнул на пристань, был для матроса староват. Тот, который сидел у руля, был еще старше, но на нем была не матросская, а вро-

* Популярный американский киноактер. — Прим. перев.

де бы офицерская форма, и я спросил Игги, как называть такого. Он сказал, что это мичман.

Обезьяна по-обезьянски вскарабкалась по краю на пристань и уселась на деревянную тумбу, к которой была привязана лодка. Сначала она вытирала рот рукой, потом ногой, и мне пришлось приказать оператору быстро перевести объектив на лодку по той причине, что шимпанзе, вытирающий рот ногой — крупным планом, — зрелище, пригодное далеко не для всех членов семей, собравшихся у телевизоров.

Малый постарше, которого я теперь буду называть мичманом, вскарабкался на пристань и спросил:

— Тебе лучше, Пан?

Обезьяна кивнула. Тогда старый мичман обернулся к матросу и сказал:

— «Кук» ушел без нас, Счастливчик.

— Мы теперь в бессрочном береговом отпуску, Горилла, — сказал Счастливчик. — Командиру разрешили швартоваться только на военно-морских базах.

Тут я протолкался вперед, сунул микрофон шимпанзе под нос и спросил:

— Это правда, что вы умеете говорить, Мем?

Целую минуту я думал, что он мне не ответит.

В сущности, я думал, что он отберет у меня микрофон и заставит его съесть. Пожалуй, это единственное, что я еще не пробовал проделывать с микрофоном.

Но он вдруг улыбнулся (так мне показалось) и сказал:

— Вы, разумеется, не нашли ничего лучшего, как называть меня Мемом. Меня зовут Пан Сатирус, сэр. А вас?

Я назвался. Произносить свое имя в микрофон как можно чаще никогда не повредит. После соответствующей паузы я спросил.

— Как случилось, что вы заговорили?

Он задумался.

— Очень уместный вопрос, мистер Данхэм. А если бы я задал его вам, как бы ответили вы?

Того, кто шестнадцать лет не расстается с микрофоном, не так-то легко сбить с панталыку.

— У меня вся семья умела говорить, и не один десяток лет. А ваша?

Он снова одарил меня улыбкой. Я совершенно уверен, что это была улыбка.

— Ну, а моя, скажем, этим пренебрегала. Вам ясно?

И он пожал плечами. Лучше бы он этого не делал: когда его руки и плечи пришли в движение, я вспомнил, что на нем нет даже цепи.

Мичман, которого называли Гориллой (ну и имечко!), сказал:

— Чего этот малый пристает к тебе, Пан? Счастливчик, макни его в воду.

— Не надо, — сказала обезьяна. Чудно было как-то разговаривать с обезьянкой. У нее такой же выговор, как, помнится, был у Рузвельта. Помимо того, еще чувствовался акцент уроженца Бронкса. — Должен же он зарабатывать себе на хлеб. Спрашивайте все, что хотите, мистер Данхэм.

Макмагон, старший из агентов ФБР (наверно, специальный агент), тут же затяжал:

— Никаких вопросов, касающихся государственных секретов. Ни слова о космическом корабле или... «Куке».

Шимпанзе снова ухмыльнулся. У коня — победителя дерби, который однажды лягнул меня прямехонько в одно место, зубы были и то меньше.

— Вы не бросите говорить? Я хочу сказать, раз уж вы начали?

— Я понимаю, что вы хотите сказать, — ответил шимпанзе. — Нет, к сожалению, не брошу.

И тут я заколебался, я, Билл Данхэм. Но всего лишь на секунду, разумеется.

— Скажите мне, Пан... вы не возражаете, что я вас так, попросту, по имени... Скажите мне, все ли обезьяны разговаривают друг с другом? Я хочу сказать, существует ли язык шимпанзе?

Он посмотрел мне прямо в глаза, и на минуту я забыл о его зубах и могучих плечах. В эту минуту я почувствовал себя снова мальчишкой — выпускником журналистских курсов, начиненным хорошим английским языком и идеалами. У шимпанзе были ужасно грустные глаза.

— У вас не найдется кусочка жевательной резинки, мистер Данхэм? — спросил он. — У меня мерзкий вкус во рту.

Игги за кадром сунул мне в руку пакетик жевательной резинки. Продувной малый, этот Игги. Слишком продувной, чтобы долго ходить в помощниках. Надо смотреть за ним в оба. Камера придвигнулась, чтобы показать крупным планом голову шимпанзе, который

положил резинку в рот, пожевал ее немножко и проглотил. Затем он сказал: «Спасибо», и камера отодвинулась, чтобы в кадр опять вошли двое, он и я.

— Что вы думаете об американских женщинах, Пан?

— Ну, как вы понимаете, до наших, до шимпанзе, им далеко. Но я полагаю, что для американских мужчин они достаточно хороши.

Маклински, парень, что водит наш автобус, все оттирал репортера из Ассошиэйтед Пресс, но теперь тот прорвался и вошел в кадр. Я не возражал: люди любят смотреть интервью, а показывали его только мы.

— Я Джерри Леффингуэлл из Ассошиэйтед Пресс, — сказал репортер. У него был такой тягучий южный акцент — прямо хоть мажь на оладьи. Местный пижон. — Какой вид был сверху, с космического корабля?

— Однообразный. Я видел всю Флориду сразу.

— Никаких вопросов о космическом корабле! — заорал Макмагон.

Кажется, шимпанзе рассмеялся. Но я не уверен. Кого уж я только не интервьюировал, но такого не выделявал никто.

Тут я снова взялся за дело и рубанул вопрос, который считал особенно удачным:

— А не скажете ли вы нам что-нибудь на обезьяньем языке?

И пожалел. Шимпанзе посмотрел на меня так, что мне захотелось, чтобы между нами была решетка, а кто из нас сидел бы в клетке — я или он — не имело значения. Шимпанзе молчал почти целую минуту, а потом спросил:

— На языке долгопятов, мандриллов, марышек, резусов?

— Ну, на вашем родном языке.

— Я не больше обезьяна, чем вы сами, сэр.

Дело было швах, а передача продолжалась. Оба моряка потешались надо мной, и я не уверен, что операторы держали их за кадром. Тот, что постарше, мичман, сказал:

— Спросите его об этих самых резусах, мистер.

В его тоне было что-то подозрительное, и я решил не задавать этого вопроса. Но тут же меня осенила новая блестящая мысль.

— А вы, шимпанзе с мыса Канаверал и из Уайт Сэндс... Вы ведь постоянно живете в Уайт Сэндс?.. Гордитесь ли вы своим вкладом в науку?

И снова он ответил не сразу.

— Я могу говорить только от своего имени. Пожалуй, нет, не горжусь.

— Разве вы не испытываете патриотических чувств, зная, что идет холодная война?

На этот раз его взгляд стал добре.

— Знаете, когда вы перестаете слишком усердствовать, мистер Данхэм, то начинаете говорить почти как образованный человек... Видите ли, не вся работа, которую мы выполняем... которую я выполнял... осуществляется в интересах войны. Меня использовали... а это всегда неприятно, когда тебя используют без твоего согласия... для медицинских, лечебных целей. А брат милосердия, приставленный ко мне, читал в это время статью о катастрофическом кризисе перенаселения. Вы не усматриваете в этом иронии?

Не говорите об этом моим телезрителям, но в свое время я учился в колледже. С тех пор меня никто не щелкал по носу так больно; но тогда это сделал профессор философии, а не шимпанзе.

— Я думаю, наши хотят сначала справиться с различными болезнями, а потом человечество найдет способ, как накормить всех.

— Довольно рискованно, — сказал шимпанзе.

Как только разговор стал интересным, репортер из Ассошиэйтед Пресс снова протиснулся вперед.

— Есть ли на мысе Канаверал или в Уайт Сэндс какая-нибудь дама-шимпанзе, к которой вы неравнодушны?

Пан Сатирус взглянул на южанина.

— А знаете ли вы, мистер Леффингуэлл, что из всех млекопитающих, не культивируемых человеком, пигмент кожи достигает наибольшего разнообразия у шимпанзе?

— А ну вас... — сказал репортер.

Блестящий ответ. Так бы и я мог ответить.

— Поэтому, пока я во Флориде, мне следует осторегаться любви, или, как сказали бы вы, страсти, — продолжал мистер Сатирус. — Поскольку я чернолицый шимпанзе, что было бы со мной, если бы я влюбился в белокожую самку? Меня следовало бы арестовать.

— Этот закон не относится к обезьянам, — сказал Леффингуэлл.

— Речь идет не об обезьянах, сэр, — возразил мистер Сатирус и обернулся ко мне. — Я так и не ответил на ваш вопрос, мистер Данхэм. Насчет холодной войны. Я общался с ог-

раниченным кругом лиц — со сторожами, учеными, врачами, другими шимпанзе, иногда с гориллами. Возможно, война была бы неплохой штукой, если бы ее цель заключалась в том, чтобы уничтожить противника и воспользоваться его жизненным пространством и ресурсами. Как человек, умудренный опытом, скажите, случалось ли это когда-либо?

Впервые за многие годы я позабыл, что стою перед телевизионной камерой. Некоторое время я как в рот воды набрал — обдумывал ответ, а в Радио-сити за такое дело значок с изображением микрофона сорвали бы с лацкана моего пиджака среди бела дня.

— Это бывало только в средние века, — сказал я наконец. — В наш век победитель во время прекращает сводить счеты и помогает побежденному снова войти в силу.

— Вот вы и ответили на собственный вопрос, — сказал мистер Сатирус. Потом он вдруг сел на пристань, прикрыл большими руками голову и продолжал: — Шимпанзе, если мне будет позволено процитировать Айвана Сэндерсона (а всякий шимпанзе читал его хотя бы раз через чье-нибудь плечо), обитают только в высоком густом лесу. Другими словами, джентльмены, я хочу в тень.

Он поднялся на ноги в той мере, в какой поднимаются на ноги все шимпанзе, то есть касаясь земли костяшками пальцев, и, шаркая, двинулся вперед. Оба моряка припустились за ним.

Я было подумал, что он хочет попытаться спихнуть наш пятитонный автобус с аппаратурой в море, но шимпанзе обогнул его. Тут его

догнали моряки. Тот, что поможе, снял свою белую шапочку и нахлобучил ее на голову министра Сатируса, а шимпанзе протянул руку и похлопал его по плечу.

Моряк пошатнулся, но устоял и зашагал дальше.

Сыщики во главе с Макмагоном пошли следом, соблюдая приличную безопасную дистанцию, и на этом интервью закончилось.

Пижон Леффингуэлл, местный репортер Ассошиэйтед Пресс, смотрел им вслед.

— Чо-оо-рт побери-и-и, — сказал он. — Эта обезьяна — интеграционист.

— Совсем наоборот, — отозвался я. — Он решительно возражает против того, чтобы его причисляли к обезьянам. Это худший сорт расиста.

— Выпить бы, — сказал Леффингуэлл.

— Я угощаю, — сказал я.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Все мифы о нем связаны с любовными приключениями.

Энциклопедия, статья о Пане, издательство «Коламбия викинг деск», 1953 г.

Во Флоридавилле всего один отель, и тот не лучший в мире. Но у него есть одно достоинство: для коммивояжеров в нем имеется специальный номер, в спальню которого можно пройти только через парадную комнату размерами побольше, где устраиваются выставки образцов товара.

Пан Сатирус, Горилла Бейтс и Счастливчик Бронстейн расположились в спальне. Макмагон, Пикин и Кроуфорд караулили их в парадной комнате. Кроуфорд был теперь в костюме из белой в синюю полоску индийской льняной ткани, скроенном по моде начала тридцатых годов.

У всех агентов был несчастный вид.

В спальне же царила сдержанная радость. Счастливчик Бронстейн получил у караульных разрешение спуститься вниз и принести для Пана Сатируса корзину с фруктами. Когда он вернулся, то под бананами, апельсинами, грейпфрутами и плодами манго оказалась бутылка не самого первосортного виски и бутылка джина.

Счастливчик и Горилла не были на берегу целых три месяца; среди команды МА в ходу была даже невеселая шутка, что, дескать, какой там берег — нельзя разве подождать конца срока службы?

Что же касается Пана Сатируса, то ему еще ни разу не представлялось случая как следует напиться; изредка, когда его беспокоили бронхи (слабые, как у всех обезьян), ему давали лечебную дозу разбавленного спирта — и все.

Нисколько не заботясь о том, какое впечатление он производит на окружающих, Пан Сатирус лежал на полу на спине, размахивая бутылкой, которую держал в руке; ногами же он чистил бананы, забрасывая шкурки на старомодную люстру.

— Ловко получается, — сказал Горилла. — Как ты думаешь, если бы я никогда не носил ботинок, мог бы тоже так?

— Вряд ли, — ответил Пан Сатирус. — Противопоставленный большой палец ноги не характерен для Гомо сапиенс.

— Гомо... что? — спросил Горилла.

— Научное наименование чернолицых шимпанзе — Пан сатирус, а человека — Гомо сапиенс. Нынешний Гомо и есть единственный представитель вида.

— Гориллу в свое время как только не называли, но чтоб гомо... никогда! — сказал Счастливчик и затянул непристойную песенку про старого дьякона Келли.

Горилла глотнул джина и сунул бутылку Счастливчику, чтобы тот заткнулся. А сам стал петь «Ублюдок — Англии король...»

Пан удачно навесил на люстру три банановые шкурки подряд.

— Нам не хватает только девочек, — сказал Счастливчик.

Горилла перестал петь и взглянул на Пана Сатируса.

— Не выйдет, — сказал Пан. — Эти чинуши, эти подонки, что сидят в той комнате, не поймут нас.

— Хоть с виду ты и не похож на моряка, а говоришь и думаешь, как настоящий моряк, — сказал Счастливчик.

— В сущности, — заметил Пан, — мне это ни к чему. Скажем прямо, такая особа, которая согласилась бы иметь дело с шимпанзе, меня не привлекла бы.

— Не знаю, — подумав, сказал Горилла. — Ты теперь знаменитость. Они на это клюют. Погляди на этих голливудских актерок, на кинозвезд.

— В жизни не видел ни одного фильма, — сказал Пан. — Но если там играют те же актрисы, что и на телевидении, ты мне не польстил.

Ему надоело возиться с бананами. Он взял бутылку виски ногой, а руками стал потчевать себя апельсинами, плюя, когда ему попадалась косточка, в люстру, чтобы у нее не возникло ощущения, будто ею пренебрегают.

В этот момент вошел худощавый человек. Он осторожно притворил за собой дверь и сказал:

— Сэмми, ты пьян.

Счастливчик и Горилла встали, чтобы, дружно взявшись, выкинуть его за дверь.

Пан небрежно махнул ногой, в которой была бутылка виски, и сказал:

— Пусть остается, ребята. Это мой врач. Его зовут Бедоян. Меня когда-то звали Сэмми, еще до того, как эта непотребная баба — жена Магуайра — назвала меня Мемом. Хотите выпить, Арам?

Доктор Бедоян оглядел комнату.

— В чужой монастырь со своим уставом не суйся, — сказал он, взял у Счастливчика бутылку с джином и отхлебнул. — Мне надо осмотреть тебя, Сэмми.

— Меня зовут Пан Сатирус. Я переменил имя.

— Ты многое переменил, — сказал доктор Бедоян и вынул из кармана стетоскоп. — С каких это пор ты решил заговорить?

— Я не мог не заговорить, — ответил Пан. — Я летел быстрее света, а вы знаете, что сказал об этом Эйнштейн.

— Нет, не знаю. Я обыкновенный терапевт. Ты здоров, Сэмми. То есть Пан. — Врач посмотрел на шимпанзе, а потом на обоих моряков и улыбнулся. Затем он подошел к двери, чуть приоткрыл ее и сказал: — Мистер Макмагон, можете подготовить заявление для прессы. Космический полет не имел вредных последствий. Однако, между нами, я был бы вам весьма признателен, если бы вы достали нам бутылку марочного виски. У моего пациента давленное состояние.

Из соседней комнаты донесся голос одного из агентов:

— Не хотелось бы мне увидеть его в приподнятом...

Но тут врач закрыл дверь.

— Марочный виски! — сказал Горилла Бейтс.

— Правительство заплатит, — заметил доктор Бедоян. — Пан... нечестивец, это имя идет тебе... ты хотел сказать что-то умное относительно дара речи и доктора Эйнштейна.

— Только то, что я регрессировал. Я испытываю непреодолимую потребность говорить, как человек. Я не удивлюсь, если у меня выпадет шерсть, а большие пальцы ног перестанут гнуться. Я регрессировал оттого, что превысил скорость света.

— Наверно, надо говорить «деградировал», но в общем это не играет роли, — сказал доктор Бедоян. — А, может быть, ты, наоборот, развелся?

— Эволюционировал? Вряд ли. Общеизвестно, что шимпанзе более развиты, чем люди.

Доктор Бедоян удовлетворенно хмыкнул.

— Пан Сатирус баллотируется в президенты.

— Вот уж нет, — сказал Пан. — Ответственность большая, а толку никакого. Кстати, мне понравились волосы его жены.

— Постой-ка, — сказал доктор Бедоян. — Ты не представил меня своим друзьям.

— Мичман Бейтс, радиост Бронстейн, доктор Бедоян... Сколько чинов-званий! Чем мы теперь займемся, доктор?

— Зови меня Арам, — сказал врач. — Я не знаю, как нам теперь быть. Меня послали обследовать тебя и...

Бедоян замолчал.

— Обследовать здоровье тела или... духа? — мягко спросил Пан.

— И то, и другое, — сказал врач. — Ты, по-видимому, нахватал столько государственных тайн, что представляешь серьезную опасность для США.

— Как заставить космический корабль лететь быстрее света?

Доктор Бедоян кивнул.

— Вот именно, — сказал он. — И корабль, который тебя выловил, тоже совершенно секретный.

— Вот вы зубоскалите, — сказал Горилла Бейтс, — а у нас из-за этого ребят никогда на берег непускают. Офицерам-то еще ничего, а матросам иногда позарез надо вот этого. — Он взмахнул бутылкой. — И еще кое-чего, — добавил он. — У вас есть жена, доктор?

Доктор Бедоян покачал головой. Он подошел к окну и выглянул наружу. Флоридавилль во всей своей немудреной красе разлегся отеля до сверкающего моря.

— Пан, — сказал врач, — лучшего местечка для посадки ты, разумеется, выбрать не мог.

— Я его не выбирал; мы здесь сошли на берег с МА.

Врач вздохнул.

— Тебе и знать-то не положено, что «Кук» — это МА. И вообще, что существует МА. Им пришлось сказать мне об этом, чтобы я мог явиться сюда и разузнать, что тебе известно и кому ты собираешься это сообщить.

Счастливчик Бронстейн рассмеялся.

— Он говорит МА, потому что мы так говорим, док. Он не знает, что это означает.

— Это должно означать «МИНОНОСЕЦ-АВИАНОСЕЦ», — сказал Пан. — Потому что на нем есть несколько самолетов и еще потому, что у него длина и скорость как у миноносца. Но если переставить буквы, то это уже будут «АТОМНЫЕ МИНЫ».

Мичман-минер Бейтс вскочил с кровати, на которой он разлегся.

— Что за черт, кто тебе это сказал? — спросил он. — Даже Счастливчик ничего не знает об...

Он запнулся.

— Это точно, — подтвердил Счастливчик.

— Я регрессировал, — сказал Пан Сатикус, — но не до конца. Я еще могу пользоваться зрением и мозгом, который унаследовал от предков. Даже если я и треплюсь целый день и, признаться, устаю от собственного голоса. Горилла, ведь на палубе лежали мины! А тому, кого пять с половиной лет мотали по всяким атомным лабораториям и ракетным базам, определить, что они предназначены для атомных зарядов, проще простого. Там есть еще такие...

— Заткнись, Пан! — сказал Горилла Бейтс. — Тебя поставят к стенке и расстреляют.

— Горилла, ты рассуждаешь, как бесхвостый макак, — сказал Пан. — Если от меня узнают, как летать со сверхсветовой скоростью, русские будут выглядеть, как мартышки. Как макаки-резусы.

— Иногда мне кажется, что у тебя расовые предубеждения против этих резусов, — сказал Счастливчик.

— Гигантский резус почти так же умен, как любое другое известное мне животное, — заметил доктор Бедоян. — Впрочем, с бабуинами мне не приходилось иметь дела.

— Это две самые глупые ветви среди множества приматов, — сказал Пан. У него был слегка рассерженный вид. — Я полагаю, доктор, что, как всякий человек, вы по простоте приняли послушание и покорность за ум.

— Пусть будет по-твоему, приятель, — согласился доктор Бедоян. — Ладно. Я выполню свой долг перед родиной. Если ты согласен выдать свой великий секрет... что такое ты там сделал с космическим кораблем... я уполномочен предложить тебе все, что пожелаешь.

— Кем?

— Генералом Магуайром.

— Этим гигантом с мозгом мартышки? Берите выше, доктор.

Доктор Бедоян развел руками.

— Пан, мне и так быть козлом отпущения, если ты только знаешь, что это такое. Прими мой совет — держи язык за зубами.

— Хорошо, что вы так заговорили, док, а то мы уже собирались дать вам прикурить, — сказал Горилла Бейтс. — Точно, послушайся доктора, Пан. Ничего им не говори.

— А удержится ли он? — с сомнением спросил Счастливчик Бронстейн. — Ведь если с ним что неладно — так это то, что он не может не болтать.

Пан Сатирус закрыл лицо руками и стал издавать странные звуки. Оба моряка в тревоге вскочили, но врач успокоил их:

— Это он смеется.

Справившись с собой, Пан пояснил:

— Едва ли я смогу раскрыть свой секрет без чертежа. А я регрессировал только до такой степени, чтобы говорить, но не до такой, чтобы рисовать и чертить схемы. Я все еще немного лучше людей

— Я, между прочим, никогда в жизни не писал на стенах гальюна, — сказал Горилла Бейтс.

— Я тоже не писал, — сказал Счастливчик Бронстейн. — Но я еще не видел ни одного гальюна в Штатах, чтобы там не было чего-нибудь намалевано. Хорошо еще, что там не побывал ни один шимпанзе.

— У меня есть идея, — сказал доктор Бедоян.

Он подошел к двери и открыл ее.

К трем агентам службы безопасности присоединились еще два, отличавшиеся от них ростом и цветом одежды, но не манерой поведения.

— Джентльмены, я не мог уговорить Пана Сатируса сообщить нам нужные сведения. Судя по всему, он очень нервничает. Он недоволен тем, что вы сторожите у дверей его комнаты.

Пан Сатирус тотчас прыгнул, ухватился одной рукой за люстру и повис, раскачиваясь, а другой рукой стал бить себя в грудь. Счастливчик Бронстейн испуганно ретировался к окну.

— Простите, доктор, но мы получили приказ, — сказал Макмагон. — И вы тоже. Заставьте шимпанзе говорить.

— Как? — спросил доктор Бедоян.

— Есть же такая штука под названием «сы-воротка правды»?

— Разве я вас учу, как производить проверку на благонадежность? Я врач, мистер Макмагон, и как таковой не принимаю врачебных советов от неспециалистов.

Один из вновь прибывших агентов встал.

— Так вы не ветеринар? — спросил он.

— До окончания колледжа и до работы с приматами я семь лет изучал человека, Гомо сапиенс...

В этот момент люстра сорвалась с потолка; архитектор, электромонтажники и штукатуры, создавшие отель во Флоридавилле, никак не предполагали, что в номере для коммивояжеров будет развиться шимпанзе. Пятеро тайных агентов выхватили пистолеты. Пан Сатирус проворно приземлился, не выпуская из руки люстры, — оборванные провода торчали из нее, как щетинки на рыле у хряка.

Тут Гориллу Бейтса осенило, и он заорал:

— Убрать пистолеты! Не раздражайте мистера Сатируса!

Он ходил в старшинах гораздо дольше, чем любой из молодых людей в агентах, и они убрали пистолеты.

Зазвонил телефон. Счастливчик Бронстейн поднял трубку. Время от времени он произносил «Да!» — «Нет!», потом повесил трубку.

— Управляющий отелем. Хочет знать, что случилось. Во всем доме нет тока.

— Поскольку я здесь единственный специалист по человекообразным, — сказал доктор Бедоян, — то могу заверить вас, что в государ-

ственных научных учреждениях шимпанзе живут не в таких шатких сооружениях, как это. Я предлагаю вам удовлетворить просьбу моего пациента и предоставить ему возможность успокоить свои нервы.

Пан Сатирус счел это призывом к действию, надвинулся на Макмагона и стал размахивать щетинистым концом люстры перед самым носом агента ФБР. Макмагон не дрогнул и не отступил, пока Пан Сатирус не запел то, что застрияло у него в памяти от песенки «Ублю-док — Англии король...» Шимпанзе не отличался музыкальностью.

Все же Макмагон был храбрым человеком. Он выхватил из кармана блокнот, взглянул на ручные часы и стал писать. Затем он вручил шариковую ручку (золотую) и блокнот доктору Бедояну.

— Под вашу ответственность, доктор. Генерал Магуайр сказал, что вы берете на себя эту... гм, пациента, и мы должны оказывать вам содействие.

Доктор Бедоян поставил свою подпись. Пять пар полицейских ног простирали четкую дробь по скрипучей лестнице.

— Я подозреваю, что предаю свою родину, — сказал доктор.

Пан Сатирус швырнул люстру в угол. Раздался звон стекла.

— Порядок, — сказал Горилла Бейтс. — Свистать всех наверх, Счастливчик.

— Для чего? — спросил Счастливчик.

— Ты забыл о дамах? — сказал Горилла. — Скажи там этим из отеля, пусть пришлют нам четырех. Как ты думаешь, зачем док сделал

ся от агентов! Он себе места не находил с тех пор, как мы об этом заговорили.

— Я не находил? — переспросил доктор Бедоян. — Да, вероятно, так оно и было. Ну, конечно, иначе зачем бы мне отсылать этих агентов. Просто я не сознавал, что делаю.

ГЛАВА ПЯТАЯ

У человекаобразных обезьян, как и у людей, нет хвостов.

Хилари Стеббинг «Современные животные», Лондон, год издания не установлен.

Не вызывало сомнения, что коридорный, откликнувшись на телефонный звонок Счастливчика, был не первым коридорным, с которым тот имел дело. Не вызывало сомнения и то, что Счастливчик в свою очередь был не первым моряком, с которым коридорный обделявал делишки. Он понял радиста с полуслова.

Все перешли в парадную комнату, теперь уже не забитую блюстителями порядка.

Коридорный ушел, а Пан Сатирус, посидев немного в задумчивости, направился в спальню. Доктор Бедоян пошел следом и увидел, что Пан рассматривает обрывки проводов, торчащие из розетки люстры.

— Что случилось, Пан?

Пан покачал головой, подошел к окну и стал глядеть на безотрадный пейзаж Флоридавилля.

— Абсолютно ничего, доктор. Я чувствую себя прекрасно.

— Я и не думаю, что ты болен. Я был твоим личным врачом достаточно долго и могу сказать, когда тебе станет плохо, еще задолго

до того, как ты почувствуешь это сам. Но ты чем-то расстроен. Что за причина?

Пан уперся костяшками пальцев рук в пол и стал вращаться вокруг этой оси.

— Счастливчик заказал девушку и для меня.

Доктор Бедоян улыбнулся.

— Наши друзья, кажется, совсем забыли, что ты не моряк.

— Я должен радоваться. Они люди, но очень хорошие.

Доктор Бедоян медленно обходил пациента, пока окно не оказалось у него за спиной, а свет не ударили Пану в глаза.

— Ну, и что же? — спросил врач.

Пан Сатирус опустил глаза. Он шаркал громадными ступнями и легонько стучал костяшками пальцев по паркетному полу.

— Мне не нравятся девушки, — сказал он наконец.

— А откуда тебе знать? Ты же ни с одной не был знаком, верно?

Глаза примата блеснули.

— Разумеется, не был, — Пан Сатирус осклабился. — Это не очень лестно для вашего вида?

— Не смущайся, Пан. А мне не нравятся девушки шимпанзе, и чтобы предупредить твой вопрос, скажу сразу, что я знаком с ними только как с пациентками. А если ты ничего не знаешь о гиппократовой клятве, то сейчас не время для подробных объяснений.

Пан сел на пол и стал рассеянно почесывать шею большими пальцами ног.

— Но Горилла и Счастливчик мои друзья.

Я не хочу ни портить им вечеринку, ни оскорблять их чувств.

Доктор Бедоян сдержал улыбку.

— И правильно делаешь. Ребята так долго были в море, что с охотой возьмут твою даму на себя. И мою. Я помолвлен с одной девушкой из Тарпон Спрингс.

— Ну, и что же? — спросил Пан Сатирус, совершенно так же, как раньше — доктор.

— С этими гуляющими девчонками забавно разговаривать, пить, забавно подтрунивать над ними. Вот увидишь.

— Я не хочу оскорблять ничьих чувств. Вы же знаете, я не человек.

— Уф! Забудь о генерале Магуайре, сделай передышку и выкинь все это из головы. Кажется, наши гости уже пришли.

Они и в самом деле пришли.

Из парадной комнаты доносились смешки, щебет, какой-то стук. Официанты притащили ящик джина, два ящика пива и ведро с большим куском льда.

— Пошли, — сказал доктор Бедоян.

Пан Сатирус вздохнул и последовал за своим врачом навстречу судьбе.

Девочек было четыре, все они стояли на различных ступенях девичества — от затянувшихся двадцати пяти до неполных сорока. Все они оказались неизменными блондинками, а три — Дотти, Фло и Милли — были в шортах. Белье была в черных спортивных брюках, но даже это обстоятельство не могло скрыть ее кривоногости, что с тех пор, как рыбий жир стал достоянием широких масс, встречается довольно редко.

Горилла встал и, держа девушек на весу под мышками, представил собравшихся. Затем поставил Фло на ноги и сказал:

— Пан, вот целая охапка настоящих женщин.

— Ты мне нравишься, Коротышка, — сказала Фло и пошла Пану навстречу. — Ну, и мускулы же у тебя. — Она ткнула пальцем в мускулы. — Э, да ты без рубашки. — Она отступила. — Это не по-джентльменски.

Счастливчик Бронстейн сказал Милли: «Извините» и посадил ее на пол рядом со столом. Он подошел к Фло и обнял ее за плечи.

— Пан снял рубашку, потому что устал. Он сегодня был в космосе, летал вокруг земного шара.

Фло поглядела на него с недоверием.

— Ты хочешь сказать, что он как Джон Гленн?

— Нет, — сказал Пан. — Я летел в другую сторону. С востока на запад.

— У вас очень приятный голос, — сказала Фло. — Бьюсь об заклад, что вы кончили колледж. Я люблю образованных. — Потом в ее глазах снова мелькнуло подозрение. — Нет, не верю. Вы же моряки, знаю я вас!

— Вон спроси у доктора, — сказал Счастливчик.

Фло медленно повернулась к доктору Бедояну, который энергично колол лед.

— Вы доктор?

— Да, мадам. Надеюсь, вы не нуждаетесь в моих профессиональных услугах?

— Эх, малый и в самом деле летал сегодня в космос!

— Безусловно,— подтвердил доктор Бедоян.

— Что ж он тут делает в этой дыре, во Флоридавилле?

— Он отдыхает, восстанавливает силы,— сказал доктор Бедоян.— Кто знает, может, завтра его захочет видеть сам президент? А может, конгресс захочет, чтобы он выступил с речью на совместном заседании обеих палат. Но сначала ему нужна разрядка.

— Разговор у вас не как у простого матроса,— сказала Фло.— Только вы, небось, сговорились с теми двумя.

— Я докажу вам, что вы не правы,— сказал доктор Бедоян и оглядел комнату. Дирекция отеля «Флоридавилль хауз» снабдила парадную комнату крепкой стальной вешалкой для платьев, плащей, костюмов.— Он тренировался на астронавта. Если он захочет, то может повиснуть на этой вешалке на одном пальце.

— Еще чего! — усомнилась Фло.

— Ну, Пан, ради бога, ради науки и всего рядового и старшинского состава американского военно-морского флота! — сказал доктор Бедоян.

Пан Сатирус вздохнул и, шаркая подошвами, подошел к вешалке. Она была немного высока для него, и поэтому он подпрыгнул, уцепился за вешалку указательным пальцем левой руки и повис.

— Здорово,— сказала Фло.

— Я спрашиваю вас,— продолжал доктор Бедоян,— может ли кто-нибудь, не готовившийся стать астронавтом, сделать это?

Пан спрыгнул на пол и пошел к ящику с джином. В ящике были пинты — двадцать четыре бутылки. Он распечатал одну из них и поднял донышком кверху. Потом сообразил, что ведет себя невежливо, и вручил оставшуюся треть пинты Фло.

— Ты любишь выпить, а? — спросила она.

— Только в периоды отдыха и восстановления сил. — Пан улыбнулся. — Я сейчас достану немного льда и стакан. Я вижу, вы не из тех, кто пьет прямо из бутылки.

— О, ты на высоте, отпрыск благородной расы, — сказал доктор Бедоян.

Пан отошел и вернулся с полным стаканом льда.

Это была хорошая вечеринка. От портье принесли радиоприемник и запустили его на всю катушку. Когда пришел начальник местной полиции, ему споили пинту джина и оттащили отдохнуть в свободную комнату на первом этаже.

Счастливчик в трусиках продемонстрировал танец, которому, по его словам, он научился в Буэнос-Айресе. Горилла исполнил балладу, очень популярную, как он сказал, в Дакаре лет двадцать назад.

Пан прошелся по комнате на руках, что для него не составило никакого труда, но девочки аплодировали ему так энергично, что он сделал второй круг на одной руке, подпрыгивая, как мячик.

Это принесло ему такой успех у общества, что он уже сам предложил пройтись по кругу в третий раз на обеих руках, но с любым

количеством девочек, которые усядутся ему на ноги.

Доктор Бедоян расплакался, так как забыл принести с собой фотоаппарат. Счастливчик утешил его, заметив, что фотографии все равно были бы конфискованы, как совершенно секретные.

— Да, скорее всего, — сказал доктор Бедоян, слегка приободрившись. Он показал рукой на Пана, который заставлял девочек хихикать, щекоча их большими пальцами ног. — В конце концов, ни братья Райт, ни Кэртис, ни Линдберг, ни любой из космонавтов-людей сроду не удержали бы на ногах сразу четырех девушек. Голову даю на отсечение.

— Для компаний Пан — золотой человек! — сказал Счастливчик.

Золотой человек закончил свое первое путешествие с живым грузом у ящика с джином. Стоя на одной руке, он другой рукой передавал бутылки наверх — девушкам. Затем выдул еще одну бутылку сам.

— Док, сколько джина может выпить шимпанзе? — спросил Горилла.

— Т-с-с, — сказал доктор Бедоян. — Ни одна из девушек не заметила, что это шимпанзе. Наверно, когда они были помоложе, им приходилось обслуживать прелые выборные партийные съезды выше по побережью... Так вот, Горилла, сколько он может выпить, никто не знает. При нынешних пайках, отпускаемых на лабораторных животных, такого эксперимента не проведешь, и я более чем уверен, что мне надлежало бы вытащить стетоскоп и сфигмограф, чтобы через равные промежутки времени об-

следовать своего пациента и делать заметки. Но я давным-давно уже пришел к заключению, что... Я, кажется, читаю лекцию.

— Продолжайте, — сказал Счастливчик. — Немногообразованности военно-морскому флоту США не повредит.

— Невосприимчивость к алкоголю растет с увеличением индекса веселья в компании, — продолжал доктор Бедоян. — Это я заметил. Другими словами, если настроение мерзкое, с ног валят даже три рюмки. А если на душе хорошо, тебя ничем не проймешь.

— Для человека, который окончил колледж, вы довольно наблюдательны, — сказал Счастливчик.

— Док — хороший малый. Кончай! — рявкнул начальническим басом Горилла.

— Есть, мичман.

— А ты, Пан, — сказал Горилла, — одолжи мне одну девочку.

На нем была нижняя рубаха, серые брюки и черные ботинки. Он снял свои красиво блестевшие ботинки и аккуратно поставил их в сторону, чтобы на них не наступили. Затем нагнулся, поплевал на руки и стал на них.

— Фло, садись Горилле на ноги, — приказал Пан.

— Мне нравится, как ты щекочешься, — воспротивилась Фло.

Но Пан был неумолим.

— А ну, побыстрей. Мы хотим устроить гонки.

Доктор Бедоян пробормотал, что Горилла не так уж молод, но мичман уже стоял на руках и двигал коленями то в одну, то в другую

сторону, устанавливая равновесие и выбирая стойку, которая позволила бы ему затем двигаться быстро и долго.

Фло слезла со ступней Пана и пошла к Горилле, но она была расстроена.

— Мы с девочками пришли все вместе и мы так и любим быть вместе, — сказала она. Слезы оставляли полоски на ее уже размазавшемся гриме. — Я не люблю бросать подруг.

— Мне следовало бы сделать химический анализ этих жемчужных капель, — сказал Счастливчику доктор Бедоян. — Наука несет сегодня невосполнимые потери. Может быть, впервые женщина плачет чистым джином.

— Я знал одну бабенку в Рио, которая никогда ничего не пила, кроме чистого рома, — сказал Счастливчик. — Ни воды, ни чая, ни кофе. Только ром. Аптекарский помощник Мэйт сказал, что она отдаст концы очень скоро, но всякий раз, когда мы заходили в порт, она была здоровехонька и продолжала пить ром.

— Потрясающе, — согласился доктор Бедоян. — Иногда я жалею, что не бессмертен — хотелось бы исследовать все то, на что науке не хватает времени... Поглядите на нашего друга Гориллу.

Горилла, пыхтя, одолевал круг; с каждым шагом он все больше проигрывал дистанцию Пану, но проигрывал с достоинством.

Когда Пан вышел на последнюю прямую, Горилла отставал от него всего на четверть круга.

Никто не заметил, как отворилась дверь, парадной комнаты, которую как-то не догадались

запереть. Все осознали это только тогда, когда послышался властный рык: «Сми-рно!»

Состязание прекратилось, так и не выявив победителя.

Но ведь никто и не делал никаких ставок, разве что спорили на стакан джина, полученного на дармовщинку.

Поскольку во флоте на старшин обычно не рявкают, то Горилла не потерял ни головы, ни равновесия, ни девочки, сидевшей на его согнутых ногах. Он осторожно опустил ее на пол, встал сам на ноги и изобразил небрежный морской вариант стойки по команде «смирно».

— Вы моряк? — спросил генерал Билли Магуайр. — Если вы моряк, отдайте честь.

— Я без головного убора, сэр, — сказал Горилла.

— Ладно, ладно, — пролаял генерал. — Не вступайте в пререкания. А вы, доктор... что за панибратство с нижними чинами?

— Я на гражданской службе, — сказал доктор Бедоян.

Пан на прощанье ушипнул каждую из трех девочек и опустил их на пол. Затем он кувыркнулся несколько раз и оказался лицом к лицу с генералом.

Генерал Магуайр был в предписанной наставлениями летней форме одежды — камвольной рубашке с короткими рукавами, отутюженных коричневых брюках и снежно-белом тропическом шлеме с приклепанной или привинченной спереди кокардой. Его звезды сияли — по одной на каждом уголке отложного воротничка, а орденские ленточки были без единой морщинки — все четыре ряда.

Пан протянул руку и задумчиво пощупал звезду, прикрепленную справа.

— Это животное пьяно! — сказал генерал Магуайр.

Пан сорвал звезду, пожевал ее, шевеля широкими губами, раскусил пополам и выплюнул.

Генерал Уилфред (Билли) Магуайр был храбрым человеком. Не было такого кресла в Пентагоне, в которое он побоялся бы усесться, имея на руках официальное предписание; когда-то он даже удачливо участвовал в сражениях, зная, что это необходимо для его послужного списка.

И теперь он доказал налогоплательщикам, что не зря учился в Уэст-Пойнте — он не отступил ни на шаг, хотя, безусловно, был первым на своем курсе, допустившим, чтобы его знак различия пострадал от обезьяньих зубов.

— Доктор, вы здесь старший? — спросил он.

— Я, — ответил доктор Бедоян.

— Вас послали сюда получить факты, информацию от этой... этого шимпанзе. Вот как вы ее получаете?!

— Да, сэр. Втираюсь к нему в доверие. Усыпляю бдительность.

Генерал Магуайр с шумом выдохнул воздух.

— Может быть, вы и гражданский человек, доктор, но вы изволите состоять на службе у правительства Соединенных Штатов, у которого я не без влияния.

— Какой ужасный синтаксис, — сказал Пан Сатирус. Это были его первые слова с тех пор, как генерал прервал веселую вечеринку.

— Что?!

Худощавый генерал был вовсе не склонен к апоплексии, однако вид у него был такой, что, казалось, вот-вот его хватит удар.

— У меня был однажды сторож, который изучал английский язык. Он взялся за это, чтобы продвинуться по службе. Согласно Фаулеру, конструкция вашей фразы ужасна. А я думал, что вы кончили академию, генерал.

Пан медленно протянул руку к кольцу генерала, на котором был выгравирован номер курса и год окончания. Генерал стиснул кулаки.

— Я и окончил ее, сэр.

— Можете не величать меня «сэром», — сказал Пан Сатирус. — В конце концов, я всего лишь простой штатский, не платящий налогов шимланзе семи с половиной лет от роду.

Генерал вздохнул и снова повернулся к врачу.

— Эти... дамы. Имеют они допуск к секретному делопроизводству, а если имеют, то кто им дал его?

— Не говорите глупостей, генерал, — сказал доктор Бедоян. — Вы же видите, что они собой представляют.

Дамы стояли тесной безмолвной стайкой; их невинная веселость улетучилась. Бель скрочилась и положила руки на колени, видимо, пытаясь прикрыть свою кривоногость. Фло пла-кала.

— Сэр, я вас отстраняю, — сказал генерал.

Доктор Бедоян поднял руку.

— Вы знаете, кто дал мне это задание, генерал. Мне бы хотелось увидеть письменное предписание, прежде чем я передам вам своего пациента.

Над комнатой, где бурлило веселье, проводились состязания в беге на руках, где пили и занимались умеренным развратом, теперь нависла безысходность. Порожденная древним антагонизмом между штатскими и военными, она густела, как темная грозовая туча в августе.

А затем, как это обычно бывает, тучу прорезала молния и грянул гром, до странности напоминавший женский голос.

Эта женщина была не просто женщина; это была леди. И не просто леди, а генеральша. Это была миссис Магуайр.

Она вошла в полном убранстве, приличествующем ее рангу, — в простом шелковом платье, с двумя нитками искусственного жемчуга на шее, в туфельках на каблуках, высоких, как мечты кадета. Ее волосы, уложенные по последней моде, не были скрыты от посторонних взоров шляпкой.

Войдя, она воскликнула:

— О, где моя милая обезьянка! Я должна ее расцеловать за сегодняшний чудесный полет.

Сразу же все, кто прежде находился в комнате — мужчины, шимпанзе, генерал и девочки, — стали единым целым. Что до девочек, то они совершенно преобразились или, как выражались в английских романах девятнадцатого века, утратили пол. Они жили и веселились только в мире мужчин. Они чувствовали себя более непринужденно с генералом, чем с его супругой.

Счастливчик Бронстейн был вполне спокоен, когда в сиянии собственных звезд вошел Магуайр. Но теперь он нарушил «радиопаузу».

— Пан, осторожней, — сказал он.

Пан обернулся к нему и подмигнул. Это было чудовищное зрелище, но опасения Счастливчика почему-то рассеялись.

А затем Пан, переваливаясь на кривых ногах и при каждом шаге стуча костяшками пальцев по полу, двинулся вперед.

— Дорогая, — сказал он, — я все это сделал ради вас. Я знал, что мне никогда не покорить ваше сердце, если я останусь бессловесным, и поэтому... я устроил чудо.

И, собрав в складки свои необъятные губы, он вытянул их вперед и нацелил точно... в губы генеральши.

Она выскочила из комнаты.

Ее супруг хлопнул себя по бедру, но генералы в летней форме одежды класса А не имеют при себе личного оружия. И тогда генерал сказал, что они еще о нем услышат, и последовал за своей половиной.

Счастливчик Бронстейн подошел к двери и закрыл ее, как только однозвездный начальник скрылся с глаз. Горилла Бейтс перевел дух и засвистел. Фло перестала плакать, и девочки медленно опустили руки.

Но доктор Бедоян сказал:

— Очарование вечера уже не вернется.

И пошел за своим пиджаком и за бумажником. Он щедро оделил девочек (казенными деньгами), и те молча оделись и ушли.

Оставалось еще несколько бутылок джина. Пан Сатирус откупорил одну, глотнул из нее и поставил обратно.

— Напиться два раза за один вечер невоз-

можно, — сказал Горилла Бейтс. — Это никому не удавалось.

— Мы хорошо провели время, — сказал Пан. — Невинно и хорошо. Ну, почти невинно. К чему было все портить?

— Так уж принято у людей, — сказал доктор Бедоян.

И они пошли спать.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Порой человекообразным обезьянам становится скучно буквально до смерти.

Конрад Лоренц «Кольцо царя Соломона», 1952 г.

Утром принесло мистера Макмагона и его веселых ребят из морской разведки, службы безопасности НАСА, ФБР и родственных им организаций. Это только в сочинениях юных поэтов рассвет приносит радужные надежды.

Мистер Макмагон принес официальную бумагу.

Счастливчик Бронстейн, который открыл дверь (он спал на кушетке в парадной комнате, Горилла и доктор Бедоян — на кроватях, а Пан Сатирус удовлетворился стулом, на который была навалена одежда), пошел и поднял доктора Бедояна, как того требовал гость.

Доктор Бедоян молча взял документ, молча прочитал его. Потом взглянул на агента ФБР. Лицо мистера Макмагона не выражало никаких эмоций; для него это была привычная обязанность, не больше.

— Через час, — сказал доктор Бедоян.
— Машины будут поданы.
— Действуйте, — сказал доктор Бедоян.
— Счастливчик, свистать всех наверх, — скомандовал Горилла. — Немедленно бритву, зубные щетки, чистые носки... я ношу тринад-

цатый размер... чистые исподники, и спроси, не смогут ли они выдранть нашу робу за пол-часа. — Он бросил на доктора Бедояна смущенный взгляд. — Мы сошли на берег в чем были, но хотим выглядеть, как настоящие военные моряки.

Счастливчик не торопился к телефону.

— Что за каша заваривается, док? — спросил он. — Нас отдают под суд?

— Шишки... самые важные шишки хотят встретиться с Паном в двенадцать часов.

Он протянул приказ. Счастливчик взял документ, присвистнул и передал его Горилле. Горилла взял его и тоже присвистнул, но более протяжно.

— Приказ отменяется, Счастливчик. — Он подошел к телефону сам и заказал междугородный разговор. — Дайте мне главного старшину Садовски, — сказал он, после того как прорывкал в трубку разным лицам различные дополнительные номера. — Посигнальте к нему в каюту, он еще не на палубе. Мичман Бейтс говорит. — Он отнял трубку от уха и задумчиво посмотрел на нее. — Ски, это Горилла. Слушай меня, и слушай внимательно, а не то твоя старуха останется вдовой, и на этот раз я не шучу. Приготовь для меня летнюю форму класса А, в поясе примерно на дюйм пошире, чем в прошлый раз. Да, я получил еще одну нашивку, так что смотри, чтобы все было в порядке... Так. Затем белую форменку для радиста первого класса, рост примерно пять футов девять дюймов, вес сто восемьдесят фунтов. Усек? Да, и гражданский костюм, легкий, летний, приятного светлого цвета. Рост

примерно пять футов десять дюймов... Какой у вас вес, док?

Доктор Бедоян смотрел на него в изумлении.

— Готовые костюмы я обычно ношу пятидесятичного размера, — сказал он.

— Он обычно носит пятидесятичный размер. И чтоб было хорошее качество. Мы заплатим, когда приедем. Как ты, Ски? Получил еще одну нашивку? Я всегда говорил, что на флоте у нас есть будущее. — Он откашлялся. — Мы будем у тебя через два часа, самое большое через три. Заметано.

Горилла положил трубку.

— Ски все сварганит. Жаль, нет моих орденских ленточек, но ничего — мы купим их на базе, в военном магазине... Счастливчик, теперь свистать всех наверх. Ко всему добавляется еще гуталин. Для доктора — коричневый.

Пан Сатикус, развалившись в просторном кресле, поглаживал большие пальцы ног.

— Ощущение совсем не изменилось, — сказал он. — Не хочется, чтобы эти пальцы превратились в человеческие, как мой язык. Если люди чувствуют себя по утрам так же скверно, то шимпанзе должны благословлять каждый день своей жизни.

— Мы вольем в тебя немного холодного апельсинового сока, дадим аспириинчику, и ты почувствуешь себя лучше, — сказал доктор Бедоян. — Это у тебя с похмелья.

— Слыхал я о таком, — сказал Пан Сатикус. — В воскресное утро у сторожей только и разговору было, что о похмелье...

Жаль, что я не ограничился полученной от них информацией.

— Но вот проблема, — заметил доктор Бедоян. — Реакция шимпанзе на аспирин резко отличается от реакции человека... Кем тебя считать?

— Большие пальцы ног у меня остались, как у шимпанзе, — сказал Пан Сатирус, — но в голове и желудке такое ощущение, какого никогда не бывало. По-видимому, это действительно с похмелья. Не думаю, чтобы мое тело регрессировало. Или деградировало. Или как это там...

Он кувыркнулся через спинку кресла и заковылял в ванную. Оттуда донесся глубокий вздох облегчения.

— С моего лица не исчезло ни единого волоска, — крикнул Пан. — Очень рад. Я не хочу быть человеком.

— А тебя не интересует, какой получен приказ? — спросил доктор Бедоян.

Пан Сатирус, шаркая ногами, вернулся в спальню, энергично растираясь на ходу сухим полотенцем.

— Судя по вашей реакции, мы должны встретиться с очень важными лицами. Я с такими уже встречался. С учеными и генералами, с адмиралами и сенаторами. А на сей раз кто это?

— Политические фигуры, — сказал доктор Бедоян. — Государственные деятели.

— Ваша новость нисколько не улучшила моего мерзкого состояния, — сказал Пан Сатирус. — Нисколько. — Он швырнул полотенце в

угол и стал расчесывать шерсть ногтями. — Кто-нибудь из вас бывал в Африке?

— Я бывал в Кейптауне, — ответил Счастливчик, — и в Порт-Санде.

— А знаете ли вы, что я никогда не видел шимпанзе, живущих в естественных условиях? — спросил Пан Сатирус. — Это приходит мне в голову всякий раз, когда я в меланхолии, как сейчас. Как вы думаете, если я скажу этим людям то, что они хотят знать, отправят они меня обратно в Экваториальную Африку? Оттуда идет наш род. Возможно, мой отец еще там.

— А кто твой отец? — спросил доктор Бедоян.

— Не знаю. Моя мать была в положении, когда... когда ее поймали. Она не любила говорить о своем прошлом, о джунглях. Шимпанзе не выдерживают слишком острого горя. Вы же знаете!

— Тогда тебе нельзя пить джин, — сказал Горилла. — Попробуй ром.

— Есть ведь такое слово «трезвенник»? — спросил Пан Сатирус. — Вот кем мне хочется стать.

— Никогда не зарекайся пить с похмелья, — сказал Счастливчик.

Тут принесли завтрак и бритвенный прибор.

* * *

Они отправились на север в трех автомобилях — агенты в передней машине и в задней, гражданская и военная полиция расчищала

путь. Возник небольшой спор с мистером Макмагоном относительно того, заезжать ли на базу к Ски за чистой одеждой, но в пылу спора агенты не усмелись за Паном Сатирусом, который снова схватил Кроуфорда.

Мольба коллеги тронула мистера Макмагона, и он согласился остановиться, если Пан обещает не выходить из автомобиля на территории военно-морской базы.

Еще до полудня, ревя сиренами, машины подкатили между шпалерами сыщиков к портику частного, очень частного дома. Доктор Бедоян в новом, купленном на казенные деньги костюме дремал рядом с шофером. Он проснулся и вышел первым.

Генерал Магуайр спускался по лестнице частного дома. Он был уже не в летней, а в полной форме класса А.

— Мне приказано ввести Мема в дом, — сказал генерал. — Точнее, согласно приказу, я должен считать себя адъютантом Мема.

— Не называйте меня этим нелепым именем, — сказал Пан Сатирус.

— Но это же ваше имя. Видели бы вы утренние газеты — мы произвели настоящую сенсацию! То, что мы сделали вчера, — на первых страницах всех газет! Такой рекламы у нас еще не было. Теперь вам уже нельзя менять имя...

— Я вижу, у вас опять две звезды, — сказал Пан и протянул руку.

Генерал Магуайр отпрыгнул назад.

— После вашей... когда вы выйдете, репортеры хотят видеть...

— Как я буду целовать вашу жену?

— Миссис Магуайр уехала на север, чтобы показаться своему врачу в Балтиморе. Пожалуйста, будьте покладисты. Вся моя карьера зависит от вас.

Пан сел на дорожку, посыпанную дроблеными ракушками. Он взял горсть ракушек, пососал их и выплюнул.

— Пахнут нефтью, — сказал он. — И все же мне хочется устричных ракушек. Что это, нехватка кальция в организме, доктор?

— Я возьму это на заметку, — сказал доктор Бедоян. — Может быть, мы попробуем принимать глюконат кальция. У него вкус, как у конфет, Пан.

— Она... он, кажется, слушается вас, доктор, — молвил генерал Магуайр. — Не могли бы вы вразумить его? Если теперь не все пройдет гладко, меня уволят в отставку, разжаловав в полковники.

Доктор Бедоян пожал плечами.

— Скажите мне, генерал, — спросил Пан, — могли бы вы съесть больше, если бы у вас на каждом плече было по две звезды вместо одной? Могли бы вы больше выпить или меньше страдать с похмелья? Могли бы у вас быть две молодые жены вместо одной старой?

— Черт побери, вас бы хоть на неделю ко мне в подчинение рядовым, Мем, — ответил Магуайр.

— Меня зовут Пан Сатирус. Для всех, кроме моих друзей, я мистер Сатирус.

Генерал поджал тонкие губы и сквозь стиснутые зубы процедил:

— Ладно. Мистер Сатирус. Однако пошли. Нельзя заставлять ждать таких людей. Их не

заставлял ждать, еще ни один человек на свете.

— Я не человек, а простой шимпанзе.

— Так точно, сэр. Вы простой шимпанзе.

— И вчера вечером вы застрелили бы меня, если бы у вас был с собой пистолет.

— Забудьте про вчерашний вечер, мистер Сатирус. Вчера вы провели вечер хорошо, а я ужасно.

— Вы делаете успехи, — сказал Пан. Он вытянул руки во всю длину, а ноги задрал кверху, так что теперь он мог тронуться в путь, опираясь только на костяшки пальцев. — У меня все тело свело от езды в машине, — пояснил он. — Ну, ладно, малый. Доктор идет со мной, мичман Бейтс и радиост Бронстейн пристроются сзади, а ты, Магуайр, будешь замыкать шествие.

— Это непорядок!.. — взвизгнул было генерал. Но тут же взял себя в руки. — Слушаюсь, сэр. Как прикажете, сэр.

Пан Сатирус злорадно засмеялся.

— Представляю, что понаписали в газетах. Со времени изобретения твиста большего фурора, чем я, наверное, никто не производил.

— Человек, который написал твист, — сказал генерал Магуайр, — уже сочинил новый танец под названием «шимпанго». — Он слогнул слюну и добавил: — Сэр.

— Так будем шимпангировать, бога ради, — сказал Пан. — Я вам кое-что скажу, генерал. Со мной ладить легче легкого. Как и со всеми шимпанзе, если их не одергивать каждую минуту. И я вам скажу еще одну вещь: миссис

Магуайр может вернуться. Я не посягал на нее всерьез.

И они пошли по дорожке, посыпанной дроблеными ракушками, поднялись по лестнице мимо стоявших на часах морских пехотинцев — те взяли на караул, а Пан Сатирус отдал честь — и оказались в прохладных покоях дома.

Здесь учтивый вариант агента службы безопасности остановил их и вежливо сказал:

— Я принужден просить вас показать мне ваши удостоверения личности, джентльмены.

Генерал Магуайр выхватил свое обрамленное золотой каемочкой и обернутое в целлофан удостоверение. Горилла и Счастливчик доставали свои чуть помедленнее. Доктор Бедоян предъявил служебный пропуск.

Пан Сатирус, задрав кверху ноги, покачался на руках и сказал:

— Я оставил свое удостоверение в других штанах.

— Но на вас, — возразил страж, — нет никаких... о-о!

— В таком случае, я полагаю, беседа отменяется, — сказал Пан. — Доктор, как вы думаете, мы можем добраться до мыса Канаверал на...

— Мне приказано доставить его сюда! — военным козлетоном проблеял генерал Магуайр, напоминая о том, что в Уэст-Пойнте тех, кто получал самые низкие баллы при выпуске, называли «козлами».

— А мне приказано никого не пускать без удостоверений, — стоял на своем агент.

У Счастливчика Бронстейна был даже более

счастливый вид, чем обычно. А Горилла Бейтс еще больше смахивал на гориллу.

— Вы, конечно, узнаете эту... этого мистера Сатикуса? — спросил генерал Магуайр.

— Узнает ли? — переспросил Пан Сатикус. — Вы узнаете меня? Я самец-шимпанзе, семи с половиной лет от роду. Быть может, доктор Бедоян еще и отличит меня от другого самца-шимпанзе моего возраста и комплекции. Но сомневаюсь, чтобы кто-либо другой был на это способен.

— Пан, более отвратительной личности, чем ты, я в жизни не встречал, — сказал доктор Бедоян.

— Я не личность. Я шимпанзе. Мы не возражаем против неприятностей. Мы любим их.

— Причинять неприятности другим людям?

— Нет, Арам, не обязательно. Просто мы любим лезть на рожон... Никто еще не приручил десятилетнего шимпанзе, верно? Ни в кино такого не увидишь, ни на сцене, ни сидящим в смирильной рубашке в капсуле. Этого сделать нельзя. Потому что шимпанзе всегда лезут на рожон.

— К черту, — сказал генерал Магуайр. — Мы не можем торчать здесь перед дверями, как какие-нибудь капитенармусы. Я ручаюсь за эту... за этого...

— Шимпанзе, — продолжил Пан. — Большую человекообразную африканскую обезьяну. Пана Сатикуса.

— Я ручаюсь за него, — снова козлetonом проблеял генерал.

Агент пропустил их.

— Мне кажется, они делают ошибку, — тихо

сказал Горилла Счастливчику.— У Пана что-то на уме.

Еще один телохранитель открыл дверь, и они оказались лицом к лицу с Большим Человеком Номер Первый.

Он сидел за изящным письменным столиком, откинувшись на спинку кресла-качалки. И он был не один. Тут же сидел губернатор — другой большой человек.

Опираясь на руки, как на костили, Пан Сатирус перекинул тело вперед, взлетел и приземлился на углу стола. Стол оказался хрупким только с виду — он даже не скрипнул, а лишь слегка покачнулся.

Генерал Магуайр вытянулся и отчеканил:

— Задание выполнено, сэр.

— Вижу. Познакомьте нас, генерал, — попросил Большой Человек.

— Сэр...

— Это не обязательно, — вмешался Пан. — Я называю себя Паном Сатирусом. Как люди образованные, вы оба знаете, я не сомневаюсь, что это правильное научное название моего вида. Единственного вида шимпанзе, в то время как орангутанов и горилл имеется два вида... А кто такие вы оба, я знаю. Я видел ваши лица десятки раз.

Губернатор был почти столь же обаятелен, как сам Большой Человек. Он наклонился вперед.

— Очень интересно. Где же вы видели наши лица?

— На полу обезьяньего питомника, — сказал Пан. — Просто удивительно, сколько газет валяется воскресными вечерами на полу, после

того как сторожа выдворят, наконец, публику. Мятые газеты, заляпанные горчицей, со следами грязных подошв... И в каждой... или почти в каждой... какая-нибудь ваша фотография.

— Губернатор, эту беседу направляем не мы,— сказал Большой Человек.

— Разбиты наголову Паном Сатирусом,— добавил со смешком губернатор.

Большой Человек взял инициативу в свои руки.

— Мистер Сатирус, как бы там ни было, мы собрали двухпартийное совещание. В вашу честь.

Пан нахмурился, а может быть, это только показалось. Выражение лица шимпанзе не всегда передает те же чувства, что и выражение лица человека.

— О? Разве один из вас коммунист?

Это шокирующее слово подействовало на участников совещания, как обложной дождик на горожан, устроивших пикник. У генерала Магуайра был такой вид, будто он жалеет, что у него нет под рукой бригады легкой кавалерии.

Но Человек Номер Первый был человек светский, изворотливый, и понаторевший по части укрощения задир, надоедающих выкриками во время предвыборных митингов.

— Вряд ли,— сказал он ровным, немного гнусавым голосом.— Что вы знаете о коммунистах, мистер Сатирус?

— Как же, ведь они составляют другую партию,— ответил Пан.— Ведь это из-за них создаются все эти проекты, а меня и сотни две других шимпанзе гоняют по всей стране: Лос-

Аламос, Аламогордо, Канаверал, Ванденберг... По-видимому... во всяком случае, так без конца твердят по радио и телевидению... люди расколовись на две партии — на коммунистов и на партию «свободного мира». Кто из вас кто?

— Вы никогда не слыхали о республиканцах и демократах? — спросил губернатор.

— А, об этих... — сказал Пан Сатирус.

— Он слишком долго пробыл на Юге, — заметил губернатор. — Он превратился в одного из тех людей, которые признают только одну партию.

— В одного из тех шимпанзе, — поправил его Пан Сатирус. — Но вообще-то я ничего не признаю. Сторожа обычно выключали радио, как только начиналось это... о демократах и республиканцах. Вы когда-нибудь подумывали о разделении людей на две партии по эволюционному признаку?

— Губернатор, — сказал Большой Человек. — Я начинаю думать, что мне не стоило приглашать вас на это веселое собрище. Кажется, в основу политики будет положен новый принцип.

— Раз уж вместе, так вместе, — сказал губернатор. — Как же вы разделите людей на две эволюционные партии, мистер Сатирус?

Пан Сатирус спрыгнул с письменного стола. В стерильно чистую комнату каким-то образом проникла муха. Пан машинальным движением руки поймал ее, раздавил в розовой ладони и бросил на пол.

— Ну, — сказал он, — как вам должно быть известно, некоторые люди ушли по пути эволюции дальше, чем другие... Например, взгляните

на присутствующих. Мичман Бейтс пошел далеко; в сущности, он весьма напоминает очень молодую гориллу. Друзья по службе подметили это и даже почтили его соответствующим прозвищем, хотя он еще на добрый десяток тысяч лет не дорос до гориллы. А с другой стороны, возьмите генерала Магуайра. Здесь, джентльмены, разрыв составит уже полмиллиона лет, да и то, если всех магуайров слушать с очень культурными женщинами.

— Я начинаю сожалеть, что вы меня пригласили, сэр,— сказал губернатор.— Тут перешли на личности. Надеюсь, что на очереди не я.

Горящий взгляд Пана Сатируса на мгновенье остановился на нем.

Затем Пан обратился к доктору Бедояну.

— Помните, о чем мы говорили с вами только что, за этой дверью, доктор?

— Когда вы называете меня Арамом, я запоминаю все.

— Откровенная лесть,— сказал Пан Сатирус.— Не пугайтесь, я не собираюсь оскорблять кого бы то ни было... Это люди делятся на группы, джентльмены, а потом снова делятся на группы. Шимпанзе этого не делают.

Губернатор подался вперед.

— Но люди ловят шимпанзе и превращают в рабов. А шимпанзе когда-нибудь ловили людей?

— Кому они нужны? — спросил Пан.

Оба больших человека получили высшее образование в тех восточных учебных заведениях, которые существуют для того, чтобы излечивать молодых людей от чувства неловкости, внушаемого унаследованным богатством.

— Человек — единственное животное, которое господствует над своей средой, — сказал Большой Человек Номер Первый, — и поэтому он и есть животное, дальше всех ушедшее по пути эволюции.

— Оставайтесь при своем мнении, сэр, — сказал Пан Сатирус, — потому что вы можете набрать голоса только среди людей. Вы когда-нибудь видели шимпанзе у избирательной урны?

— Иногда трудно сказать, кто голосует, — заметил губернатор.

Но Большой Человек был настойчив.

— Вы не согласны с таким определением эволюции?

Пан Сатирус прыгнул обратно на свой наст снаст на углу стола.

— Конечно, нет, — сказал он. — Это все равно, что сделать что-нибудь, а потом придумать, для чего вы это сделали, и гордиться этим. Наиболее развитое животное — это существо, сумевшее найти для себя такую экологическую среду, которая полностью соответствует его потребностям, и обладающее достаточным запасом здравого смысла, чтобы не расставаться с ней. Что касается шимпанзе, то нам нужен только густой тропический лес, предпочтительно лиственный. И где мы находим шимпанзе? В густых лиственных тропических лесах — там они ведут спокойную легкую жизнь. Не на северном полюсе, где им пришлось бы охотиться на белых медведей и одеваться в их шкуры, чтобы не замерзнуть насмерть.

— Вы неплохо строите свои доводы, — сказал губернатор.

— Стойте,— перебил его Большой Человек.— В чем смысл жизни шимпанзе? Как использует ваш народ ту среду, к которой он так чудесно приспособился?

— Не мой народ. Мои шимпанзе. Мы не люди... Во всяком случае, не были ими. Теперь со мной это случилось, о чём я горько сожалею. Ну, мы имеем все, что только можно пожелать: время для долгих неторопливых бесед; время для самосозерцания и размышлений; отличное пищеварение и, само собой разумеется, плотскую любовь. При всем том мы сидим дома и сами пестуем своих детей. Одно удовольствие, а не жизнь.

Пан Сатирус раскинул свои длинные руки, потянулся и зевнул. Затем стал торопливо искастить у себя в шерсти. Под ногтями у него что-то щелкнуло.

— Не мешало бы почаше окуривать здесь,— сказал он Большому Человеку.

— Субтропики,— коротко пояснил Большой Человек.— Естественная среда для насекомых.

Пан Сатирус кивнул.

— Вы, наверно, думаете, что утерли мне нос. Но шимпанзе редко спят в одной постели дважды, так что мы не страдаем от насекомых.

— Хорошо.— Большой Человек ударил ладонью по столу и опять превратился в лицо административное.— Это была приятная беседа. Пища для размышлений, когда мои тревоги не дадут мне спать ночью... что, я уверен, никогда не случается с шимпанзе. Но вы знаете, почему мы хотели встретиться с вами. Вы знаете также, почему я просил присутствовать губернатора. Чтобы вы были уверены, что инфор-

мация, которую мы хотим получить от вас, будет использована в интересах всех людей, а не в моих личных политических интересах. Как вы заставили корабль превысить скорость света?

— Перемонтируйте устройство управления кораблем,— ответил Пан.

Все, как один, тяжко вздохнули — все люди, кроме Гориллы Бейтса и Счастливчика Бронстейна, которые с непринужденностью, выработанной долголетней практикой, умели делать вид, что стоят по стойке «смирно».

Затем наступила тишина.

И тут послышалось блеяние генерала Магуайра:

— Сэр, эта обезьяна нам ничего не скажет. Она работает на противника.

— Пройдет три четверти миллиона лет,— сказал Пан Сатирус,— и только тогда ты станешь бабуином или, может быть, резусом.

— Генерал, вы можете подождать за дверью,— сказал Большой Человек.

Генерал Магуайр отдал честь, сделал поворот «кругом» и исчез.

— Мистер Сатирус,— продолжал Большой Человек,— считайте, что этого не было сказано. Нелепо предполагать, будто вы агент или сторонник русских.

— Верно,— согласился Пан Сатирус. — Или ваш сторонник. Или вообще сторонник людей.

— Значит, давайте попытаемся убедить вас, что мы на стороне ангелов,— сказал Большой Человек.— А вы, губернатор, тоже хватайте быка за рога, когда придет ваш черед. Мне кажется, это будет твердый орешек.

Губернатор рассмеялся.

— Вы уже сделали ошибку, упомянув ангелов. Мистер Сатирус только что собирался спросить вас, слыхали ли вы когда-нибудь о шимпанзе, возведенном в ангельский сан*.

— Недурно,— заметил Пан.— Эта сетка снимается с окна?

— Вероятно,— сказал Большой Человек.

— Счастливчик, сделай одолжение.

Счастливчик Бронстейн был недаром радиостом первого класса. При нем оказалась отвертка; трудно сказать, где он хранил ее, так как на нем была белая форменка без карманов. Но так или иначе отвертка появилась у него в руке. Он подошел к окну, и через несколько минут сетка была снята.

Снялся с места и Пан Сатирус. Со стола — на подоконник, с подоконника — на вольный теплый воздух Флориды и приземлился на мокнатой финиковой пальме, росшей у окна. Счастливчик, все еще стоявший с сеткой в руках, сказал:

— Гляньте, он спускается по стволу, как обезьяна.— И тут же извинился перед Большшим Человеком: — Простите, сэр.

— А он и есть обезьяна, радиист,— сказал Большой Человек.

— Забываешь об этом, как побудешь с ним немного,— оправдывался Счастливчик Бронстейн.

* Отголосок старого спора о происхождении человека. В 1864 г. Дизразли по поводу теории Дарвина сказал: «Человек — обезьяна или ангел? Я стою за ангелов». — Прим. перев.

— Не послать ли за ним охрану? — спросил губернатор.

— Он не сбежит, — сказал Большой Человек. — В стране, где обитают только люди, он будет бросаться в глаза. Ему никого не одурачить, даже если он постараётся хорошо замаскироваться.

Пан Сатирус уже спустился в сад и то появлялся, то исчезал среди пышной субтропической растительности. Вот он появился вновь, вскарабкался на пальму, а оттуда прыгнул в комнату. В ногах у него были какие-то плоды.

— Поставь сетку на место, Счастливчик, — сказал он. — В этих широтах насекомые просто одолевают.

Он сел на пол и рассортировал свою добычу.

— Бананы не сладкие. А вот эти маленькие, красноватые, во Флориде очень хороши. Рожки. Я люблю их. У вас хороший сад, сэр. Он мог бы прокормить семью из пяти шимпанзе.

— Там, за домом, есть участок, где растут настоящие овощи. Морковь, капуста, помидоры и прочее, — сказал Большой Человек.

— Я довольствуюсь щедротами природы, а не человека, — ответил ему на это Пан Сатирус. — Кто хочет сладкий рожок?

— Нет, спасибо.

— Если голоден, ешь, — сказал Пан. — Если устал, спи. А человек пусть себе господствует над своей средой.

— Когда меня в споре припирают в угол сильными доводами, — заметил губернатор, — я начинаю испытывать невыносимый голод. Так бывает с большинством худых людей. Вы

на вид тоже худой шимпанзе, Пан Сатирус. Правильно, доктор?

— Для шимпанзе он высок и худ, сэр,— ответил доктор Бедоян.

— Ну, так как же, мистер Сатирус, трудновато приходится? — спросил губернатор. — Ваши позиции слабеют?

Пан Сатирус протянул между сжатыми зубами стручок и плонул шкуркой в направлении мусорной корзинки, но промахнулся. Тщательно прожевав зернышки, он проглотил их.

— Я еще не слышал вразумительных доводов. Предлагаю ответить на один вопрос. Почему я должен стать на вашу сторону и помочь получить оружие одной группе людей, которая применит его для убийства другой группы людей и таким образом развязет войну, которая может захлестнуть и тропики?

— Густой лиственный лес тропиков, — уточнил губернатор.

— Совершенно верно.

Красноватая шкурка банана легла по другую сторону мусорной корзинки.

Губернатор обернулся к Большому Человеку.

— Вам шах.

— Мы искренне считаем, — сказал Большой Человек, — что упомянутая вами «наша сторона»... мы ее называем «свободным миром»... права и в конце концов победят, потому что она права. Мы считаем, что другой стороной руководят люди, лишающие других людей... очень многих других людей... свободы, чтобы удовлетворить свое незддоровое и даже патологическое властолюбие...

— Вы забываете одно, — перебил его Пан:

— Что же?

— Шимпанзе семи с половиной лет не имеют права голоса.

— Вы изволите шутить,— сказал Большой Человек.— Ну, ладно. Попытаюсь еще раз. Если бы мы были в силах... мы бы построили так называемую противоракетную ракету, которая сделала бы нас неуязвимыми для ракетного нападения. И тогда мир наступил бы во всем мире, включая и ваши густые лиственные леса троликов.

Пан Сатирус ковырял в зубах длинным пальцем. Случайно ему подвернулся палец левой ноги.

— Вы говорите о том, что сделали бы вы. Но вы — лицо выборное, находитесь у власти ограниченное время. Предположим, что ваш преемник решит сделать не противоракетную ракету, а просто ракету?

Большой Человек рассмеялся.

— Десять шансов против одного, что моим преемником будет человек, которого назначу я, или вот... губернатор. Девять шансов из десяти — уж лучшей гарантии человек требовать не может.

— Я не человек, а шимпанзе. И мне думается, я вам ничего не скажу. Мне думается, что вы — не вы лично, не обижайтесь,— недостаточно эволюционировали, чтобы владеть таким секретом.

— А кто же? — спросил губернатор.

— Вид, у которого хватает здравого смысла не использовать подобную информацию. Вид, у которого хватает ума вести естественный образ жизни, не пытаясь господствовать над сре-

дой, в которую ему не следовало бы даже переселяться.

— Уж не вернуться ли нам всем в Африку? — спросил Большой Человек.

— К чему такой кислый тон, сэр? Могу вас даже заверить, что не намереваюсь вступать в сделку с русскими.

— Этого недостаточно.

— Это очень много, — сказал Пан Сатикус. — В конце концов, не русские посадили мою мать в клетку, в которой я родился. Не они вытащили меня из клетки, чтобы привязывать к реактивным тележкам и закупоривать в барокамерах и ракетных капсулах.

— И они поступили бы так же, если бы вашу мать поймала их экспедиция, а не наша.

— Да, конечно, они тоже люди, — сказал Пан Сатикус. Он зевнул, обнажив огромные зубы и мощные десны. — Доктор, все это мне начинает надоедать.

— С тех пор как я принял присягу и занял этот высокий и почетный пост, — заметил Большой Человек, — такого в моем присутствии не говорил еще никто. — Он засмеялся. — Разрешите задать вам еще вопрос, мистер Сатикус?

Пан Сатикус опять принялся расчесывать шерсть ногтями. Он кивнул с серьезным и рассудительным видом.

— А я, с вашего разрешения, задам вопрос вам и вашему другу.

— Вы, по-видимому, очень любите читать. Есть ли библиотеки в ваших тенистых, лиственных, тропических африканских джунглях?

— Вы не безнадежны... — сказал Пан Сатикус и задумался. Руки его машинально обсле-

довали шерсть, и ногти снова щелкнули, поймав еще одного непрошеного гостя.— Полагаю, что библиотек в джунглях нет. Но, видите ли, я так пристрастился к чтению, мне кажется, потому, что все время был пленником. Куда же смотреть в обезьяньем питомнике или в биологической лаборатории, как не в книгу из-за плеча какого-нибудь сторожа? Подвигами мартышек сначала восхищаешься, а потом это надоедает.

— Доктор Бедоян, достаньте Пану Сатирусу биографию и произведения Торо,— сказал губернатор.— Им тоже владела иллюзия, что примитивный образ жизни — лучший из всех.

— Слушаюсь, сэр,— ответил доктор Бедоян.— Большую часть книг он, по-видимому, прочел через мое плечо.

Большой Человек пристально посмотрел на доктора, но произнес только:

— Что вы хотели спросить, Пан?

Пан Сатирус сел прямо, положив все четыре ладони на пол.

— Вот вы с губернатором,— спросил он,— дорожите ли вы своими высокими постами?

Оба настороженно кивнули.

— Я хочу сказать, считаете ли вы эти посты высокими?

Они снова дружно кивнули, хотя принадлежали к соперничающим политическим партиям.

— Вы считаете их более важными, чем богатство, накопленное вашим отцом, сэр, и вашим дедом, губернатор? — Пан встал.— От чего бы вы отказались в первую очередь? От поста или от богатства?

На этот раз ни один из государственных деятелей не шелохнулся. Выражения их лиц были настолько одинаковы, что, казалось, пропасть, вырытая Александром Гамильтоном и Томасом Джефферсоном, наконец засыпана.

Люди не прерывают аудиенции у сильных мира сего, не получив разрешения удалиться.

Шимпанзе обходятся без разрешения.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Он испытал вакцину на 10 000 мелких обезьян, 1600 шимпанзе и 243 людях. Большинство добровольцев были заключенными федеральных каторжных тюрем.

Грир Уильямз «Охотники за вирусами», 1960 г.

Снова друзья катили на север. Но на этот раз у процессии был иной вид. В автомобилях вместе с ними сидели агенты. Не приходилось сомневаться, что и шофер был сотрудником службы безопасности — пистолет оттопыривал легкую ткань его летнего шерстяного костюма. Счастливчик Бронстейн ехал в передней машине, Горилла Бейтс — в задней; из друзей Пана Сатируса с ним остался только доктор Бедоян.

Как и прежде, впереди шла машина, позади еще одна, но теперь в первой машине завывала сирена, и небольшая колонна двигалась, не останавливаясь нигде.

— Я под арестом? — спросил Пан Сатирус.

Человек, сидевший рядом с водителем, сказал:

— Тебе разговаривать не положено.

— Но я вынужден. Я регрессировал... или дезволюционировал... и поэтому испытываю потребность говорить. Как человек.

Агент полез в карман пиджака.

— Это пистолет тридцать восьмого калибра. Другой пистолет заряжен капсулой с сильно-

действующим наркотиком. Я получил приказ стрелять в тебя наркотиком, а если это не поможет, всадить в тебя настоящую пулю. Не разговаривай.

— Одну минуту,— сказал доктор Бедоян.— Это мой пациент.

— Он болен?

— Нет.

— Тогда он не ваш пациент. И не разговаривайте.

Пан Сатирус нежно взял доктора за руку своей большой рукой. Он не выпускал ее; казалось, он был испуган, но как можно испугать большого шимпанзе, совершившего полет со скоростью, превышающей скорость света?

Машины мчались, сирена монотонно завывала.

Наконец вереница машин свернула с автострады на мощеное шоссе и помчалась в сторону, противоположную флоридскому побережью, мимо песчаных дюн, маленьких тинистых прудов, болот, стад, бедняцких ферм и хорошо унавоженных плантаций, принадлежащих капиталистам, занятых промышленным выращиванием помидоров.

Пан Сатирус посмотрел на красные и зеленые шары, висевшие на кустах, и сказал:

— Мне хочется есть.

Агент сердито поглядел на него.

— Его надо кормить несколько раз в день,— сказал доктор Бедоян.

— Совершенно верно,— подтвердил Пан.— Потому что я вегетарианец. Даже в бобовых нет такой концентрации энергии, как в животных белках.

У агента был несчастный вид.

— Сказано вам — не разговаривать! — рявкнул он.

— Пан, у тебя был крайне разнообразный круг чтения, — заметил доктор Бедоян.

— За мной ходили люди самых разнообразных профессий. Ночные сторожа в обезьяньем питомнике и биологических лабораториях нередко готовят себя к другим специальностям. Более перспективным, как сказали бы люди. А когда я бывал болен, за мной ухаживали студенты-медики.

— Пожалуйста, перестаньте разговаривать, — сказал агент.

— Не перестану, пока меня не накормят, — отозвался Пан Сатирус. — За разговорами забываешь о голоде.

— Мы будем там... куда едем... через полчаса.

— Значит, я буду разговаривать полчаса.

— Так, — сказал агент. — А мне как быть?

— Выстрелите в меня капсулой, — ответил Пан Сатирус. — Чудно! Вчера я был в капсуле, сегодня капсула может оказаться во мне. Доктор Бедоян, вашему языку не хватает четкости.

— Я врач, а не лингвист. И зови меня Арамом. Это очень утешает меня, когда свет не мил, а впереди сплошной мрак. Не мог бы ты выбрать для подрывной агитации другое время?

— Вы имели дело с шимпанзе и до меня, — сказал Пан Сатирус. — В определенном возрасте с ними трудно, даже невозможно ладить. Они становятся крайне несговорчивыми. Наверно, у меня наступает этот возраст.

— Ну, перестань,— сказал доктор Бедоян.

— Один во враждебном окружении. Как вы думаете, мог бы я поступить в ФБР?

Те, что на переднем сиденье, оба хмыкнули.

— Тебе придется обзавестись дипломом юриста,— бросил через плечо шофер.

— Так вам пришлось окончить юридический факультет, чтобы стать шофером у обезьяны? — спросил Пан Сатирус.

— Иногда я занимаюсь не только этим,— ответил шофер.

— Нам не положено разговаривать, и мы не должны позволять разговаривать им,— заметил его товарищ.

— Я всегда могу найти работу на бензозаправочной станции,— продолжал шофер.

Доктор Бедоян вздохнул.

— В тебе что-то есть, Пан. Я не встречал никого, кто бы так легко сближался с людьми.

— Все любят шимпанзе,— сказал Пан Сатирус.— Однако шимпанзе любят не всех. Беда людей в том, что каждому непременно нужно заставить других полюбить его. Поэтому, когда появляется шимпанзе, люди чувствуют себя проще, свободнее.

Старший агент, сидевший рядом с водителем, заговорил:

— Черт возьми, а ведь ты прав. Когда я арестовываю кого-нибудь, то в девяти случаях из десяти его нельзя осудить, если он «не расколется». Но он хочет мне понравиться. И ему приходится сказать, почему он пошел на дело, чтобы я простил его. Чтобы я начал ему симпатизировать. Но он не может сказать, почему

пошел на дело, и не сознаться при этом, вот тут я и беру его за горло. Что происходит с людьми?

— Не полностью эволюционировали,— сказал Пан Сатирус.— Есть теория, которую называют телеологией; она утверждает, что у эволюции имеется цель, и когда формируется идеальное существо, эволюция кончается. Шимпанзе? Я не слишком разбираюсь в телеологии, так как сторожу, у которого была книга, она наскутила уже через несколько минут и на следующее ночное дежурство он ее больше не принес.

— Шимпанзе не могут быть совершенно независимыми,— сказал доктор Бедоян.— Они живут стадом, им нужна любовь, чтобы быть счастливыми.

— Мы говорим о людях, а не о шимпанзе,— с достоинством парировал Пан Сатирус.

Водитель снова засмеялся, сел попрямее и свернул с мощеного шоссе на грунтовую проселочную дорогу, которая вилась между холмиками и рощами жалких карликовых пальм.

— Доктор Бедоян, вам следовало бы научить меня есть мясо,— сказал Пан.

Доктор Бедоян промолчал.

Машина подпрыгивала на ухабах. Время от времени на дороге попадались какие-то оборванцы в синих джинсах и соломенных шляпах. У них был бы более правдоподобный буколический вид, если бы все эти соломенные шляпы не были одного фасона и одинаковой степени изношенности. Можно было подумать, что торговец соломенными шляпами проехал

здесь однажды, года четыре назад, и больше не появлялся.

— Я откажусь отвечать на вопросы, если вас не будет со мной.

Доктор Бедоян молчал.

— Арам,— спросил Пан Сатирус.— чем я вас рассердил?

— Кто может жить без любви, кто не нуждается в друзьях? — сказал доктор Бедоян.— Я просто испытывал тебя. В конце концов, я же ученый.

Впереди показались ворота, опутанные кольчей проволокой и украшенные большой вывеской: **НАСОСНАЯ СТАНЦИЯ**. Под этой надписью значилось название компании по добывче природного газа. Однако никаких трубопроводов нигде не было видно.

Ворота отворил солдат с винтовкой. Три машины въехали в ограду и выстроились в ряд. Появилось еще несколько человек с винтовками, а каждая машина извергла пассажиров и по паре агентов.

Откуда-то возник мистер Макмагон и стал распоряжаться. Терминология, которой он при этом пользовался, звучала зловеще.

— Введите всех четырех заключенных вместе! Не позволяйте им разговаривать!

Снаружи здание напоминало сарай из рифленого железа, служащий для того, чтобы прикрывать от непогоды трубы или насосное оборудование. Внутри же все было, как в любом правительственном учреждении страны: невысокими стенками отгораживались кабинеты маленьких начальников, стены до потолка скрывали высокое начальство, а в двух больших

загонах, забитых письменными столами, сидели подчиненные.

В той комнате, куда мистер Макмагон ввел четверых преступников-заключенных-гостей, любой бюрократ узнал бы приемную главы учреждения.

Там сидела женщина с типичным лицом государственной служащей и печатала на машинке. Она не подняла головы, когда они направились к двери, на которой поблескивала табличка с одним коротким словом: КАБИНЕТ.

В кабинете стоял громадный письменный стол. За ним сидели три человека. Хотя на них были рубашки, галстуки бабочкой и хорошо отутюженные эластичные спортивные брюки, по крайней мере двое из них, несомненно, имели вид военных, надевших, как некогда принято было говорить, партикулярное платье.

У того, что сидел посередине, было загорелое лицо, коротко подстриженные усы и челюсть, которой позавидовал бы сам Пан Сатирус.

— Постройте людей в одну шеренгу, Макмагон,— сказал он,— а сами идите.

Макмагон пробовал возразить:

— Сэр, в целях вашей личной безопасности...

— Для этого у нас здесь есть два крепких моряка.

Макмагона это не убедило, но он вышел.

— Меня зовут Сатирус, сэр,— сказал Пан.— А вас?

— Можете называть меня мистером Армстронгом. А вас зовут Мемом, шимпанзе.

— Совершенно верно, сэр, но я не люблю, когда меня зовут Мемом.

— А мне, Мем, наплевать на то, что вы чего-то не любите.

Мистер Армстронг поднял руки, потом опустил их и стал массировать плечи сильными пальцами.

— Проклятая вентиляция,— проворчал он.— Ну, ладно, хватит об изъянах, поговорим об обезъянах, которые пытаются одурачить Соединенные Штаты.

Строгим взглядом он как бы прощупал обоих моряков и доктора.

— Довольно милый каламбур,— сказал Пан Сатирус.— Запишите это, Счастливчик. Радист Бронстейн — мой секретарь,— пояснил он мистеру Армстронгу.

— А я камердин мистера Сатируса,— представился Горилла Бейтс.

Мистер Армстронг воззрился на них.

— Это очень смешно, я понимаю,— сказал он.— Но вы перестанете смеяться очень скоро. Извольте вспомнить, что вы служите нижними чинами в рядах вооруженных сил и подлежите суду военного трибунала.

— Но я не вижу здесь офицеров,— заметил Горилла Бейтс.

У мистера Армстронга хватило совести покраснеть.

— Слушайте, Мем,— сказал он.— Или Сатирус, как вы предпочитаете. Шуткам конец. Вы что-то там сделали с системой управления космического корабля «Мем-саиб». Ладно, ладно, мне все равно, как его называть. То, что вы сделали, не было случайностью. Мы, стоящие у кормила правления вашей родины...

— Нет,— возразил Пан Сатирус.— Это не

моя родина. Разве приматы, исключая человека, имеют право голоса? Может ли горилла стать президентом, макака — губернатором, а резус — государственным секретарем?

— Черт побери! — сказал мистер Армстронг. — Он требует права голоса для обезьян!

Человек, сидевший справа от него, деловито чистил трубку. Тут он положил ее на стол.

— Ладно. Любые человекообразные и нечеловекообразные обезьяны, достигшие двадцати одного года и умеющие читать и писать, имеют право голоса.

— Забавно, — сказал Пан Сатирус.

Человек взял трубку и другую прочищалку.

— Мы здесь для того, — продолжал мистер Армстронг, — чтобы узнать, что вы хотите получить за ваш очень важный секрет, и мы уполномочены удовлетворить любое ваше желание, если это, конечно, в наших силах.

— Человеческие вожделения шимпанзе неведомы.

— Тогда мы готовы удовлетворить любые шимпанзинные вожделения. Хотите клетку, полную аппетитных молодых самок? Вагон бананов каждый день? Говорите.

Смех Пана Сатируса, как обычно, произвил устрашающее впечатление.

— Поскольку вы, по-видимому, довольно сообразительны, — продолжал мистер Армстронг, — то вам уже пора почувствовать, что атмосфера в этой комнате не совсем такая, как в других местах, где вам довелось побывать. Мы не агенты службы безопасности, не политики. Если станет ясно, что вы не хотите пойти нам навстречу, мы готовы устраниТЬ вас по

возможности гуманным способом. Иначе говоря, ликвидировать. Другими словами, вас ждет газовая камера, пуля или что-нибудь в этом роде.

— Полегче, мистер,— крикнул Горилла Бейтс.

Тот из троих, который до сих пор молчал, теперь ожил и рявкнул:

— Смирно, мичман!

Горилла Бейтс вытянулся; Счастливчик Бронстейн тоже.

— Я видел ваше лицо, сэр,— медленно произнес Пан Сатирус.— В газетах. Вы адмирал, которого ненавидит весь военно-морской флот.

Третий человек удовлетворенно хмыкнул и затих.

— Однако вы умны,— продолжал Пан.— И у вас приятная внешность. Немного грима, и вы сошли бы за какого-нибудь гигантского гиббона. Неужели вы думаете, что люди должны знать секрет полета со сверхсветовой скоростью?

— Я считаю, если на то пошло, что рано или поздно он станет известен. Теперь это уже будет скоро, так как мы знаем, что полет возможен. И я считаю, что если кому и знать этот секрет, так только нам. Точка.

— Сатирус, вы умеете говорить,— сказал мистер Армстронг.— Вас, с вашей информацией, мы не можем отпустить или даже посадить в клетку, пока не будем уверены, что вы решили сотрудничать с нами. Когда дело доходит до сторожа при животных, обеспечение безопасности становится ненадежным и даже невозможным.

— А мой космический корабль вы изучили хорошо? — спросил Пан. — Обследовал ли его какой-нибудь металлург?

Мистер Армстронг не сводил с Пана глаз. Адмирал и тот, третий, чистивший трубку, подняли головы.

— Вы узнаёте, что закон Менделеева подтверждается новым способом, — продолжал Пан. — Каждый из металлов прибавил в атомном весе и передвинулся на одну клетку периодической таблицы. Алхимия, джентльмены, алхимия.

Непопулярный во флоте адмирал нахмурился.

— На всякий случай проверьте, Армстронг, — сказал он.

Мистер Армстронг выдвинул ящик стола, достал из него микрофон и поднес к углу рта. Видно было, что он что-то говорит, но в комнате не было слышно ни звука. Затем он отложил микрофон.

— Кажется, я понимаю, в чем дело, но все-таки пусть кто-нибудь объяснит, — сказал он.

Человек с усами объяснил:

— Запускаете груз железа, получаете обратно груз золота.

— Я пробыл в космосе довольно долго, — сказал Пан. — Мне надо было чем-то заняться. Невесомость и безделье для шимпанзе, попавшего в космос, несовместимы. Однако я не ожидал, что регрессирую, или дезволюционирую, или деградирую. В противном случае я бы оставил свои проклятые шалости.

— Вы не очень-то нас порадовали, — сказал мистер Армстронг.

— Да, невесело,— согласился адмирал.— Если это станет известно всем, золото вообще ничего не будет стоить.

Пан Сатирус сел на пол и начал чиститься.

— Я хочу есть,— сказал он.

— Очень жаль,— молвил Армстронг. На лице его появилась ухмылка.

Доктор Бедоян сделал шаг вперед.

— И думать не думайте делать то, что задумали! Я имел дело с шимпанзе, а также с другими приматами очень долго. В определенном возрасте от такого обращения они становятся только еще более непокорными. Даже могут покончить с собой.

— Молодой человек,— сказал усатый,— а на чьей стороне вы, между прочим?

— О, я вполне лоялен. Но Пан Сатирус — мой пациент. И я не думаю, чтобы кто-нибудь из вас был специалистом по приматам.

— А вы специалист?

— Мистер Армстронг, если я не специалист, правительственное жалованье, которое платили мне годами, выброшено на ветер. Поверьте мне, в жизни шимпанзе наступает момент, когда он поднимает бунт. И Пан Сатирус весьма близок к этому.

— Значит, вы предлагаете... ликвидировать...

Хриплый рев Гориллы Бейтса заполнил комнату.

— Это убийство!

— Отставить, мичман,— строго сказал адмирал.— Ликвидация животного, являющегося казенным имуществом,— это вряд ли убийство. Но старый мичман стоял на своем.

— Пан никакое не животное.

Счастливчик Бронстейн поддержал мичмана.

— Я не специалист в морской юриспруденции, но, по мне, застрелить говорящего шимпанзе — дело нешуточное. Потом целый год с губы не выйдешь, пока адвокаты будут решать, убийство это или нет. Пан — это человек.

Пан Сатирус вытянулся во весь свой полутораметровый рост.

— Я не человек, — сказал он.

На тайное судилище легла тишина.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Ни один компетентный ученый не думает, что человек произошел от какой-либо из существующих человекообразных обезьян.

Эрнест Хутон *«От человекообразной обезьяны»* 1946 г.

Я летел в Нью-Йорк, и на душе было тревожно. Этому Игги Наполи, моему помощнику, пальца в рот не клади. Теперь у него был мой автобус с оборудованием и мой микрофон, и он мог выступить самостоятельно, если бы в мое отсутствие во Флориде случилось какое-нибудь событие. И, конечно, все запомнили бы человека с таким именем и фамилией — Игнац Наполи. Я потратил десять лет, чтобы заставить публику помнить Билли Данхэма, но Игги мог сделать это за два интервью, если бы провел их успешно.

Итак, я отправился в правление компании с докладом, а на душе у меня кошки скребли.

Моя передача о шимпанзе нашумела, спору нет,— это была сенсация в старомодном духе, но беседу вел не я — ее вел Пан Сатирус. А в нашем деле так: стоит споткнуться, как кто-нибудь отхватит тебе обе ноги напрочь да еще пришлет букет роз, выражая сожаление по поводу твоего нездоровья.

В аэропорту я взял такси. Не в том я был

настроении, чтобы ехать со всякой швалью в рейсовом автобусе. Мы выскочили из туннеля, и я увидел, что Нью-Йорк совсем не изменился — все куда-то спешили, никому не было никакого дела до других... Старший лифтер в здании телевизионной компании помнил меня, и я почувствовал себя немного лучше. Эти ребята первыми пронюхивают, когда кому-нибудь дают пинка в зад.

— Поднимите мистера Данхэма наверх, — сказал он, и мой дух поднялся сам, без помощи механических приспособлений. — На тридцать второй, мистер Данхэм?

— На тридцать второй, — сказал я и сунул ему пять долларов. Он сказал, что рад моему возвращению.

Пинка сегодня не будет.

Порядок. Маленькая секретарша с красивыми бедрами, что сидит в приемной, показала мне в улыбке все тридцать два зуба и, наклонившись, — ущелье между двумя холмами. Всегда можно определить, как высоко стоят твои акции в компании, по тому, как глубоко тебе дадут заглянуть за корсаж. Ловко у нее это получается — она, должно быть, практикуется все ночи напролет; не знаю уж, когда она спит, зато обычно знаю, с кем...

Раз — два, и я уже сижу с двумя вице-президентами и директором компании. Появляется бутылка, и родной дом встречает нашего славного мальчика Билли, который вернулся с войны цел и невредим.

Пинка сегодня не будет. Может быть, завтра или послезавтра, но не сегодня.

Райкер, директор, вел совещание.

— Билл, я полагаю, вы знаете, почему мы вас вызвали,— сказал он.

Что уж он там понял из моей улыбки, это его дело. Я поднес стакан ко рту, и льдинка звякнула о мои зубы.

— Этот ваш шимпанзе... как вы его там назвали... шимпонавт — самая большая сенсация со временем Джеки Глисона.

— Большая и жирная, а?

Неостроумно, но это мой обычный ход. Когда они смеются над твоими глупыми шутками, можно просить о прибавке жалованья. Когда они смеются над шутками умными, такой уверенности нет, впрочем, я думаю, эти ребята ничего не делают с бухты-барахты...

Сейчас они смеялись, и я понял, что мои акции и в самом деле котируются высоко.

— Пейте, Билли, дружище,— сказал Райкер.

Я выпил. В поездках я пью виски попроще, но в районе Мэдисон-авеню тебя не будут считать за человека, если ты не пьешь марочных напитков. Да еще с указанием всяких дат на горлышке. К чему эти даты, приятель, они годятся только для надгробных плит.

— Ребята,— сказал я,— чем могу служить?

Номер не прошел. Они вызвали меня в Нью-Йорк будто бы просто для того, чтобы узнать, как мне понравилась Флорида. Но эту волынку долго тянуть нельзя, и наконец Райкер кивнул Маклемору. Маклемор кивнул Хэртсу, а Хэртс уже обратился ко мне:

— Билли, вы когда-нибудь мечтали уйти с репортерской работы?

— Нет.

Держи карман шире!

— Вы когда-нибудь мечтали стать продюсером?

— Нет.

— Продюсером телевизионной постановки? — Маклемор продолжал гнуть свою линию. — Распределять роли между хорошенькими девочками, командовать актерами, давать указания писателям?

— Нет. Я старый репортер и, наверно, умру им.

— Вы будете главным продюсером. У вас будет режиссер и заместитель продюсера.

— Послушайте, Райк, когда я просыпаюсь в одной и той же постели или даже в одном и том же городе три утра подряд, я чувствую себя не в своей тарелке. Я работал репортером в газетах, на радио и телевидении еще тогда, когда интервьюировать Долли Мэдисона * было модным делом.

— Когда-нибудь всем нам приходится осте-пениться, — сказал Райкер, который остеенился лет в одиннадцать, получив от отца наследство в три миллиона долларов. — Вы внесли ценный вклад в работу нашей компании, Билл. Пора пожинать плоды.

Пинка еще не было, но от разговора уже по-пахивало пинком. И все же тут тебе и бутылка, и старший лифттер, и крошка мисс Глубокий Вырез из приемной.

— Райк, куда вы клоните? — спросил я. — Давайте перестанем ходить вокруг да около. Вы меня знаете: у компании нет вернее человека. Что хочет от меня компания?

* Американский комик. — Прим. перев.

— Вот это разговор, Билл,— сказал Райкер.— Вы же нас не бросите на произвол судьбы и нью-йоркского муниципалитета? Все дело в этой обезьяне, Билл, в шимпанзе. В Пане Сатиусе. В шимпанзе.

— А что такое?

Теперь мы все забыли и про бутылку, и про то, какие мы друзья и как мы все любим нашу компанию, наши обязанности и Соединенные Штаты. Теперь мы работали.

— Часовая передача,— сказал Райкер.— Платит один из наших лучших рекламодателей — «Северно-южная страховая компания». С затратами просили не считаться. Но поставили условие — в главной роли должен быть шимпанзе. Точка. Абзац.

— В таком случае купите шимпанзе.

Все они посмотрели на меня так, будто я наплевал на их фамильные библии. И это было неплохо — надо же поддерживать свою репутацию профессионального хулигана.

— Дает жизни Билли,— сказал Хэртс.

— Все шутит,— добавил Маклемор.

Но директор Райкер заправлял всем.

— Личностями не торгуют,— сказал он.— А шимпанзе — самая выдающаяся личность за последние месяцы. После Джона Гленна или Кэролайн Кеннеди.

— Можно сказать, на экранах телевизоров вы оба имели успех,— сказал Хэртс.— Вы говорили так, будто знаете друг друга с пеленок.

— Ему-то всего семь с половиной лет,— сказал я.

— Он прирожденный телевизионный актер,— сказал Маклемор.

— Это то, что надо нашему заказчику,— закончил круг Райкер.

Теперь были поставлены все точки над «і», а в нашем деле так: понял — слушай.

— Провалиться мне в тартарары, как сказал поэт. Но ведь а) он принадлежит правительству, б) он чертовски вспыльчив, в) вокруг него столько агентов безопасности, словно он русский посол. Эта обезьяна что-то знает, и правительство не может допустить, чтобы она это разболтала.

Райкер кивнул Маклемору, Маклемор кивнул Хэртсу, а Хэртс сказал:

— Только вы, Билл, можете это утрясти.

— Для меня найдется местечко и в Эн-Би-Си, и в Си-Би-Эс,— сказал я,— да и Эй-Би-Си знает меня не первый год.

— Не говорите так,— сказал Райкер.— У компании нет вернее человека.

Тогда я снял трубку с телефона, стоявшего на его столе, и сказал:

— Дайте юридический отдел, кого-нибудь, кто там у них сейчас главный.

— Минуточку, мистер Данхэм,— ответила девушка. Все они в радиокорпорации знают мой голос... пока не последовало пинка.— Вам нужен мистер Россини.

— Ну, передайте ему смычок, детка.

Мистера Россини я не знал. Но его музыкальный голос очень соответствовал его фамилии.

Он осведомился, чем он может быть полезен уважаемому мистеру Данхэму.

— Каково правовое определение человека? — спросил я.

Долгая пауза. И ответ:

— Такого определения не существует.

— Как вы поступаете, когда оно вам требуется?

— Я не знаю такого случая,— осторожно сказал мистер Россини.— Пока не требовалось никому. Я хочу сказать, что со временем Великой Хартии у суда было время заниматься почти всем... Наверно, по этому поводу надо обратиться в суд, чтобы он вынес мотивированное решение?

— А какое определение дает толковый словарь?

Мистер Россини сказал, что посмотрит. Я сказал, что не буду вешать трубку. Хэртс сказал, что он знал — дружище Билли все устроит. Райкер ничего не сказал.

На конец послышался голос Россини:

— Тут что-то неясно. Получается: человек, который человек, это человек. Человеческий, человечий — свойственный, присущий или принадлежащий человеку.

— Стоп, Россини. Достаточно. Теперь надевайте шляпу и отправляйтесь к судье Мэнтону. Я ему позвоню. Нам нужно предписание суда об освобождении некоего Пана Сатируса, незаконно задерживаемого правительством Соединенных Штатов.

— О,— сказал Россини,— я слышал, что мы им интересуемся.

— Я сейчас в кабинете Райкера. Двигай, дружище.

— Мистер Данхэм, нельзя вчинять иск правительству Соединенных Штатов без согласия шимпанзе.

— Вы с Мэнтоном все уладите. Я позвоню ему.

Я позвонил в суд, но Мэнтона не застал. Позвонил ему домой.

— Судья, однажды вы мне сказали: я к вашим услугам в любое время. Это время пришло. Я сейчас направил к вам в суд юриста, по фамилии Россини. Мне нужно предписание, в котором значилось бы, что шимпонавт Пан Сатирус — человек.

— Погодите, мистер Данхэм...

— Вы говорили, судья: в любое время...

— Я помню, но...

— Судья, имейте в виду, после этого вы мне еще дважды скажете «в любое время». Я вас сделаю самым известным юристом в стране.

— Да. Да. Но достоинство судьи...

— Достоинство судьи зиждется на защите прав человека. Если бы вы только могли поговорить с этим Паном Сатирусом, судья... Поверьте мне, это угнетаемая личность.

— Но я судья штата Нью-Йорк. Вам придется сделать так, чтобы он подлежал моей юрисдикции.

— Это я устрою.

С юридической стороной проблемы было покончено. Дальше все пошло как по маслу. Я позвонил одному малому из муниципалитета.

— Мак, я только что прилетел из Флориды, чтобы комментировать прибытие Пана Сатируса, шимпонавта. Я знаю, что у вас не положено давать предпочтительную информацию, но хотя бы один намек — как город готовится к встрече? Триумфальный проезд по улицам,

конечно. Вручите ключи от города? Может, повесите бронзовую памятную доску в его честь?..

— Видишь ли, Билли, я точно не знаю...

Голос у меня зазвенел, как у актера, игравшего главную роль в старой пьесе «Первая по-лоса». Ли Трейси, кажется?

— Не подготовили бронзовую доску? А я думал, город и Зоологическое общество будут драться за право ее оплатить. Самый выдающийся сын Бронкса, родившийся прямо в клетке зоопарка! Как это так — без бронзовой доски?

— Ясно, — сказал Мак. — Я понял. Спасибо, что подсказал, Билл. Я просто не знал, в каком зоопарке он родился.

Я положил трубку. Райкер смотрел на меня со странным выражением лица.

— Райк, выкладывайте, что у вас на уме. Я не хочу работать здесь, в правлении. Я люблю разъезжать.

— Но продюсером постановки вы будете. Или в крайнем случае будете вести программу.

— Разве что для начала... Это очень дружелюбный шимпанзе, Райк. Он привязывается к людям. Мы найдем ему продюсера и ведущего, который ему понравится. Может быть, какую-нибудь хорошенькую девушку.

— Я не знал, что он нью-йоркец. Я не знал, что он родился в Бронксском зоопарке, — сказал Хэртс.

— Я тоже не знал. Забыл спросить его, где он родился. Ну и что? Плевать! Мои передачи смотрят вся страна.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Всякая попытка активно воздействовать на его биологическую наследственность «скатывается» с животного этого вида, во всех остальных отношениях умного и послушного, «как с гуся вода».

Вольфганг Келер «Умственные способности человекообразных обезьян», 1925 г.

Врата захлопнулись со звоном, но замки защелкнулись бесшумно — они были хорошо смазаны. Агенты службы безопасности отобрали у всех шнурки от ботинок, а у Гориллы Бейтса еще и пояс. У Пана Сатируса отбирать, разумеется, было нечего, поскольку он не носил одежды с тех пор, как сбросил космический скафандр.

Потом их оставили одних, рассовав двух моряков и шимпанзе по разным камерам-загончикам, отделенным от общего коридора сплошной решеткой.

— А где доктор? — спросил Счастливчик. — Они с ним ничего не сделают?

— Его допрашивают, — сказал Горилла. — Я думаю, они порешили, что он расколется быстрее, чем ты или я. Или вот Пан.

— А для чего им нужно, чтобы он раскололся? — спросил Пан.

— У нас международный заговор, — пояснил

Счастливчик.— Зря ты приземлился так, что тебя выловил «Кук». Это совершенно секретный корабль. То, что называется экспериментальным прототипом.

— Ты говоришь, как писарь,— сказал Горилла.

Пан потихоньку лазил по решетке: от стены до стены и от пола до потолка.

— Не так уж плохо,— сказал он.— Я привык к клеткам.

— А мы нет,— заметил Счастливчик.

— Не трави, Счастливчик,— проворчал Горилла.— Не знаю, как ты, а я провел на губе больше времени, чем Пан на свете живет. Сколько ему? Семь с половиной? Да, я могу поучить тебя, как сидеть в клетке. Другое дело, что я так и не привык.

Пан прилег отдохнуть на койку.

— Значит, ты думаешь, что мы попали сюда, потому что я слишком много знаю о «Куке»? Но я ничего не видел, кроме палубы и вашей столовой.

— Мичманской кают-компании,— поправил Горилла.

— Вот видишь! Я не разбираюсь в кораблях. Это был первый корабль, на котором я побывал. Я не мог бы сравнить его с другим кораблем или хотя бы описать. Как ты думаешь, если я скажу им это, они нас выпустят?

— Как ты разогнал космический корабль быстрее света?— спросил Счастливчик.— Вот что они хотят узнать.

— Но человек не подготовлен к таким знаниям,— сказал Пан.— Он применил бы их в войне.

— Да,— согласился Горилла.— Потому-то мы и попали на губу. И, верно, надолго.

Пан прыгал в своей клетке, хватаясь за прутья решетки и взбираясь все выше, пока не добрался до самого верха. Повиснув на одной руке, он для пробы отковырнул кусок известки там, где в потолок входил прут решетки, и отправил известку в рот. Потом выплюнул ее и прыгнул на койку.

— Я проголодался.

— Ты им этого не говори,— посоветовал Горилла.— А то они не будут кормить тебя, пока ты им не скажешь все.

— А он не скажет,— вставил Счастливчик.

— Он и не должен говорить,— сказал Горилла.— Война — плохое дело.

— Ты рассуждаешь, как горилла. Голодать — тоже не дело.

— Многие шимпанзе умирали, но не теряли достоинства,— сказал Пан. Он ухватился за прутья решетки и немного покачался. Затем снова прыгнул на койку, почистился и закрыл лицо руками.

Вошли два человека, по-видимому выполнившие здесь обязанности надзирателей и одетые в комбинезоны, которые обычно носят рабочие нефтяных компаний; тут они заменили форму. Держа оружие наперевес, они остановились у самой решетки. Следом вошел еще человек и подал еду сначала Горилле, а потом Счастливчику. И вышел.

— А Пану? — спросил Горилла.

— Ему жрать не дадут,— сказал один из стражей.— Горилла фыркнул и взял со своего подноса кусок хлеба.

— Держи, Пан.

— Нельзя, морячок,— сказал страж и поднял дуло своего автомата.

— Ребята, это же не по-человечески! — воскликнул Счастливчик.

— Наоборот,— сказал Пан.— Именно по-человечески.

— Я не хочу есть,— заявил Горилла.— Можешь забрать эту баланду.

— И мою тоже,— сказал Счастливчик.

Один из стражей свистнул, холуй вернулся и убрал подносы. Звякнул металл, и наши друзья снова оказались одни.

— Теперь нам все понятно,— сказал Счастливчик.

— Думаю, нам лучше уйти отсюда,— предложил Пан.

Моряки посмотрели на него.

— Люди — слишком узкие специалисты,— продолжал Пан.— По-видимому, одни строят тюрьмы, а другие строят клетки. По крайней мере, ни в одном почтенном зоопарке никто не посадит шимпанзе в такую клетку.

Он протянул руку и вырвал прут решетки из гнезда в полу.

Потом согнул еще один.

— Воображаю, что натворил бы здесь горилла,— сказал он.— За кого они меня принимают? За мартышку?

Он согнул еще один прут.

Когда образовалась дыра достаточно большая, чтобы в нее пролезть, он связал два прута решетки в узел.

— Знак Зорро,— пояснил Пан.— Я читал об этом в комиксе.

— Не из-за плеча ли доктора Бедояна? — спросил Счастливчик.

Пан уже выбрался из камеры.

— Вряд ли, — сказал он и засмеялся; по крайней мере это прозвучало как смех. — Глупо. Я регрессировал, или деградировал, или уж не знаю там что. — Он протянул руку и сорвал замок с решетки Счастливчика. — С этого надо было начать. Но я люблю физические упражнения, от них лучше себя чувствуешь.

Он сорвал замок и с решетки Гориллы и направился вприпрыжку к единственному зарешеченному окну, опираясь на руки, как на кости. Выдирая один за другим прутья решетки, он передавал их Горилле.

— Не стоит производить излишнего шума, — сказал он. — Готово. Дай-ка мне руку, Счастливчик.

Держась за раму окна одной рукой, другой он помог Счастливчику выкарабкаться наружу. Затем помог и Горилле взобраться на окно и спрыгнул на землю, оставив мичмана на верху.

Горилла, приземлившись, крякнул.

Они зашли за фальшивое газохранилище и оказались у ограды из колючей проволоки. Пан взглянул на ограду и крякнул, подражая Горилле.

— С этим мы справимся в два счета.

— Осторожней, — сказал Счастливчик. — Проволока может быть под током. — Он огляделся и показал на росший неподалеку дуб. — Тут такой казенный порядок, что нам придется отломать ветку от дуба. Даже палки не найдешь.

— Большое дело,— сказал Пан. Он вскарабкался на дерево, отломил увесистый сук и слез.

— Держи, стариk.

Счастливчик осторожно прислонил сук к колючей проволоке. Искры не было, и он сказал:

— Давай, Пан.

Пан оттянул проволоку к земле и все перешагнули ее.

Оба моряка ковыляли с трудом — ботинки, лишенные шнурков, соскачивали с ног. Пан привел их к холмику, на котором росла рощица лиственных деревьев, изредка встречающихся среди сосновых лесов Флориды. Тут он стал прыгать с дерева на дерево и вскоре вернулся с пучком тонких стебельков каких-то вьющихся растений.

Счастливчик и Горилла принялись плести шнурки для ботинок. Делали они это искусно и быстро.

Пан Сатирус вновь отправился на прогулку по деревьям. Он вернулся, жуя сердцевину пальмовой ветки.

Горилла кончил плести шнурки и делал пояс.

— Я, конечно, не большой физиономист по вашей части, но у тебя, Пан, счастливое лицо.

Пан кивнул. Он раскачивался, держась на пальцах рук, оторвав ноги от земли.

— Это не тропический лес,— сказал он.— Это всего лишь субтропический лес. И даже не лес, а маленькие рощицы. Но впервые в жизни я чувствую себя настоящим шимпанзе, а не какой-то игрушкой в руках человека.

Счастливчик вытянул ноги и прислонился спиной к дереву.

— Это все равно что получить корабль в собственное распоряжение, Горилла. Ни тебе офицеров, ни министерства военно-морского флота, которые говорят, что ты должен делать.

— Я минер, а не рулевой,— сказал Горилла.— Но, думаю, с кораблем я бы управился. Если бы он у меня был. Только не будет никогда.

— Не будет,— подтвердил Счастливчик.— Нас разжалуют в матросы, когда поймают. Хорошо еще, если нас считают в самоволке, а не дезертирами.

На земле лежал дубовый сук. Он отломился когда-то от виргинского дуба, к которому прислонился Счастливчик, но еще не прогнил и был толщиной сантиметров десять. Пан Сатикус взял его и переломил надвое.

— Вы пошли со мной, потому что боялись за свою жизнь.

— Мы выполняли свой долг,— сказал Счастливчик.— Теперь я уже это сообразил. Командир «Кука» приставил нас к тебе. Ни один морской офицер приказания не отменил. Мы не знаем, что это за люди там, на газохранилище.

— Русские,— сказал Горилла.— Мы думали, что это русские. Они же нам не показали своих удостоверений личности, а если бы и показали, то мы бы подумали, что это липа. Русские.

— Мы не офицеры,— сказал Счастливчик.— Нам мозгов по чину иметь не положено, верно?

Он высунул язык и вытаращил глаза.

Пан Сатикус стал издавать звуки, которые большинство людей в конце концов приняло бы за смех.

— Мы здесь можем продержаться много лет,— сказал он.— В этих лесах растут всякие вкусные вещи. И мы можем двигаться на юг, пока не приедем к болотам.

— Они поднимут на ноги всех легавых,— сказал Горилла.— Они поднимут по тревоге проклятую морскую пехоту и будут прочесывать местность, пока не найдут нас.

— Нет такого человека, который бы нашел шимпанзе в субтропическом лесу,— сказал Пан.— Я могу вскарабкаться на первую же попавшуюся пальму и запрятаться в листвах.

— Человека такого нет,— возразил Счастливчик.— А люди есть. Тысячи, людей, десятки тысяч. Они могут срубить все твои пальмы. А как же мы? Мы люди, а не шимпанзе. Даже Горилла — человек, хотя и не похож.

Горилла Бейтс посмотрел на него и сказал:

— Спасибо, дружище.

— Может быть, вам лучше выйти на дорогу и сдаться,— сказал Пан.— Отдаться в руки вашего морского начальства... так это называется?.. и с вами ничего не случится.

Мичман Бейтс переглянулся со Счастливчиком и спросил:

— Ты где родился, Пан?

— В обезьяннике Бронксского зоопарка. В Нью-Йорке.

— Я знаю,— сказал Горилла.— Ты никогда не был на воле и один. В этой Флориде ты можешь замерзнуть; и тут бродят дикие собаки, кабаны и мало ли что еще. Мы уж лучше останемся с тобой.

— О, но ведь это моя естественная среда.

— Точно, — сказал Счастливчик. — Точно. А все же у нас нет выбора. Командир нас приставил к тебе.

— Пошли, — сказал Горилла. — Уберемся подальше. А то эти агенты из ФБР будут разыскивать нас с собаками.

И они поплелись по равнине, проваливаясь в лужи, так затянутые зеленою плесенью, что они казались лужайками, поднимая тучи москитов, после чего следовала мгновенная мучительная месть. Пан беззаботно схватился за куст, и в его ладонь впилась колючка. Ни у кого не было ни ножа, ни даже иголки, чтобы вытащить колючку; розовая ладонь быстро распухла.

Воды кругом было много, и Пан Сатирус собрал бесчисленное множество зеленых орехов, спелых и неспелых фруктов, нежных побегов деревьев. Но никто, даже Пан, не привык к такой диете. Оба моряка шагали под урчащую музыку собственных желудков, а Пан Сатирус стал как-то странно подавлен.

— А у морской пехоты всю дорогу служба такая, — сказал Горилла. Он сидел под пальмой, поддерживая свой объемистый живот обеими руками. От москитных укусов лицо его вздулось и стало вдвое шире.

— Но я, между прочим, пошел не в морскую пехоту, — сказал Счастливчик.

— Будь это Экваториальная Африка... — произнес Пан Сатирус.

— Нет тут никакой Африки, — сказал Горилла.

— Жаль, мы не взяли с собой доктора Бедояна.

— А что с него толку? — спросил Счастливчик. — Без своей черной сумки док в лесу был бы как все мы. Если уж доктор нужен, то полностью, с черным саквояжем.

Пан Сатикус где-то нашел большой круглый фрукт. Он вертел его в здоровой руке.

— Боюсь, невкусный.

— Все бывает невкусное, если не подано с пылу с жару, — сказал Счастливчик.

— И если блондинка-офицанточка не подаст тебе еще и бутылочку пивка, чтобы легче проходило, — добавил Горилла.

Счастливчик застонал.

— Нас погубила цивилизация, — сказал Пан Сатикус. — Хотите верьте, хотите нет, а подошвы у меня на ногах горят. Никогда в жизни я так много не ходил.

— Наверно, дома, в Африке, ты бы прыгал с дерева на дерево, — сказал Счастливчик.

— Не все время, — сказал Пан и потряс своей большой головой. — По крайней мере так пишут. А сам я этого не знаю. Я всего лишь второсортный человек, а никакой не шимпанзе. За все семь с половиной лет я впервые обхожусь без сторожа.

Он посмотрел на своих друзей.

— Не считайте, что я говорю о вас пренебрежительно, джентльмены. Но вас никогда не учили ухаживать за шимпанзе.

— А я никогда не считал себя гориллой, — сказал мичман Бейтс. — Просто ребята прозвали меня так.

— В общем влипли, — сказал Счастливчик. — Уже почти ночь, а у нас нет даже спичек, чтобы развести костер. Да если бы и были,

зажигать нельзя — агенты ищут нас на вертолетах. Как быть?

— Вон там, в полумиле отсюда, есть шоссе, — сказал Пан. — Я видел его с дерева, на котором росло вот это. — Он снова взглянул на фрукт, повертел его в длинных пальцах и швырнул прочь. — Я покажу вам дорогу, джентльмены.

— Прости, Пан, — сказал Счастливчик.

— Ты тут ни при чем.

— Да, — сказал Горилла, — зря ты вытащил нас из этой губы. Тебе с нами одна морока.

— Нет, нет. У меня ноги болят, и я не привык к этой пище... Я залезу на дерево и посмотрю, куда идти.

— Держись, Пан, — сказал Счастливчик. — Я понимаю, у тебя колючка в руке. Но ты можешь прожить годы на этой пакости, от которой у нас разболелись животы. Ты можешь согреться, накрывшись, скажем, пальмовыми листьями. Чего ж тебе сдаваться?

— Да мне не очень-то нравится здесь, — сказал Пан.

— Ты мне не заливай! — сердито оборвал его Счастливчик.

— Я второсортный шимпанзе и третьесортный человек, — медленно произнес Пан. — Я подумал, как я буду тут один, и мне стало не по себе. Я этого не выдержу.

— Это потому, что ты регрессировал, деэволюционировал или как там? — спросил Горилла.

— Да.

— Ты получил образование. Пусть из-за чужого плеча, но получил, — сказал Сча-

стливчик.—Как живут шимпанзе? В одиночку?

— Они бродят небольшими группами — от двух до четырех самцов, вдвое больше самок и детеныши, сколько есть.

— Значит, ты не переменился, — сказал Счастливчик.—Ты все еще шимпанзе. Тебе нужно только даму. Ты оставайся здесь, Пан, а мы с Гориллой заберемся в какой-нибудь зверинец и умыкнем тебе жену.

— Нет, — сказал Пан.—У вас и без того достаточно неприятностей.

— Вот оно что! Ну, конечно, — сказал Счастливчик. Лицо его выражало печальное торжество.—Ты сожалеешь, что заставил нас нарушить долг. Нам было приказано караулить тебя, а мы не укараулили.

Пан уныло кивнул. Опираясь на руки, он раскачивался на них, как на костылях, и думал.

— Да. Мы ведь об этом уже говорили. Горилла, если захочет, может в любое время жить, не работая, и получать две трети своего нынешнего жалованья. Прослужив двадцать лет на флоте, ты можешь получать половину. Но вы не бросаете службы, флот чем-то дорог вам, и я, возможно, все вам напортил.

— Мы не дети. А ты не наш папенька, — прорычал Горилла.—Тебе только семь с половиной лет. Мне пятьдесят два.

— Ты любишь флот.

— А черт его знает! — Горилла пожал массивными плечами.—На гражданке перекинуться словом не с кем. Эти гражданские — все пентюхи.

— Все твои друзья служат на флоте.

Горилла поглядел на Счастливчика, который снял свои черные ботинки и белые носки и рассматривал распухшую ступню.

— О чём это Пан толкует?

— О том, что он человек. Что ему нужны друзья, — сказал Счастливчик. — Но говорит он об этом как-то по-шимпанзиному.

— У меня никогда не было ни одного друга, — сказал Пан. — Только сторожа, врачи да люди, которым я был нужен для экспериментов.

Счастливчик вздохнул и стал натягивать носки.

— Чему быть, Пан, того не миновать. Это верно — мы с Гориллой в зарослях жить не можем.

— А я не могу жить без друзей, — сказал Пан. Он перестал раскачиваться на руках и сел, скрестив под собой короткие могучие ноги. Затем он стал чиститься. — Я скажу, что украл вас. Как Кинг-Конг в недавней телевизионной передаче. Взял под мышки двух моряков и унес.

— Чудиши, Пан, — сказал Счастливчик, надел носки, и они все вместе направились к шоссе.

Пан время от времени влезал на дерево и высматривал дорогу.

Когда они вышли на шоссе, сумерки уже сгущались; бетон жег ноги Пана, и он шел по глубокой канаве, разбрызгивая тинистую грязь. Впереди сверкали огни города.

— Денег у нас нет ни пенни, — сказал Горилла. — Эти агенты все отобрали.

— Я совсем забыл про деньги, — сказал Пан. — У меня их не было ни разу в жизни.

— У Гориллы тоже... через два дня после получки, — заметил Счастливчик.

Горилла рассмеялся.

Форма на нем была уже не так блестательно чиста, как утром, но он каким-то образом умудрялся сохранять опрятный вид; вся залапанная грязью и мятая, форма тем не менее сидела на нем ловко.

— Постойте, — сказал Пан. — Я что-то нашел.

Это «что-то» оказалось длинной цепочкой, грязной и ржавой.

Пан разогнул одно звено своими могучими пальцами, обернул цепь вокруг пояса и закрепил ее, снова согнув звено.

— Теперь я дрессированная обезьяна, — сказал он. — Может, вы поведете меня в какой-нибудь бар и заработаете на мне немного денег?

Было уже совсем темно, но время от времени шоссе освещалось фарами проносившихся мимо машин. Счастливчик разглядел Пана и расхохотался.

— Ну и человек! — сказал он, но тут же поправился. — Ну и Пан. Послушай. Нас ищут по тревоге. Мичмана, радиста и шимпанзе. Может, мне сорвать одну нашивку и притвориться радиистом второго класса? Кроме этого я уж не знаю, как мы можем замаскироваться.

— Ошибаешься, Счастливчик, — сказал Горилла. — Пан верно говорит. Кто подумает, что мы будем давать представление в салуне? Пан,

если кто меня спросит, я скажу, что ты из этих самых резусов.

— Они у тебя из головы не идут, Горилла,— сказал Счастливчик.

— За тридцать пять лет службы в каких только портах я не побывал, с какими только ребятами и в каких только водах не плавал! А тут под старость услыхал, что есть что-то, чего отродясь не видел. Еще бы мне не думать об этом!

— Вы оба чокнутые,— сказал Счастливчик.— Но все равно, пошли.

— Ложь во спасение,— сказал Пан.— Я читал о лжи во спасение. Теперь мы попробуем к ней прибегнуть.

— Из-за чьих только плеч ты не читал! — сказал Горилла.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Коммуникация, сущ. Средство сообщения (особ. новостей); общение; связь.

Краткий оксфордский словарь, 1918 г.

Телефон был выкрашен в ослепительно алый цвет. В наши дни заботливая телефонная компания обеспечивает (за дополнительную плату) аппаратами, подходящими к любому настроению, мебели или костюму, но это средство связи совсем не выглядело творением телефонной компании.

Во-первых, аппарат был покрашен, а не сделан из алой пластмассы.

Во-вторых, наборный диск запирался на замок, и пользоваться аппаратом могли только те, кому это было положено.

В-третьих, рядом денно и нощно стояли вооруженные часовые, поглядывая сквозь стекло звуконепроницаемой будки.

Человек в легком шерстяном костюме вошел в будку, отпер наборный диск, достав ключ из кармана, и поднял трубку. Он набрал только одну цифру и ждал, немного потея. Снаружи часовые с каменными лицами стояли настыжку.

— Разрешите доложить, сэр, — сказал человек.

Послушав, он продолжал:

— Мы не знаем, сэр. Совершенно никаких следов... Да, вертолеты и полк морской пехоты. Я подумал, не привлечь ли бойскаутов... Нет? Слушаюсь... Да, с ним два моряка. Я попросил, чтобы в Вашингтоне проверили их личные дела. Возможно, они его украли. Или шпионы убили моряков и похитили его одного.

Затем он замолчал и слушал. В стеклянной будке было жарко, и, вероятно, поэтому лицо его стало приобретать тот же оттенок, что и аппарат. Или, может быть, наоборот — аппарат с этой целью и покрасили в алый цвет... для соответствия.

Наконец он снова заговорил:

— Слушаюсь, сэр. Но одно указание мы должны получить именно от вас. Я не беру на себя ответственности. Как его брать, живьем или стрелять?

Он снова стал слушать и на сей раз прислонился к стеклу.

— Слушаюсь, сэр, — сказал он, улучив удобный момент. — Но я допрашивал его лично, потом его допрашивали мои лучшие люди, но он не собирается выдавать нам секрет сверхсветового полета. Он не хочет говорить нам ничего не потому, что мы — это мы, а потому, что мы — люди. Но если противник захватил его, то он может заставить его говорить при помощи пыток, или «сыворотки правды», или... Да, сэр.

В третий раз он молча слушал, слушал с напряженным вниманием. Наконец он еще раз сказал: «Слушаюсь, сэр» и положил трубку.

Повесив замок и подергав его, он открыл дверь стеклянной клетки.

Часовые не вытянулись при его появлении, потому что они уже стояли навытяжку.

Он вышел из будки и посмотрел на ближайшего часового, вооруженного винтовкой, пистолетом и штыком и стоявшего совершенно неподвижно.

— Он становится величайшим национальным достоянием, — сказал человек. — Он собирается выступать по телевидению за десять тысяч долларов в неделю. Матери Америки, по-видимому, требуют, чтобы их дети видели его хотя бы раз в семь дней.

Часовой не ответил ему, потому что стоял по стойке «смирно».

— Но вы знаете, что он для меня? Для меня он — проклятая... беглая... обезьяна.

Часовые не шевелились.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Отличие их от человека в значительной мере обусловлено привычками.

Энциклопедия Британника, 1946 г.

Как это часто бывает, последний бар на окраине города оказался далеко не лучшим баром, но, как известно, время не ждет... и агенты ФБР — тоже. Счастливчик вошел в кабак первым, произвел рекогносцировку и, выйдя, доложил, что там нет ни одного человека, похожего на агента ФБР.

— У всех такой вид, будто они нигде не могут найти работу вообще.

— На выпивку у них деньги есть, — заметил Горилла.

— Вы знаете, а на той вечеринке с девочками было довольно весело, — сказал Пан. — Как вы думаете, когда у нас появятся деньги...

— Ты у нас превращаешься в форменного алкоголика, Пан, — перебил его Счастливчик. — Пошли. — Пан вручил ему конец до смешного тоненькой цепочки. — Я твой дрессировщик, понял? Горилла, может, тебе лучше постоять на улице? Не годится мичману впутываться в такое дело.

— Мы оборвались с губы вместе, вместе и будем, — сказал мичман Бейтс.

И они вошли. Это была действительно забегаловка худшего сорта. Поколения гуляк про-

ливали пиво на некрашеный пол; десятилетиями нервные посетители пыхтели сигаретами, трубками и сигарами и прокурили все стены; к тому же вся когорта завсегдатаев не очень аккуратно пользовалась туалетом, который находился в глубине бара.

Пан Сатирус, всю жизнь проведший в чистоте и холе, закашлялся. У Гориллы Бейтса был страдальческий вид. Счастливчик Бронстейн, позывая цепочкой, матросской походкой вразвалку направился к стойке.

Буфетчик взглянул на Счастливчика, потом на цепочку и по цепочке добрался до Пана.

— Эй, — сказал он, — ты что сюда приволок?

— Обезьянку, — сказал Счастливчик. — Мартышку-резуса. Подобрал ее на Гибралтарской скале. Это английский резус.

Пан Сатирус кашлял.

Горилла отошел и сел за столик.

— Он дрессированный? — спросил буфетчик.

— Он танцует, — импровизировал Горилла, — ходит на руках и передразнивает всех. Он дрессированный — это точно. Как на флотской службе, верно?

— Почем я знаю, — сказал буфетчик. Судя по выражению его лица, тот же ответ можно было получить на любой вопрос.

Одна посетительница с трудом поднялась со стула и, покачиваясь на высоких скривленных каблуках, пошла к стойке. На ней были оранжевые шорты и бюстгальтер, такого же фиолетового оттенка, как и кожа, видневшаяся между двумя этими предметами туалета.

— Он кусается?

— Нет,— сказал Счастливчик.— Он любит дам.

Пан Сатирус сложил свои уродливые кисти, стал в позу капуцина, выпрашивающего земляной орех, и поймал в ладони руку посетительницы. Он поцеловал эту руку очень нежно.

— Э, да он милашка,— сказала посетительница.

— Дайте ему доллар. Он опустит его в патефон-автомат и станцует для вас,— сказал Счастливчик. Он пристально посмотрел на посетительницу и добавил:— Даю поправку — станцует с вами.

— Доллар? Для автомата нужно десять центов.

— И обезьяна хочет жить,— проворчал Счастливчик.

Посетительница, пошатываясь, возвратилась к своему столику и взяла сумочку. Собутыльником ее был пузатый коротышка с облупленным носом; он наблюдал за ней слезящимися голубыми глазками.

Буфетчик заметил:

— Ваша обезьяна — самый красивый малый из всех, кого она подцепила за последние тридцать лет.

Дама дала Пану доллар. Он отдал его буфетчику и уже хотел было что-то сказать, как Счастливчик тут же вмешался:

— Два пива для меня и для резуса и дайте ему сдачу для автомата.

— Двадцать лет я держу бар, и наконец-то этот гроб с музыкой кому-то понадобился,—

сказал буфетчик. — А я было хотел вернуть его фирме.

Он дал Пану три десятицентовых монеты.

Пан выпил пиво залпом и, шаркая подошвами, пошел к патефону-автомату.

Он выбрал пластинку и опустил в щель монету. Пластинка под названием «Разговор о школе» выскочила из гнезда.

Пан Сатирус поклонился посетительнице и взял ее за руку. Она сделала шаг и оказалась в его объятиях.

Танец получился неважный; у Пана Сатируса, наверно, никогда не было сторожа, который бы смотрел передачи Артура Мэррея. Но, учитывая, что его партнерше, вероятно, никогда не приходилось раньше танцевать с обезьянкой, удовольствие она, по-видимому, за свои деньги получала, тем более что Пан Сатирус исполнил свой коронный номер — водрузив ее на ноги, прошелся на руках.

Она дала ему еще один доллар, а потом две другие посетительницы, не более обольстительные, чем она, выстроились в очередь.

Побрякивая полной пригоршней мелочи, Счастливчик отнес Горилле две кружки пива.

Пузатый человечек перенес свой облупленный нос к их столу. Он воинственно посмотрел на моряков, но, возможно, он смотрел так на всех, с кем сталкивала его судьба, не одарившая его ничем, кроме облупленного носа.

— Ребята, я вас уже видел.

— Вот как, — сказал Горилла, явно давая понять, что разговор окончен.

— По телевизору, — настаивал коротышка. — Это обезьяна, которая облетела вокруг Земли вчера утром.

— Нет, — сказал Горилла. — То был шимпанзе. — А это резус. Просто наш маленький талисман.

— По-моему, он не такой уж маленький, — возразил коротышка. — Он в точности такой, как тот, которого показывали по телевизору.

— Телевизор может увеличить или уменьшить — объяснил Счастливчик. — Все дело в полярности. Отрицательный полюс, положительный полюс... Как подсоединишь, так и получится.

Горилла протянул руку и похлопал по эмблеме на рукаве Счастливчика.

— Он знает, что говорит. Радист. Первого класса.

Коротышка почесал голову, скудно украшенную волосами.

— А по-моему, он выглядит в точности как тот, которого показывали по телевизору.

— На всех не угодишь, — сказал Счастливчик.

— Ваша подружка тут с кем-то подралась, — сообщил Горилла.

Все оглянулись. Подруга облупленного носа и объемистого живота вцепилась в рыжеволосую особу, одетую в платье с узким лифом и широкой юбкой. Обе они мерзко сквернословили.

Пан Сатирус проковылял к столику своих друзей и выложил перед Счастливчиком два доллара.

— Они дерутся из-за того, чья очередь тан-

цевать со мной, — сказал он и, как лицо заинтересованное, вернулся на свое место для наблюдения за исходом схватки.

— Э, да он говорит, — заметил пузатенький.

— Это просто полярность, — заверил его Счастливчик. — Сегодня сильная полярность. Наверно, будет гроза.

— Помогите-ка лучше своей подружке, — сказал Горилла.

— Она себя в обиду не даст. Можно я угощу вас пивом, ребята?

— Конечно, — сказал Счастливчик.

Человечек пошел к стойке в обход, держась подальше от своей сражающейся подруги.

Противницы таскали друг другу за волосы. Пан Сатирус сидел на высоком табурете, обхватив руками колени, и наслаждался зрелищем.

Человечек заплатил за три кружки пива.

— Этот жалкий подонок может наделать нам неприятностей, — предположил Горилла.

— Человек рождается для неприятностей, — сказал Счастливчик, который уже хватил несколько кружек пива на голодный желудок.

Блондинка вцепилась рыжей в лиф и тянула что было силы, упершись для удобства ногой в живот противницы.

— Я тебе все платье порву, ты у меня голышом пойдешь! — визжала она.

Буфетчик перепрыгнул через стойку и разнял их.

— А ну, прекратите такие разговорчики, — сказал он. — Здесь у меня семейные люди бывают.

Глаза Пана Сатируса радостно сияли.

— Поглядите-ка на обезьяну, — продолжал буфетчик. — Это же джентльмен. Вы думаете, такая хорошая, воспитанная обезьяна захочет танцевать с вами, с буйными шлюхами?

— Узнаю южан, — сказал Горилла.

— Да здравствует Юг! — провозгласил Счастливчик.

— А теперь становитесь в очередь и ведите себя как порядочные, — продолжал буфетчик. Он толкнул рыжую к табурету у стойки. — Ты садись, а ты плати обезьяне доллар и танцуй себе на здоровье. И чтоб не ругаться. У меня тут семейные люди бывают.

Блондинка дала Пану доллар, который тот отнес Счастливчику, пившему пиво пузатого. Потом он проковылял обратно. Подбоченясь левой рукой, он подхватил блондинку и посадил ее на бицепс этой руки и завертелся по комнате под музыку патефона-автомата, в который буфетчик опустил собственную монетку.

Горилла угрюмо наблюдал за ним.

— Вот что натворили программы, которые смотрели его сторожа, — сказал он.

— Это не простая обезьяна, — заметил пузатый.

— Дрессированная, — подтвердил Счастливчик. — Сколько мы его дрессировали, а дни в море долгие... Мы ходили на ледоколе на Северный полюс.

Пузатый шмыгнул облупленным носом.

— Теперь я знаю, ребята, что вы меня обманываете. То же гражданское судно, а вы из военно-морского флота.

— Слишком образованные все стали — вот в чем наша беда, — сказал Горилла.

— Я знаю, что эта обезьяна облетела вокруг Земли, — произнес маленький рот под красным носом.

— Ну и ладно, — сказал Счастливчик как можно более сурово. — Так что вы собираетесь теперь делать?

— Не заводись, — сказал Горилла.

— Я еще никогда не встречал настоящих знаменитостей, — сказал человечек. — Как вы думаете, даст он мне автограф?

— Обезьяны писать не могут, — сказал Счастливчик.

— А ведь верно.

— Я вам скажу, что делать, — посоветовал Горилла. — Возьмите ящик с цементом, а мы его попросим оставить в нем отпечаток ступни. В Голливуде так делают.

— Здорово придумано!

Как только человечек вышел за дверь, моряки встали.

— Подработали неплохо, пора и честь знать. Надо смыться, — сказал Счастливчик.

Пан уже шел к ним еще с одним долларом.

Звезды скрадывал туман, наползавший с востока.

Друзья выбрались на шоссе; каблуки моряков постукивали о бетон. Пан держался мягкой почвы канавы и порой жалобно стонал, когда отступался и попадал ногой в воду, скопившуюся на дне.

И вдруг ночи как не бывало, все вокруг залил яркий свет. Со всех сторон в них ударили лучи ручных прожекторов. Пан Сатикус сел в канаву и прикрыл глаза руками, но холодная вода заставила его подскочить.

Послышался голос, усиленный мегафоном:

— Вы окружены, ребята. Не делайте глупостей.

Горилла и Счастливчик медленно подняли руки. Пан, стоявший между ними, снова прикрыл глаза руками.

Кто-то сказал:

— Убери ружье, ты, обезьяна!

И в ответ прозвучало с южным акцентом:

— Ты кого называешь обезьянкой, мартышка несчастная?

В мегафон опять сказали:

— Мы агенты Федерального бюро расследований. Мы вам ничего не сделаем. Стойте спокойно где стоите.

Выбора не было. Пан повизгивал от боли — ослепительный свет резал глаза. Счастливчик положил руку на плечо шимпанзе и крикнул:

— Не светите нам в глаза!

— Убавьте немного, ребята, — послышался голос, и свет стал не таким яростным.

— Помните — я силой увел вас, — напомнил Пан. — Я не хочу, чтобы вы рисковали своей карьерой.

— Где это только наш талисман понабрался таких слов? — сказал Счастливчик.

— Помните, как Джимми Дюрант выступает по радио? — вдруг спросил Горилла. — Я без флота проживу, а без меня-то флот не проживет.

— Ты с каждой минутой становишься все больше похожим на Пана, — сказал Счастливчик.

— Все больше похожим на гориллу, — поправил Пан.

И они уже все смеялись, когда мистер Макмагон шагнул к ним из ночи, ступив внезапно в освещенное пространство. По мере того как он приближался, его грозная фигура приобретала обычный вид.

— Добрый вечер, джентльмены,— сказал он.

— Что, забеспокоился, плешивый? Ну, чтоб ты знал: мы Пана уже накормили,— проворчал Горилла.

— О чём это вы?— спросил Макмагон.

— Вы, крысы, заперли его в камеру и не давали есть. Вот почему он удрал,— сказал Счастливчик.

— Ничего подобного я не помню,— возразил мистер Макмагон.

— Из вашего липового газохранилища.

— Не валяйте дурака. Я специальный агент ФБР. Откуда у меня может быть газохранилище? Мистер Сатикус, мы приготовили комфортабельный автомобиль для вас и ваших адъютантов. И, кстати, мичман Бейтс и мистер Бронстейн, мы доставили сюда с корабля все ваши личные вещи. Ваши вестовые упаковали их, и я уверен, что все будет в порядке. А теперь план наших дальнейших действий... Отсюда до аэропорта в Майами вы поедете на машине. Там вас ждет реактивный самолет; доктор Бедоян позаботится о том, чтобы вам было удобно лететь. Но, учитывая поздний час, вы, может быть, предпочтете отложить полет до утра. В этом случае завтра вам окажут более пышный прием, и хотя я знаю, что вы не придаете значения таким вещам, все-таки позвольте напомнить, что Нью-Йорк — это ваш родной город...

Под холодным взглядом обезьяны он смешился и стал бормотать что-то невнятное.

— Уж не лишились вы рассудка, мистер Макмагон? — спросил Пан Сатирус.

Агент ФБР смолчал. Он проглотил обиду. Это было заметно, несмотря на ослабленный свет прожекторов. Мистер Макмагон пожал плечами и достал из кармана записную книжку. Он открыл ее и взглянул на Гориллу и Счастливчика, ища сочувствия, но не нашел его. Деревянным голосом он стал читать:

— Полицейский комиссар Нью-Йорка встретит ваш самолет в аэропорту Ла-Гардиа... Это большой аэропорт в Нью-Йорке, сэр... Он будет сопровождать вас до муниципалитета, где вас должен приветствовать мэр. После небольшой юридической процедуры вас повезут во главе колонны автомашин по Бродвею, где вас будет приветствовать население... так принимают в Нью-Йорке именитых гостей... в Радиосити для подписания контракта, а затем в Бронкс, где президент Зоологического общества произведет церемонию открытия бронзовой доски, которая увековечит тот факт, что вы родились в Нью-Йорке.

— В обезьяннике, — сказал Пан Сатирус.

— Вечером состоится обед, который даст в вашу честь диетолог Центрального зоопарка и...

Пан Сатирус протянул длинную руку. Записная книжка легко перешла в его сильные пальцы; они скрутили ее, и порванные листки подхватил ночной ветерок.

— Юридическая процедура? Подписание контракта? Вы плохой актер, мистер Макма-

гон. Вы уж лучше придерживайтесь своего метода — допроса с пристрастием.

— Я надеялся, что вы об этом забыли, сэр, — сказал мистер Макмагон. — Ведь мы не сделали вам ничего дурного.

— Вы заперли меня в камере, грозили заморить голодом.

— Я надеялся, что вы забудете это, сэр... Я действовал согласно приказу.

Пан Сатирус скалил свои страшные зубы.

— Юридическая процедура? Подписание контракта?

— Суд города Нью-Йорка собирается сделать вас полноправным человеком, — сказал мистер Макмагон.

— Этот малый дошел до ручки, — сказал Горилла, поглядывая на мистера Макмагона.

— Что правда, то правда, мичман, — сказал Макмагон.

Пан Сатирус уперся в дорогу руками и раскачивал свое короткое мощное тело; он явно над чем-то размышлял.

— Полноправным человеком, — произнес он. — Как мило.

— Да, сэр.

— А сколько лет будет этому полноправному человеку?

Мистер Макмагон попятился.

Но далеко уйти он не мог: кругом были прожектора, агенты и осветители, направляющие свет прожекторов.

— Все это не я придумал, — сказал он. — Юрист из меня так и не вышел, но я не могу представить себе, как судья может изменить ваш возраст, мистер Сатирус.

— Полноправный человек, таким образом, будет в возрасте семи с половиной лет, верно? Дитя. Счастливчик, в Нью-Йорке есть обязательное школьное обучение?

— В Бруклине есть, Пан. Там я научился читать и писать.

— Значит, я буду сидеть в классе с малыми ребятишками, а какая-нибудь женщина будет рассказывать, как делать бумажные куклы? Я видел школу Динг-Донг по телевизору, мистер Макмагон.

Наверно, агент тоже видел эту передачу, во всяком случае, голос у него стал ломаться, как у подростка.

— Может быть, вы сдадите экзамен экстерном, и получите аттестат зрелости, сэр... Я, право, не знаю...

Пан Сатирус присел на пятки и стал медленно расчесывать ногтями шерсть на груди. Он обернулся к своим друзьям.

— У этой рыжей были ужасно крепкие духи. Я, наверно, никогда не избавлюсь от этого запаха... — И он снова обратился к агенту. — Мистер Макмагон, какой контракт я должен подписать?

Покрасневший мистер Макмагон опустил голову и взглянул на дорогу.

— Контракт с радиовещательной компанией, сэр. Будете выступать по телевидению.

Пан Сатирус ожесточенно поскреб голову.

— Как и вы, я никогда не занимался юриспруденцией, мистер Макмагон.

— Я изучал ее.

— Ах, вот как. Тогда, пожалуйста, скажите мне, каким образом полноправный человек се-

ми с половиной лет может подписать контракт, имеющий юридическую силу?

— Этого он набрался не из телевизионных передач, — сказал Счастливчик.

Пан бросил через плечо:

— Некоторое время служителем у моей матери был студент — юрист из Фордхэма. Он скорее был сторожем, так как просто сидел всю ночь перед клеткой и занимался.

— Видите ли, ваш опекун... — начал было мистер Макмагон.

— Продолжайте.

— Это ваш друг. Билл Данхэм, — выпалил Макмагон.

Пан Сатирус повернулся спиной к мистеру Макмагону и обратился к Счастливчику и Горилле:

— У меня есть друг по имени Билл Данхэм?

— Знакомое имя, — сказал Счастливчик. — Погоди-ка... Это та обезьяна... прости, тот малый, который интервьюировал тебя утром на пристани.

— Это не друг, — сказал Пан.

— О, я понимаю, — сказал мистер Макмагон. Затем его лицо вдруг обмякло и на мгновение стало почти беспомощным. — Послушайте, я выполняю приказ. Доставить Пана Сатируса в Нью-Йорк... иначе мне не сдобрить.

— Иначе вас перестанут кормить? — спросил Пан.

Мистер Макмагон промолчал.

Пан поежился.

— Становится прохладно. Шимпанзе легко простужаются, хотя и не так легко, как другие приматы... Когда вы пытались заморить

меня голодом, то это делалось для того, чтобы узнать, как заставить корабль лететь со сверхсветовой скоростью? Ваше правительство все еще интересуется этим?

Мистер Макмагон ничего не ответил.

Неожиданно правильный ответ поступил от Гориллы.

— Сколько эта телевизионная компания собирается платить Пану?

— Десять тысяч в неделю.

Горилла поправил на голове свою мичманку.

— Все понятно. С парнем, который зашибает десять кусков в неделю, никому не сладить. Кишка тонка.

— И что же я должен делать за такие деньги? — вдруг загремел Пан. — Ловить земляные орешки, которые будет бросать мне очаровательная блондинка? Притворяться, что влюблен в актрису с чрезмерно развитыми грудными железами? Или быть любящим отцом семейства маленьких шимпанзе, которых будут играть бесхвостые макаки?

— Я вижу, вы смотрели телевизионные передачи, — сказал мистер Макмагон.

— Если тебя заставляют делать то, чего ты не хочешь, — сказал Счастливчик, — притворись дурачком.

Опершись кулаком о дорогу, Пан резко повернулся к Счастливчику.

— Ты хочешь, чтобы я согласился, Счастливчик? Ты?

— Пан, мне бы хотелось хоть раз иметь возможность похвалиться, что у меня есть приятель, который зарабатывает десять кусков в неделю... Впрочем, сказать, что мой приятель

отказался получать десять тысяч в неделю, тоже неплохо, я считаю. Но дело в том, что выбора-то у нас нет. Вот мы стоим на дороге, и идти нам некуда. А там собираются повесить бронзовую доску в обезьяннике, где ты рос вместе с этими резусами.

Горилла сказал:

— Моя старушка мать... — она называла себя моей теткой, потому что никогда не была замужем, но я-то знаю... — так вот она рассказывала, что случилось с одной чересчур любопытной кошкой, Счастливчик.

Пан сказал:

— Минута молчания у клетки, где я родился... Стоим только я и два моих друга. Приходят в голову счастливые воспоминания детства... Ладно, я согласен.

— Ну и голос у вас... только по телевидению выступать, — живо заметил мистер Макмагон. — Пошли.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Они поднимают сильный шум... особенно когда их раздражают другие обезьяны.

Энциклопедия Нельсона,
1943 г.

Говорит Билл Данхэм, друзья. Через минуту я передам микрофон моему другу и коллеге Игги Наполи... вы здесь, Игги?.. и стану участником этих великих волнующих событий.

Жаль, что мы не могли толком показать вам картину проезда от нью-йоркского муниципалитета к зданию суда. Никогда в жизни я еще не видел столько изношенных машинописных лент и бумажек из мусорных корзин. Вы знаете, что триумфальный проезд по улицам обычно называют парадом старых машинописных лент, но на самом деле служащие учреждений на Манхэттене бросают из окон не только ленты... они вываливают все из мусорных корзинок, и пока не выпутаешься из лент, которые летят со всех тридцати этажей, тут уж не до телевизионной передачи, друзья.

По крайней мере, хорошо что сейчас в употреблении шариковые ручки, и нас не бомбардируют таким большим количеством бутылок из-под чернил, как прежде.

Теперь мы приближаемся к зданию суда, и я вижу судью Мэнтона, который вышел на мраморную лестницу, чтобы приветствовать нас.

Наша другая камера покажет вам это... вот она показывает... а теперь вернемся к нам, к Пану Сатирусу, который находится рядом со мной на сиденье. Какие вы испытываете ощущения, Пан, становясь полноправным человеком?

Ладно, у вас нет настроения говорить, Пан, но тогда хотя бы улыбнитесь в объектив. Не хотите? Я понимаю — это довольно торжественный момент для старины Пана. Так его зовут, как вы знаете. Ему не нравится, когда его называют Мемом, капитаном «Мем-санба»...

Говорит Игги Наполи. Дорогие друзья, я стою на ступенях у входа во Дворец правосудия, а человек, который, как вы видите, приближается к веренице автомобилей,— это судья Пол Мэнтон. Это он возведет Пана Сатируса в ранг полноправного человека.

Из лимузина передача внезапно прекратилась, но этого следовало ожидать — инженеры говорили мне, что при передаче из этих, так сказать, каньонов, искусственно созданных из стали и бетона... железобетона, как говорят в Англии... волны, несущие изображение, проходят очень сложный путь. Звуковые волны, наверное, тоже, ибо голос Билла Данхэма, моего старого друга и коллеги, мы вдруг перестали слышать. А к этому голосу мы все привыкли, мы полюбили его — уже много-много лет радиоволны доносят к нам голос Билла Данхэма. Я не знаю, сколько лет Билл вещает американскому народу, но я не удивился бы, если бы узнал, что он со своим микрофоном брал интервью еще у генерала Гранта в Ричмонде.

Прямо передо мной стоит Пол Мэнтон — судья суверенного штата Нью-Йорк, человек, который возведет старину Мема в ранг полно-правного человека. Так ли я сказал, судья? Правильно ли я выразился?

«Я думаю, мистер Наполи, что надо просто говорить о гражданстве. Мэр уже присвоил Мему звание почетного гражданина Нью-Йорка, а я просто узаконю этот акт. Конечно, вы понимаете, что в его возрасте было бы жела-тельно, чтобы...»

Простите, судья. Лимузин уже подъехал, и полицейский Хью Галлахан, старейший слу-жащий нью-йоркской полиции, краса и гор-дость Нью-Йорка, подходит, чтобы открыть дверцу автомобиля.

Это мичман-минер Бейтс из военно-морских сил США... Выходит, улыбаясь, и смотрит прямо в наш объектив. А это радиостарейший класса Майкл Бронстейн становится рядом с ним. А теперь выходит старина Мем, пилот «Мем-саиба»...

...Говорит Центральная радиовещательная компания. Передача с места церемонии у Двор-ца правосудия прекратилась по техническим причинам, и до ее возобновления позвольте мне рассказать вам кое-что о прошлом великой обезьяны, которая вот-вот станет великим аме-риканцем. Повторяю — великой обезьяны, ибо Мем — это шимпанзе...

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Даже самый глупый шимпанзе может отличить настоящие деньги от фальшивых.

Иллюстрированная библиотека по естественным наукам, Американский музей естественной истории, 1958 г.

— Не надо было этого делать, Пан, — сказал Горилла. — Эта радиовещательная компания теперь тебя невзлюбит. Сначала ты нокаутировал ее главного говоруна, а потом сорвал крышку с телевизионной камеры. Нехорошо.

— Я не люблю, когда меня называют Мемом, — просто сказал Пан. Он посадил судью, которого нес на руках, и спросил:

— Теперь вы можете идти, ваша честь?

— Да, наверно. Я... Это оскорбление суда, сэр.

— Называйте меня просто Паном. А вот и доктор Бедоян.

Врач спешил им навстречу.

— Что, Пан?

— Посмотрите, не требуются ли судье ваши услуги.

— Нет, нет, я совершенно здоров, — сказал судья. — Здесь моя камера. Сама церемония должна состояться в зале суда, разумеется; но я думал, что с предварительными формальностями

стями мы покончим здесь. Может быть, вы присядете, мистер Пан?

— Надо говорить «мистер Сатирус». Но называйте меня просто Паном, а я присяду на этот шкаф с папками.

Судья бочком пробрался к своему громадному, с высокой резной спинкой креслу, точной копии того кресла, которое стояло в зале суда.

— Возраст — семь с половиной лет; значит, вы родились... ясно. Имена родителей?

— Мать — Пан Сатирус Плененная, отец — Пан Сатирус Вольный.

Судья взглянул на него.

— Полно вам!

Пан Сатирус нагнулся, оторвал одну из медных ручек шкафа для бумаг и швырнул ее в угол.

— Я не узнаю тебя, Пан, — сказал доктор Бедоян. — Прежде ты был таким покладистым.

— Мне не раз... как это там, Счастливчик?

— Ему не раз доставалось на орехи, — подсказал Счастливчик. — Ну и... он стал вроде бы плохого мнения о людях...

— Я стал питать презрение к людям, — сказал Пан. — Не к вам троим и не к тем сторожам и служителям, которые у меня были. Но чувствую, как во мне растет настоящая ненависть...

— Джентльмены, прошу вас, — перебил его судья Мэнтон.

— Не называйте меня джентльменом! Я шимпанзе.

— Шимпанзе и джентльмены, в зале суда нас ждет много людей. Много высокопостав-

ленных лиц. Итак, мистер Сатирус, цель этой процедуры — возвести вас в ранг человека. Учитывая ваш нежный возраст, мистер Уильям Данхэм назначен вашим опекуном. А, кстати, где он?

— Мы оставили его в машине, — сказал Пан Сатирус. — Он вещал по радио всякую чепуху обо мне, и я ткнул ему пальцем в солнечное сплетение. Теперь он спит. Верно, доктор?

— Он не получил серьезных повреждений, судья, — сказал доктор Бедоян.

— Но его присутствие обязательно, — возразил судья. — Он должен подписать бумаги, которые утверждают его в роли вашего опекуна.

— Я не хочу иметь опекуна, — сказал Пан.

— Но вам всего семь с половиной лет.

— Сделайте так, чтобы мне был двадцать один год, — сказал Пан. — Вы судья; раз вы можете сделать меня полноправным человеком, так сделайте меня еще и совершеннолетним.

— Я вижу, вы никогда не изучали юриспруденции. Такого precedента никогда не было!

— А precedент превращения шимпанзе в полноправного человека был?

— Если бы я под вашим давлением объявил, что вам двадцать один год... пожалуйста, оставьте в покое этот шкаф... апелляционный суд сразу же отменил бы мое решение.

— А тем временем я получал бы десять тысяч в неделю, — сказал Пан. — И затем, если бы решение вынесли не в мою пользу, никто не мог бы предъявить иск и получить деньги назад, потому что человек в семь с половиной лет не отвечает за свои поступки.

— А вы знаете законы, — сказал судья Мэнтон.

— Дайте-ка я изложу вам дело короче, чем это сделал бы адвокат: подготовьте соответствующие бумаги, подпишите их и поставьте печать, а затем вы можете выйти в своей мантии и позировать перед телевизионными камерами. Вместе со мной и очень хорошенькой, как я предполагаю, актрисой. Попробуйте не сделать того, что я вам сказал, и вас придушит, и, возможно, даже насмерть, безответственный шимпанзе, которому не исполнилось и восьми лет. Просто, да?

— Такого даже Ла-Гардия не проделывал с Тамани-холлом, — сказал судья, но взял перо и стал писать.

Время от времени он хмыкал. Кончив писать, он сказал:

— Мой клерк поставит здесь печать.

— Ладно, — сказал Пан. — Вызовите его.

Судья нажал кнопку звонка. Вошел клерк, чернильная крыса средних лет, тут же вышел, принес печать и приложил ее к бумагам. Доктор и Счастливчик засвидетельствовали документы, которые после этого были вручены Пану Сатирусу.

Прочтя бумаги, он пошуршал ими, но у него не было карманов, чтобы их спрятать. Он вручил бумаги на сохранение Горилле.

— Добро пожаловать в род человеческий, — сказал Горилла.

Пан подарил его тем, что можно было счастье улыбкой.

— Все в порядке, судья, — сказал он. — Идите в зал суда и садитесь в свое кресло, а

ваш клерк покажет нам, куда пройти.

Судья вышел.

— Успокоительного не надо, Пан? — спросил доктор Бедоян.

— Вы очень заботливы, Арам, — сказал Пан. — Мы скучали без вас во Флориде. Позже я расскажу вам о своей карьере наемного партнера в танцах. Я заработал больше десяти долларов.

— А теперь ты будешь получать десять тысяч каждую неделю. Почему?

Пан перевел взгляд блестящих глаз с Гориллы на Счастливчика, а затем подмигнул доктору Бедояну.

— Я регрессировал, — сказал он.

— Деградировал.

Пан пожал плечами.

Клерк распахнул перед ними дверь. Они вошли в зал и стали рядом с судейским креслом. До них донесся напряженный шепот:

— Говорит Игги Наполи, дорогие друзья, и снова на ваших экранах великий Пан Сатирус, как он любит, чтобы его называли. Сейчас он присоединится к роду человеческому! Это великий момент в его жизни. А быть может, это даже более великое событие, чем его полет вокруг Земли? Я задам ему этот вопрос при первом же удобном случае.

Два моряка за его спиной — это его большие друзья, мичман Бейтс и радиостарший Бронстейн, а штатский — его личный врач доктор Арам Бедоян. Видите, они выстроились перед судьей, который... Давайте послушаем его.

— Пан Сатирус, поднимите правую руку. Клянетесь ли вы сохранять верность Соеди-

ненным Штатам Америки? Только им и никакой другой стране? В таком случае объявляю вас гражданином Соединенных Штатов Америки.

— И вот, дорогие друзья, все кончено. Судья удаляется, заседание суда объявляется закрытым, а теперь перед вами Джейн Бет, которую телевизионная компания попросила вести сегодня передачу о Пане Сатиусе. Вот она представляется ему.

— Пан, милый. Я Джейн Бет.

— Я видел вас по телевизору.

— О, как это мило с вашей стороны! Я буду играть роль вашей владелицы в очень милой новой постановке, которую компания подготовила специально для нас. Она называется «Красавица и чудовище»...

— Говорит Игги Наполи, я переключаю вас на Билла Данхэма, который является постановщиком. Я только замещал его. Пожалуйста, Билл.

— Билл Данхэм снова с вами, друзья. Судья Мэнтон возвращается в зал суда без мантии и...

— Держите обезьяну, она сдирает с меня платье!..

— Произошла маленькая неувязка, друзья. Помех надо было ожидать, поскольку мы ведем передачу издалека, но мы быстро настроим аппаратуру снова. Судья, мы хотим показать вас крупным планом с этим документом в руках и...

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Шимпанзе более ловко манипулируют различными предметами, чем собаки.

Джон Пол Скотт «Поведение животных», 1957 г.

Дорожки в нью-йоркском зоопарке, находящемся в Бронксе, достаточно широки, чтобы по ним мог проехать не только легковой автомобиль, но и грузовик. В обычные дни по этим дорожкам мимо посетителей неторопливо разъезжают пикапы, увозя мусор, доставляя корм к клеткам и выполняя другие мелкие хозяйствственные работы.

Но этот день не был обычным. Вереница лимузинов катила к обезьяннику; на правом крыле каждой машины разевался американский флаг, на левом — флагок великого города Нью-Йорка.

Во второй машине между Гориллой и доктором Бедояном на заднем сиденье ехал Пан Сатирус. Он угрюмо смотрел в шею Счастливчику Бронстейну.

С первого же момента, когда они только отъехали от здания суда, водитель держался крайне напряженно. Даже человеку при взгляде на его ссутуленные плечи становилось ясно, что он боится. А Пан чуял запах страха.

Однако Пан Сатирус протянул руку и тихо похлопал шофера по плечу.

— Не бойтесь, — сказал он. — Я вас не трону. Спросите Счастливчика, который сидит рядом с вами.

— Это верно.

— Да, сэр.

— Нет, — сказал Пан, — вы бойтесь из-за того, что произошло с этой девицей, с актрисой? Она хотела выставить себя напоказ. И выставляла вовсю. Она так сюсюкала и так покровительствовала мне, что меня чуть не стонило полупереваренными бананами прямо ей в лицо. Я просто помог ей. Теперь она показала себя в таком виде, в каком ей и не снилось: это первая актриса, появившаяся перед телевизионной камерой в одних чулках. Это все, что у нее было под платьем.

— Я не мог оставить машину, — сказал шофер.

— Много потеряли, приятель. Не думаю, чтобы они еще раз показали эту пленку в «повторных передачах»... Но вам меня нечего бояться.

Шофер немного успокоился, и остаток пути все молчали.

Вдоль улиц выстроились толпы народа, но Пан лишь изредка снисходил до приветственного взмаха длинной рукой. Несколько женщин послали ему воздушные поцелуи, а одна даже проскользнула сквозь цепь полицейских и сунула голову в открытое окно машины. Но полицейские быстро оттащили ее... совершенно одетую.

Только когда они проехали в охранявшиеся ворота зоопарка, молчание было нарушено — доктор Бедоян сказал:

— Ты переменился, Пан. Не думаю, чтобы слава вскружила тебе голову, но что-то повлияло на тебя.

— На вашем попечении было очень много шимпанзе, Арам.

— Тебя я любил больше всех других пациентов.

Пан Сатирус поежился.

— Вы меня расстроили, — сказал он и поглядел на свои руки, зажатые между скрещенными ногами. Затем он посмотрел в окно. — Когда я был совсем, совсем маленьким, здесь работал один ветеринар; он обычно выводил меня поиграть под теми деревьями. Но тогда парк был гуще.

— Ты не хочешь отвечать на мой вопрос.

— Да. Да, Арам, я переменился. Но я не совсем в этом уверен. Я регрессировал, деградировал. Я не вполне шимпанзе. Но, может быть, мне надо было крутиться и крутиться вокруг Земли полных двадцать четыре часа. Тогда бы я стал вполне человеком. Или даже сорок восемь часов, и тогда я стал бы генералом или телевизионным актером. Эти люди, мне кажется, полностью удовлетворены своей деятельностью независимо от того, есть ли в ней какой-либо смысл или нет.

— Бывают исключения, — заметил доктор Бедоян.

— Я слишком много говорю, верно? Сначала я испытывал непреодолимую потребность. Но вы заметили, что по дороге сюда я не проронил ни слова? Может быть, этой потребности уже нет. Может быть, я снова превращаюсь в полноценного шимпанзе.

Горилла, по левую руку от него, беспокойно ерзал на сиденье.

— Кончайте, док. Вы нагоняете на Пана тоску.

— Я врач-терапевт. По внутренним болезням. Хотя в свое время я вправил несколько костей. А тут нужны психиатры. Эти ребята зарабатывают тем, что заставляют пациента делать за них всю работу. Мне кажется, что это очень тяжелый способ добывать себе средства к жизни.

— Хорошо сказано, — отметил Пан.

— Даже до меня дошло, док, — поддержал и Горилла.

Водитель обернулся к Счастливчику.

— Кого уж я только ни возил в этом мото-ре, морячок, но ни одного такого речистого не было, как этот, что сзади сидит.

— Ты лучше смотри на дорогу, — сказал Счастливчик.

— А я и смотрю. Небось, за машину-то я в ответе.

— Доктор, я не самоаналитичен? — спросил Пан.

— Скажем так: надо побыстрее взять себя в руки, а то тебя, весьма возможно, будут вынуждены пристрелить. И смотреть не станут, обезьяна ты или полноправный человек.

— Это и до меня дошло, — сказал водитель.

— Ладно, — сказал Пан. — Но предположим, что я ничего не могу с собой поделать?

Доктор Бедоян насмешливо фыркнул.

— Наверно, у тебя был служитель или ночной сторож, который читал книги по психопа-

тологии? Ты же не психопат. Меня ты не приведешь, Пан.

Пан Сатирус смотрел в окно.

— Клетки со львами, — сказал он. — Каких только фантазий они не навевали на меня когда-то! Мы слышали львов по ночам, чуяли их запах, и я говорил себе, что убью тигра или льва, когда подрасту... Но когда мне исполнилось восемнадцать месяцев, я уже стал кое-что соображать. Мы почти у обезьянника.

— «Дом, родной мой дом», — сказал доктор Бедоян. — Ты не ответил на мой вопрос.

— О, нет, — сказал Пан. — Я не сумасшедший. Но я шимпанзе. А шимпанзе в моем возрасте становятся опасными. Помните?

Горилла Бейтс утвердительно рявкнул. Спина водителя напряглась, он дал газ и едва не врезался в бампер передней машины.

Доктор Бедоян впервые повысил голос:

— Ты не шимпанзе!

Пан Сатирус скривил губы. Передняя машина свернула и стала носом к обезьяннику. Их машина стала рядом. Небольшая группа людей с серьезными лицами ждала у здания.

— Кто я? — спросил Пан. — Человек?

Горилла и Счастливчик вышли из машины и стали навытяжку, как и полагалось военным морякам.

Пан тоже хотел вылезти из машины, но доктор Бедоян положил руку на его мощное плечо.

— Ты мой друг, — сказал он мягко, но решительно.

Пан обернулся к нему. Его странные глаза

(белки были темнее радужных оболочек) блестели.

— Спасибо, Арам, — сказал он. — Попытайтесь избавить меня от этого. Но если вам не удастся и меня застрелят... не слишком скорбите. Пусть страдаю я один. Я шимпанзе, Пан Сатирус, и нам нет счастья в неволе, когда юность позади.

Он выпрыгнул из автомобиля, схватил Счастливчика и Гориллу за руки и, шутовски кривляясь, направился навстречу руководителям и персоналу нью-йоркского Зоологического общества.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Обезьяна обезьянничает ради собственного удовольствия; насмешник передразнивает других, чтобы оскорбить.

Крабб «Английские синонимы», 1917 г.

Первым выступил вперед директор.

— От имени Общества и персонала зоопарка, — сказал он, — позвольте мне приветствовать вас, Пан Сатирус, как нашего самого знаменитого бывшего питомца. Я уполномочен сообщить вам, что отныне вы являетесь по жизненным членом нью-йоркского Зоологического общества.

— Спасибо, — сказал Пан. Стоявший рядом доктор Бедоян довольно хмыкнул: его пациент решил вести себя хорошо.

Директор сделал шаг назад, и на его место встал куратор приматов.

— Позвольте и мне приветствовать вас. Я помню хорошо и вас, и вашу матушку Мэри. Я был здесь, когда вы родились. На моем попечении никогда не было более умных животных.

— И все же вы нас продали.

Доктор Бедоян вздохнул.

Но это были не политики, не деятели телевидения, не генералы и не агенты ФБР. Это были служащие зоопарка.

— Вы слишком умны, чтобы держать вас в клетке, — сказал куратор, — и выставлять на всеобщее обозрение, когда родина нуждается в способных приматах.

— Ваша родина, доктор. Не моя, — сказал Пан.

— У вас нет другой, Пан, — парировал куратор. — Или мне следует называть вас мистером Сатирусом? У вас нет другой родины, мой друг и бывший питомец.

— Африка — родина Пана Сатируса.

— Никто не может сказать с уверенностью, где первоначально была родина Гомо сапиенс, — сказал куратор, — но я уверен, что всем нам не очень-то пришлось бы по вкусу, если бы мы были принуждены вернуться туда и жить там.

— Браво! — сказал доктор Бедоян.

Пан обернулся к нему и ослабился.

— Что, попало мне?

— Вы можете себе представить, — продолжал куратор, — как я... как все мы взволнованы. Впервые у нас появилась возможность поговорить с одним из наших питомцев. Вы можете научить нас, как лучше заботиться о приматах.

— Отпустите их на свободу, — сказал Пан.

— Вы и сами понимаете, что мы этого не сделаем. А раз так, вы можете оказать большую услугу своему народу, дав нам некоторые указания.

— Не называйте нас народом, — возразил Пан. — Мы обезьяны.

— Очень интересно, — сказал куратор. — Хотелось бы знать, насколько изменения, про-

исшедшие в вас, помогли вам избежать перемен, которые происходят со всеми шимпанзе в вашем возрасте. Очевидно, вы их не избежали. Вы становитесь воинственным.

— Нетерпимым к содержанию в неволе, — поправил Пан.

— Пусть будет по-вашему, — согласился куратор. — Я собирался предложить вам место главного служителя приматов.

— А почему не свой пост?

Куратор вздохнул.

— У вас нет ученых степеней, мой друг. Однако наша беседа слишком затянулась, мы заставляем себя ждать. Я хочу познакомить вас с работниками Общества. Многих из них вы, вероятно, вспомните.

— Сначала познакомьтесь с моими друзьями — Гориллой Бейтсом и Счастливчиком Бронстейном, — сказал Пан. — И доктором Бедояном.

Куратор пожал руки морякам, улыбнулся врачу и обнял его.

— Ну, а потом, Пан, — сказал он, — вы проведете с нами совещание?

— О, да. Но прежде окажите мне услугу. Я хотел бы побывать немного в обезьяннике один. Чтобы подумать о своей матери.

— Что вы замышляете? — спросил куратор.

— Счастливчик и Горилла могут остаться со мной, — сказал Пан. — И постоянные обитатели, разумеется.

Куратор посмотрел сначала на обоих моряков, потом на Пана.

— Пан, здесь пахнет какой-то хитростью.

Но предупреждаю вас, это все... прошу прошенья за вульгарность... мартышкин труд.

— Я собираюсь поступить к вам на работу, — сказал Пан. — Это солиднее, чем быть телевизионным актером.

— Если с вами произойдет то же, что со всеми самцами шимпанзе, вступающими в пору зрелости, эту должность мы вам предоставить не сможем. Но если мы исполним ваше желание, совещание состоится?

— Я уважаю вашу прямоту, — сказал Пан. — В сущности, для человека вы всегда были неплохим малым. Бывало, приносили мне яблоки и игрушки, когда я был маленьким. Ну, тащите сюда ваших чванливых болванов.

Куратор вздохнул и взглянул на доктора Бедояна; тот пожал плечами.

Церемония началась.

Когда она окончилась, все остали Пана, Гориллу и Счастливчика в обезьяннике и ушли. Куратор вышел последним; у него был очень невеселый вид, когда он, закрывая за собой дверь, оглянулся на Пана.

Пан остановился у клетки, в которой он появился на свет, и стал рассматривать новую бронзовую дощечку: «Здесь родился Пан Сатирус, первый шимпанзе, овладевший человеческой речью, и тринадцатый из своего вида, слетавший в космос».

— Пан Сатирус, — сказал он и взглянул на другую табличку с надписью: «ШИМПАНЗЕ, Пан сатирус, обитает в Экваториальной Африке». Тут же висело условное обозначение самки шимпанзе.

Пан взглянул на клетку. Самке было четыре года, она уже достигла брачного возраста. И была явно настроена похотливо.

— Ты был в море долго, очень долго, — мягко сказал Горилла.

— О, господи, — вырвалось у Пана. Он не привык сквернословить.

Обезьяна что-то бормотала, колотя костяшками пальцев о пол клетки.

— Ты разбираешь, что она там сигналит? — спросил Горилла.

— Это не требует разъяснений, — ответил Пан.

— Тоже верно. — Горилла хихикнул. — Как на Сэнд-стрит, когда флот возвращается из плаванья... Сэнд-стрит в этом городе, а?

— Да, — сказал Счастливчик. — Это в Нью-Йорке, в Бруклине. Я там родился. Только там никакой бронзовой доски не повесили. — Он посмотрел на самку шимпанзе, а потом на своего друга Пана. — У меня под форменкой есть отвертка. И нет такого замка, которого бы я ею не открыл. Только так можно добывать выпивку на корабле, — добавил он. — Аптечный спирт. И тот, что для компасов.

— Наверно, я мог бы сорвать замок, — сказал Пан. — Изнутри его не достать, а снаружи — пожалуйста. Наверно, я первый шимпанзе, оказавшийся в обезьяннике в роли посетителя. Если только я шимпанзе.

— Когда я научился вязать морской узел, — сказал Горилла, — мне нетерпелось поскорее поехать в гости в ту развалину, где я родился... Но оказалось, что с ребятами с нашего двора мне уже толковать было не о чем.

Я стал моряком, а они так и остались фраерами, что околачиваются на углу.

— Дело не в том, что поговорить не с кем, — сказал Пан. — Я еще очень молод. Хутон и Йеркс утверждают, что в естественных условиях шимпанзе живут до пятидесяти лет. У меня еще все впереди.

— Послушай, Пан, — сказал Счастливчик, — если тебе не понравились флоридские девочки, не думай, что лучше них нет.

— Лучше той телевизионной актрисы?

— Я имею при себе, как говорят легавые, не только отвертку, — сказал Счастливчик. Он полез за пазуху и достал две бутылки джина и бутылку водки. — Это для резусов, но тебе сейчас это нужнее.

Пан рассмеялся, если звуки, которые он издавал, можно было назвать смехом.

— Приколоти еще одну бронзовую дощечку, — сказал он. — «Пан Сатирус, который в возрасте семи с половиной лет отказался действовать на потеху публике». — Он повернулся спиной к самке шимпанзе, завизжавшей от ярости. — Джентльмены, сюда — здесь мартышки-резусы. Дайте им водки.

Их было шестнадцать, и все они сидели в одной клетке. Тут были два дедушки-резуса, четыре или пять младенцев, льнувших к спинам матерей, и множество резусов в полном расцвете сил.

Пан перескоцил через перила, предназначенные для того, чтобы держать зрителей и мартышек на должном расстоянии друг от друга. Протянув длинную руку, он выхватил водку у Счастливчика и собрался было про-

сунуть ее между прутьями решетки. Но потом сообразил и откупорил бутылку.

— Держите, братцы, сестрицы, — сказал он. — Живите, пока живется.

Потом обернулся к Счастливчику.

— Так говоривала некая сестрица, ходившая к доктору Бедояну, — добавил он.

Самка шимпанзе, оставшаяся одна в клетке напротив, придавила коротким большим пальцем руки струйку из питьевого фонтанчика и пустила ее прямо в шею Пану. Тот небрежно отер воду.

Оба матроса не отрывали взгляда от клетки с резусами, а Пан тихонько улизнул от них.

Из клетки шимпанзе больше не доносилось ни постукиваний, ни повизгиваний. Раздался звон, словно кто-то бросил замок на цементный пол.

Один за другим резусы поддались действию алкоголя; не прикончив еще и бутылки джина, которая последовала за бутылкой водки, они все уснули.

Моряки встали, и Горилла махнул своей мичманкой в сторону объятой сном клетки. Счастливчик взглянул на табличку.

— Макаки-мулатки, спите крепко, — сказал он. — Я никогда не забуду вас.

Когда они проходили мимо клетки шимпанзе, обитательницы ее не было видно. Она, очевидно, удалилась в спальню клетушку, находившуюся за клеткой.

Пан остановился перед клеткой, из которой на него воинственно глядели два орангутана.

— Когда-то это была клетка гориллы, — сказал он. — Теперь гориллам отвели большое

помещение. Они очень привлекают посетителей. Совсем похожи на людей.

— Полегче, Пан,— с беспокойством сказал Горилла.

— Ладно, ладно. Во всяком случае, из вас-то я не причисляю к этой категории никого.

Орангутаны что-то басовито бормотали. Вдруг они прыгнули вперед, прильнули к решетке и, яростно крича, стали совать руки между прутьями. Пан отскочил.

— Что за черт? — спросил Горилла.

— Им не нравится, что я с вами, — ответил Пан. — Они думают, что я предатель.

Он заковылял к двери, моряки пошли следом. Как обычно, он шел скорее на четырех конечностях, чем на двух, но теперь голова его была опущена тоже, и он уже меньше походил на человека, да в сущности и на обезьяну.

— Счастливчик, а ну-ка, смотайся и достань немного виски, — сказал Горилла.

— А мы ведь опять сидим без гроша.

— Есть один малый, его зовут Макгрегор, Дэнди Макгрегор. Он еврей и живет на Сэнд-стрит. Он даст тебе денег под мое жалованье.

— Зайду к этой сухопутной крысе при первом удобном случае, — сказал Счастливчик.

Выходя, они обнаружили, что мистер Макмагон и трое его веселых коллег присоединились к ним снова. Агенты стояли немного в стороне от директора, куратора и других служащих зоопарка.

При виде Пана и двух моряков лица всех просветлели.

— Что вы там делали, Пан? — спросил куратор.

— Потихоньку молились, чтобы... В общем напоили мартышек-резусов допьяна, сэр. Я обещал своим друзьям показать это зрелище. Такое случилось однажды, когда я здесь жил.

— И я хорошо помню это, — сказал куратор. — Мы уволили сторожа... Но вас мы уволить не можем, потому что вы никогда, в сущности, не собирались всерьез поступать к нам на службу, верно?

— Нельзя предлагать обезьяне сторожить других обезьян, — сказал Пан. — Только человек может согласиться работать тюремным надзирателем. В этом его отличие от низших животных.

— Ох, — сказал куратор.

— Как вы догадались, что я собираюсь не очень хорошо вести себя там?

— Я знал вас с самого рождения... Очень хорошо знал. И всегда был расположен к вам, но вы никогда не были самым благонравным приматом.

— Послушайте, — сказал Пан. — Я вам кое-что хочу сказать. Возьмите на заметку. Самка шимпанзе...

Подняв длинную руку, куратор жестом прервал его на полуслове и, достав из бокового кармана маленькую записную книжку, показал Пану запись.

Пан взглянул на запись и покачал головой.

— Да, — сказал он. — Разумеется, вы должны были догадаться... Мне ненавистна мысль, что мой детеныш родится в зоопарке...

— Не воспринимайте все так серьезно, —
сказал куратор, — Будьте больше шимпанзе.

— Я в том возрасте, когда шимпанзе становятся серьезными. А это, чтобы вы знали, к добру не ведет. Я стал слишком человечен. Но недостаточно очеловечился, чтобы возжелать женщину.

Шкура у него на спине передернулась, как у лошади, отгоняющей муху.

— Вы не посоветуете мне, чем лучше кормить шимпанзе? — попросил куратор.

— Охотно.

Пан оглянулся. Горилла с очень серьезным видом втолковывал что-то мистеру Макмагону. Агент ФБР кивнул, достал бумажник и дал мичману деньги. Горилла вручил их Счастливчику, который куда-то побежал.

— Где доктор Бедоян?

— Разговаривает с нашим ветеринаром. Пойдемте.

И Пан пошел.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Шимпанзе Бюфона... сидел за столом, как человек... но при этом у него был несчастный вид.

Роберт Хартманн «Человекообразные обезьяны», 1886 г.

Теперь они были в одной из комнат гостиницы... в одном из номеров гостиницы, говоря точнее.

Тут было две спальни, гостиная, две ванны и небольшая прихожая, дверь которой выходила в коридор.

Они были одни — доктор Бедоян, Пан и цвет американского военно-морского флота. Счастливчик, по выражению Гориллы, «висел на трубке», то есть сидел в удобном кресле у телефона, который звонил каждые пять минут. На каждое предложение, чтобы Пан что-то подписал или где-то появился, он отвечал спокойным «нет».

Комнаты через коридор напротив были заняты мистером Макмагоном и его людьми.

— Ручаюсь, — сказал Счастливчик, — пятьдесят долларов голова — вот цена каждой бабы, которую доставил бы здешний коридорный.

— А ты когда-нибудь таких видел? — спросил Горилла. Он пил виски с содовой, но не потому, что любил этот напиток или ему

хотелось пить, а потому, что, по его словам, того требовала элегантность обстановки.

— Мичман, посиди немного у телефона, — сказал Счастливчик. — Я уже сыт по горло.

— Угу, — сказал Горилла. Он поменялся со Счастливчиком местами и сказал телефонистке номер. — Главстаршину Магуайра... Ну и что ж, если его нет на борту... Посигнальте к нему в каюту. Говорит мичман-минер Бейтс... Мак, я тут на этом посту при обезьяне, как ты знаешь... Да, да, очень смешно... А теперь послушай: нам нужен писарь. Второго класса подойдет. Пришли несколько салаг, чтобы стояли на часах, и старшину, чтобы ими командовал. С пушками, при крагах и всем прочем. Нет, никаких пистолетов, но с патронташами — пусть знают, что мы спуску не дадим... Как Мэри?.. Очень жаль, ведь я же тебе говорил, что надо жениться на ней — у бабы собственный бар и кругом шестнадцать... Да, мы в этой гостинице.

Он положил трубку.

— Писарь будет висеть на трубке, салаги никого не пустят сюда, тебе не на что будет жаловаться, Пан. Все, как во Флориде.

Но Пан скорчился в глубоком кресле и, казалось, не обращал ни на кого ни малейшего внимания. Доктор Бедоян взглянул на ручные часы.

— Может быть, это пройдет, Пан. Может быть, это только временно.

Пан посмотрел на него усталыми глазами.

— Что?

— Стремление говорить. Может быть, ты превращаешься обратно в шимпанзе.

Пан покачал головой и обхватил колени руками. Доктор Бедоян подошел и приложил руку к обезьяньему лбу.

— Температуры нет, — сказал он. — Почему бы тебе не пойти в одну из спален и не привлечь? Я никому не дам тебя беспокоить.

Пан Сатирус продолжал неподвижно смотреть на безупречно чистый и прочный гостиничный ковер.

— Послушай, — сказал Горилла, — сейчас будут эти салаги. Ты можешь погонять их. При мичмане салаги выполнят любую твою команду. Потешись вволю, Пан.

Пан медленно тер ладонями угловатые колени.

— Выпей, — сказал Счастливчик, но убежденности в его голосе не было. — А потом я велю, чтоб прислали девочек, и мы устроим бал не хуже, чем во Флориде. Ты расскажешь доктору, как помог нам зашибить деньги в том кабаке, где был музыкальный ящик, как ты отплясывал с теми девками. А то давай смеемся...

Счастливчик внезапно оборвал свою тираду.

— Ладно, — сказал он. — Все это колеса. Но подумай, Пан. Ты будешь получать десять тысяч долларов в неделю. Сколько стоит шимпанзе, пятьсот или тысячу долларов? Ты сможешь выкупить всех шимпанзе во всех зоопарках, ты будешь делать это, как только их будут ловить. И выпускать на волю...

Пан Сатирус наконец заговорил. Он вытягивал руки, пока они не коснулись пола, а затем, опершись на них, как на кости, качнулся вперед.

— Обезьяна—это обезьяна, а не филантроп. Я любил свою мать. Мне нравилось играть с маленьким гориллой, когда позволял куратор. И я любил общаться с другими шимпанзе, но... Только человек покупает благодарность, славу, счастье. К тому же мои телевизионные выступления, вероятно, сорвались, когда я сорвал платье с актрисы.

Доктор Бедоян подошел к Счастливчику и приложился к бутылке, которая была у радиоста. Потом повернулся лицом к Пану.

— Да, — сказал он, — выступления сорвались. Пока ты был в обезьяннике, мы с куратором поговорили с представителями телевидения. Ветеринар зоопарка тоже присутствовал. Все мы трое пришли к выводу, что ты достиг возраста, когда становишься небезопасен.

— И вы надумали застрелить меня, доктор? Надумали сделать мне незаметно смертельную инъекцию, мой друг Арам?

— Ты же понимаешь, что это не так.

Черные глаза врача — почти такие же черные, как у Пана, но менее крупные и с белыми белками, настороженно следили за шимпанзе.

Пан презрительно махнул рукой.

— Да, конечно, я понимаю. Вы собираетесь упрятать меня в очень прочную клетку с задней комнатой, которая запирается издалека, с помощью специального механизма. И когда вам понадобится почистить переднюю клетку, вы будете направлять на меня струю из пожарной кишки, чтобы я убрался в заднюю комнату. А когда вам понадобится почистить заднюю комнату, вы будете выгонять меня по-

жарной кишкой в переднюю клетку. И перед моей клеткой поставят раму со стеклом, чтобы я в свою очередь не мог пустить струю в посетителей. Верно?

— Пан, — сказал Горилла.

Шимпанзе обернулся к нему, и на лице его появилось подобие улыбки.

— Да, Горилла?

— Я говорил тебе, еще когда ты попал на борт «Кука»: что захотят мичманы, то командир и сделает. Я прослужил много лет и имею высокое звание. Тебя все будут уважать, даже если выше звания талисмана ты не шагнешь.

— Вот кто, черт побери, может установить антенну в шторм, — сказал Счастливчик.

— Нет, — возразил доктор Бедоян. — Ни я, ни кто-либо другой, с кем будет советоваться командир, не даст гарантии, что это безопасно.

Счастливчик встал, одернул форменку.

— На чьей вы стороне, док?

— На стороне Пана. Насколько мне известно, если он будет развиваться, как любой самец шимпанзе, он очень скоро станет нетерпим к человеку, и все будет приводить его в бешенство.

— Он не шимпанзе, — сказал Горилла. — Он деградировал.

— Регрессировал, — поправил доктор Бедоян. — Согласно его собственной версии. Но спросите его, кем он себя чувствует — шимпанзе или человеком?

— Доктор прав, Горилла, — сказал Пан. — Это будет небезопасно.

Моргая, он заковылял по комнате. Но ни

один шимпанзе еще никогда не проливал слез. Он поднял трубку.

— Комнату мистера Макмагона, пожалуйста.

Он неуклюже держал трубку рукой с коротким большим пальцем, а все смотрели на него.

— Это Пан Сатирус, мистер Макмагон. Шимпанзе. Я готов продемонстрировать сверхсветовой полет, сэр... Нет, боюсь, что мне не хватит слов объяснить все вашим специалистам, а мои пальцы не привыкли к карандашу и я не могу вычертить схему. Я принужден продемонстрировать это на настоящем космическом корабле. Не могли бы мы утром отправиться на Канаверал? Нет, не сегодня. Я даю прощальный ужин своим друзьям. А тот, официальный банкет вам придется отменить.

Он положил трубку, проковылял к Счастливчику и выпил виски, что оставалось в бутылке у мичмана.

Затем он вернулся к телефону и снова попросил мистера Макмагона.

— Пришлите сюда с кем-нибудь из ваших ребят тысячу долларов,— сказал он. И резко добавил:— Делайте, что вам говорят!

Счастливчик вытащил из-под форменки еще одну бутылку. Пан взял ее и выпил добрую половину.

— Свистать всех наверх, Счастливчик, — сказал он, подражая рявканью Гориллы.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

CANAVERAL: m. Sitio poblado de cañas. Plantio de caña de azúcar.

*Pequeño Larousse Ilustrado, 1940 **.

Утро было безоблачным; сойдя с самолета, Пан прикрыл голову длинными пальцами. Счастливчик снял свою белую шапочку и подал ему.

— Спасибо, — сказал Пан. В голосе его звучал надрыв. — С похмелья это солнце... Голова как пивной котел.

Счастливчик невесело рассмеялся.

— Прожарь хорошенько свои мозги и, может, дезволюционируешь совсем и станешь настоящим моряком.

— Регрессирую, — поправил Пан. — Нет, боюсь, что это не поможет.

Их ждали машины, которые тут же двинулись к длинному низкому зданию рядом со стартовой площадкой. Мистер Макмагон выпрыгнул из машины первый и распахнул дверь перед доктором Бедояном и Паном. Следом вошли Счастливчик и Горилла. Моряки посмотрели на генерала Магуайра, который при двух звездах сидел за письменным столом, и

* Кањавераль (исп.) — поле, засаженное тростником. Плантация сахарного тростника. Малый иллюстр. словарь Ларусс, 1940.

стали по обе стороны двери по своей привычной стойке «смирно-вольно».

Генерала окружали штатские. Пан их раньше не встречал. Один из них сказал доктору Бедояну:

— Доброе утро, Арам.

— Доброе утро, доктор, — откликнулся тот.

— Приятно видеть тебя снова, генерал, — сказал Пан Сатирус. — А где же твоя милая супруга?

— В Коннектикуте, — ответил генерал Магуайр. — Итак, он решил взяться за ум, доктор?

— Можешь говорить непосредственно со мной, — сказал Пан. — Все в порядке. Да, да, генерал. После того как я увидел Нью-Йорк во всей его красе и моши — прошу прощения за цветистое выражение, — я пришел к выводу: Америку не надуешь.

— Я всегда это говорил, — сказал генерал.

— Я так и думал, — согласился Пан. Он обратился к человеку, стоявшему справа от генерала: — Если у вас сохранился мой старый... безыменный, космический корабль, поставьте его на стартовую площадку. Кажется, я могу показать вам то, что вас интересует.

— Сверхсветовой полет, Мем?

— С вашего разрешения, меня зовут Пан. Или Мистер Сатирус. Да, сверхсветовой полет.

— А не могли бы вы дать мне объяснения?

Пан покачал головой. Он пугающе зевнул, потер голову обеими руками. Потом сел на пол и почесал голову ногой.

— Я не видел ни одного шимпанзе, который бы так делал, — сказал старший врач.

— Вы правы, сэр, — сказал Пан. — Прошу прощения. Эта привычка появилась у меня в полтора года: посетители зоопарка находили это забавным. — Он снова зевнул и обратился к серьезному человеку, который задавал ему вопросы. — Я плохо провел прошлую ночь. Нельзя ли покончить со всем этим и дать мне возможность снова стать лабораторным животным?

Некоторое время все молчали.

— Нет, Пан, мы не можем это сделать. Другие шимпанзе знают всякого рода секреты... Вы говорите по-английски, значит, я полагаю, можете говорить и на языке шимпанзе. Очень скоро у вас будет больше секретных опасных сведений, чем это позволено иметь какому-либо человеку.

Пан подогнулся колени и стал раскачиваться на руках.

— Значит, остаток жизни я проведу в одиночном заключении? — Он почесал голову и добавил: — На первый раз я готов не придавать значения тому, что вы назвали меня человеком.

— Этого больше не повторится. Нет, вы не будете сидеть в одиночке. Дайте нам сведения, которые нас интересуют, и мы купим вам двух красивых самок шимпанзе. По рукам?

Пан стал раскачиваться более энергично.

— Вы говорите как человек, профессор, если мне позволено так вас называть.

— Да, я профессор.

— Вся беда в том, что я не могу вам сказать. Я обыкновенная обезьяна, и мне не хватит слов, чтобы все объяснить.

Счастливчик кашлянул. Но Горилла Бейтс недаром прослужил на флоте тридцать пять лет — он по-прежнему стоял навытяжку.

— А как насчет схемы? — спросил профессор.

Пан протянул вперед свои руки с короткими большими пальцами — жалостный жест нищего бродяги из какого-то фильма об Индии. Быть может, он видел это по телевизору.

— Но я могу показать вам, — сказал он.

— Когда эта обезьяна забралась в космический корабль в прошлый раз, — сказал генерал Магуайр, — она перепутала там все к чертовой бабушке. Мне придется теперь целых полгода марать бумагу — писать отчеты.

— Да, я знаю, — сказал профессор. — К тому же ваш корабль разобран до основания, Пан. Стаемся узнать, что же вы с ним сделали.

— Когда я стартовал, тут стоял наготове «Марк-17», — сказал Пан.

В комнате наступила тишина. Генерал Магуайр, как и следовало ожидать, взорвался.

— Черт побери, на базе объявляется поголовная проверка на благонадежность с точки зрения государственной безопасности. Никому не разрешается покидать свой пост, пока...

Пан Сатирус легко прыгнул к нему на стол и уселся, скрестив ноги.

— Не надрывайся, генерал. Слухи доходят и до обезьянника при лаборатории.

Профессор сказал:

— Я мог бы процитировать слова Гамлета о мудрецах, обращенные к Горацио, но не стану. Есть ли возможность переделать «Марк-17» так, чтобы он полетел со сверхсветовой скоростью?

— Да, как и любой корабль, который у вас имеется. Все они работают на одном принципе.

— Разрешите подумать, — сказал профессор. — Я никак не могу собраться с мыслями... «Марк-17» меньше, чем ваш корабль. Это чисто опытный образец. Мы посылаем в нем макака.

— Японского макака? — спросил Пан и рассмеялся. — Если это тот, о котором я думаю, потеря будет небольшая... Хорошо, сэр. Я добровольно соглашаюсь занять его место.

Профессор покачал головой.

— Вы же вдвое больше.

Пан кивнул.

— Уберите аналь... — Счастливчик кашлянул. — Эту штуковину со дна кабины, и тогда освободится много места.

Профессор подался вперед, положил руки ладонями на стол и посмотрел Пану прямо в глаза.

— А откуда мне знать, что вы не морочите мне голову?

— А откуда вам знать, что вы не можете сами полететь со сверхсветовой скоростью? Попробуйте слетайте. А морочить вам голову — это мартышкин труд.

Две пары глаз — обезьяны и человека — смотрели в упор друг на друга. Профессор первым отвел взгляд. Он выдохнул воздух из лег-

ких прямо Пану в лицо, поднял руки и откинулся на спинку стула.

— Хорошо, мы рискнем.

— Я против, — сказал генерал Магуайр. — И прошу это запротоколировать.

Голос профессора звучал устало.

— Протокол не ведется, генерал. Это вне-плановое совещание. Наш старший врач и доктор Бедоян, присутствующие здесь, охотно подтвердят, что шимпанзе, известный под именами Сэмми, Мем и Пан Сатирус, вскоре станет совершенно бесполезен.

— Я тоже охотно засвидетельствую это, — сказал Пан. — Я чувствую, что с каждым днем становлюсь все более грубым и вспыльчивым.

С помощью рук он тихонько передвигался по столу. Оказавшись против генерала Магуайра, он оскалил длинные зубы.

— Если протокол не ведется, — сказал генерал Магуайр, — то пусть его начнут вести. Разве никому не приходило в голову, что это, может быть, не шимпанзе, а замаскировавшийся русский?

Даже начинающий художник смог бы изобразить наступившую тишину — она была густой и вязкой, как растительное масло в Арктике. Счастливчик позже клялся, что он слышал, как щелкнули каблуки Гориллы, но Горилла это отрицал.

Первым опомнился доктор Бедоян.

— Вы кладете пятно на мою профессиональную честь, сэр, — сказал он.

— Сынок, похоже, вас только что повысили в должности, — шепнул на ухо Бедояну старший медик.

— Ах, да, — сказал генерал Магуайр, — я об этом не подумал.

— Уведомите службу безопасности, генерал, — сказал профессор. — Никаких сведений прессе, пока все не будет закончено. А потом очень короткое заявление: шимпанзе запущен на орбиту; полет был успешным или нет.

— Вышло или не вышло, — сказал генерал и удалился.

Пан Сатирус соскочил со стола, заковылял к двери и остановился между Счастливчиком и Гориллой. Взял их за руки.

— Вас двоих он слушается? — спросил профессор.

— Да, сэр, — сказал Горилла.

— Тогда уведите его в ту комнату.

Когда они направились к двери, заговорил старший медик.

— Пан, это будет примерно через полчаса. Макака уже привязали в кабине; мы должны убрать его и ту... штуковину, о которой вы упоминали.

— Ладно.

— Вам не следует пока что ни есть, ни пить.

— Хорошо.

Медик посмотрел на Счастливчика.

— Особенно — не пить, — добавил он и вышел.

— Дошлый малый, — сказал Счастливчик. Они вышли вслед за медиком в коридор.

Там был мистер Макмагон. Пан отпустил руку Счастливчика и поздоровался с агентом службы безопасности.

— Я вам задал работу, но теперь почти все кончено, — сказал он. — Через полчаса меня запустят в космос. Снова в космос.

Мистер Макмагон посмотрел через плечо Пана на доктора Бедояна.

— С ним все в порядке, док?

Доктор Бедоян пожал плечами.

— Он сам хочет лететь.

— Черт возьми, — сказал мистер Макмагон. — Нельзя же так обращаться с ним. Пан, если вы хотите выпутаться из этой истории, я не паразит какой-нибудь...

Пан Сатирус пристально посмотрел на него.

— Оказывается, в вас мало человеческого.

— Что?!

— В устах Пана это самый лестный комплимент, — сказал доктор Бедоян.

— Но я хочу лететь. И ваша родина этого хочет; только так она может получить сведения о сверхсветовом полете. Вам приказано не выпускать нас из комнаты, пока мой корабль не будет готов... — добавил Пан, — и я не должен ни пить, ни есть, но мне хотелось бы немного жевательной резинки.

— Какого же черта, за чем дело стало, — сказал мистер Макмагон. Он уже ничем не походил на агента службы безопасности. — Поплатить за ней или вы сами хотите купить ее?

— Хотелось бы самому. Если мы просидим в комнате еще полчаса, то станем такими же слезливыми, как люди.

Маленькая процессия направилась к военному магазину: Пан в шапочке Счастливчика шел впереди, за ним следовали два моряка, затем доктор Бедоян и мистер Макмагон.

А совсем далеко позади тащилось великое множество агентов безопасности, которым Макмагон повелительным жестом руки дал знак держаться на расстоянии.

Дорогу им пересекла стайка ребят — класс из школы для детей работников базы. Детей, живущих на мысе Канаверал, ничем не удивишь; они взглянули на шимпанзе, возглавлявшего эту небольшую процессию, и пошли своей дорогой. Но затем один из них за вопил:

— Эй, да это же шимпанзе, которого показывали по телевизору!

Дети оставили своего учителя и подбежали, размахивая тетрадками и листочками, чтобы получить автографы.

Пан остановил мистера Макмагона, собиравшегося подозвать своих сторожевых псов.

— Я хочу поговорить с ними. — Он поднял розовую ладонь, требуя тишины, надвинул плотнее шапочку Счастливчика и сказал:

— Дети.

— Эй! Он и вправду говорит. А я думал, что это у них там такой трюк — в телевизоре, — сказал один из мальчиков.

— Ну вот еще, многие актеры говорят сами.

— По-видимому, произошла какая-то путаница, — сказал Пан. — Я не актер телевидения, а настоящий живой шимпанзе. Вы никогда не сможете стать обезьянами, но жить, как обезьяны, вы еще можете; или, даже если вы сами вырастете людьми, можете воспитать своих детей в обезьяньем духе. Послушайте меня, потому что, вероятно, это единственная

возможность в вашей жизни послушать речь, которую произнесет настоящая обезьяна.

Ребята притихли; они привыкли слушать речи школьных учителей, директоров и заезжих политиков.

— Чтобы достигнуть обезьяньего состояния, надо всего лишь подумать, прежде чем что-нибудь сделать, и особенно перед тем, как что-либо создать, — сказал Пан. — Звучит это очень просто, но это как раз то, чего человек не любит делать. Это не в людских привычках — сначала подумать, а потом сделать. Это даже небезопасно — за это могут уволить с работы, а безработные находятся на низшей ступени вашего общества. Дети, думайте. Не создавайте скоростных автомобилей, пока не построите дорог для безопасной езды. Не выращивайте огромного количества пшеницы, прежде чем вам не станет известно, что кто-то в ней нуждается. Не переселяйтесь бесцельно туда, где вам будет слишком жарко или слишком холодно. Живите легче. Это так просто. Будьте немножечко больше похожи на обезьян, дети; этим вы, возможно, не продлите себе жизни, но проживете ее гораздо веселее. Другими словами, не стремитесь к чему-либо, пока вы твердо не будете знать, к чему вы стремитесь.

Он опустил руку и улыбнулся, по-видимому, благожелательно, но даже доктор Бедоян не всегда мог с уверенностью сказать, что выражало лицо Пана.

После этого он отправился покупать жевательную резинку.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Гален, бывало, вскрывал и больших и малых обезьян и рекомендовал своим ученикам почаще анатомировать их.

Эдуард Тайсон «Орангутан, *sive Homo silvestris*»*, 1699 г.

Космическая капсула была готова. Медленно двигался вверх подъемник в стартовой башне. Затем Пан и сопровождающая его группа пересекли площадку. Под ними шипело и дымилось жидкое топливо. Не было ни представителей кинохроники, ни телевизионных камер.

Этот корабль был значительно меньше того пресловутого корабля, на котором Пан Сатирус совершил полет не в ту сторону. И ракета, которая должна была запустить его в космос, была значительно меньше; она стоила не больше годового дохода всех жителей какого-нибудь городка.

Пан Сатирус с достоинством занял свое место, но прежде чем его пристегнули к сиденью, он успел почесать голову задней конечностью. И вот ремни пристегнуты, шлем на голове (скафандр был уже на нем) и микрофон пристроен перед ртом. В его старом космическом корабле микрофона не было.

— Проверка, — сказал он. — Вы слышите

* Или лесной человек (лат.).

меня? Мне бы хотелось, чтобы радиострой Бронстейн сел за один из радиопередатчиков. Счастливчик, ты управишься с радиоаппаратурой НАСА?

— С любой на свете, — сказал Счастливчик.

— Ну и прекрасно. Я готов к запуску, джентльмены.

Все отошли. Кapsулu загерметизировали, и все вернулись в помещение в стартовой башне, а сама стартовая башня отъехала от ракеты. Генерал Магуайр прослушивал переговорную систему.

— Все в ажуре, — довольно сказал он.

Но остальные были настроены не столь радужно. В полном молчании они заняли свои посты в помещении для наблюдения за стартом, а Счастливчик сменил дежурного радиостроя.

Начался обратный отсчет — от трехсот до нуля.

Ракета взлетела, ступени отпали, и маленькая капсула начала свободный полет по орбите.

— Этот корабль... он не поворачивает в обратную сторону, — сказал доктор Бедоян.

— Он понял, что с США не посамовольничает, — заметил генерал Магуайр.

— Радиограмма с космического корабля, — сказал Счастливчик. — «На первом витке все в порядке. Вижу Африку». Пан, как она выглядит? Прием. «Лучше, чем Флорида».

— Половина Африки — коммунисты, — сказал генерал Магуайр.

Они выпили кофе. Поели жареных пирожков. Прослушали сообщения радионаблюдателей с различных станций слежения и результа-

ты обработки их электронными машинами с остроумными названиями.

— Это далеко не скорость света, — сказал профессор.

— Ха! — произнес генерал Магуайр.

Мистер Макмагон сунул сигарету зажженным концом в рот.

— Черт! — выругался он.

Примерно через час после старта Счастливчик доложил:

— Космический корабль снова в моей зоне приема, джентльмены... Радиограмма с корабля. «Газую вовсю, Счастливчик!» Еще радиограмма: «Скажи Горилле, пусть всегда дранит ботинки до блеска и держит хвост трубой».

— В Атлантическом океане на одном корабле есть станция слежения, — сказал профессор. Он вытирая пот мокрым платком.

— Я слышу космический корабль слабо, но ясно, — сказал Счастливчик. — А в том кабаке, где была музыка...» Дальше не понимаю. Кое-то странное бормотание.

— Дайте послушать, — попросил доктор Бедоян. Он схватил наушники. — Тарабаршина! Настоящая болтовня шимпанзе.

Он передал наушники старшему медику, который хмуро кивнул головой.

— Радиограмма с океанской станции слежения, — сказал один из радиостов, сидевших у приемников. — Космический корабль прямо над головой.

— Доклад электронной машины «ИДИОТИК», — сказал другой радиост. — Космический корабль последнюю тысячу миль пролетел со сверхсветовой скоростью.

— Бог ты мой! — сказал профессор. — Бог ты мой!

— О каком боже идет речь? — тихо спросил доктор Бедоян. — О Пане или о Иегове?

— Радиограмма со станции слежения в Фернандо-По, — сказал один из радиостов, и в комнате стало очень тихо. — Космический корабль пошел на снижение Он снова входит в атмосферу. Приводнился.

Счастливчик снял наушники, встал и подошел к Горилле.

— Наше дежурство кончилось, — сказал он.

— Фернандо-По передает, что слышно какое-то невнятное бормотание и плеск воды. Посадка на воду произведена успешно, — сказал радиост.

— Океанская станция слежения подтверждает, — сказал другой радиост.

Доктор Бедоян присоединился к Горилле и Счастливчику. На них никто не обратил внимания. Они вышли, оставив ученых, военных и агентов выяснить то, что им троим уже было ясно.

Счастливчик надел белую шапочку, которую он так часто одолживал Пану.

— Он сел на воду у Африки, чтобы оттуда доплыть до берега, — сказал он.

— И добраться до густого лиственного тропического леса, — добавил доктор Бедоян. Он не был военным человеком и не стыдился своих слез.

Горилла изобразил на лице подобие улыбки.

— Этим большими шишкам вместо космического корабля достанется шиш. Один только шиш.

— На этот раз он полетел в правильную сторону, и притом быстрее света, — сказал Счастливчик. — Прежде он деградировал, а теперь наоборот.

— Регрессировал, — машинально поправил его доктор Бедоян.

Мичман-минер Горилла Бейтс откашлялся.

— А такого слова, как «дегенерировал», нету? — спросил он.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Пан Сатирус в плеку	5
Глаза первая	21
Глаза вторая	39
Глава третья	49
Глава четвертая	63
Глава пятая	75
Глава шестая	90
Глава седьмая	114
Глава восьмая	127
Глава девятая	136
Глава десятая	151
Глава одиннадцатая	154
Глава двенадцатая	170
Глава тринадцатая	173
Глава четырнадцатая	179
Глава пятнадцатая	185
Глава шестнадцатая	195
Глава семнадцатая	201
Глава восемнадцатая	211

РИЧАРД УОРМСЕР

Пан Сатирус

Редактор И. Я. Хидекель

Художник Е. В. Бачурин

Художественный редактор Ю. Л. Максимов

Корректор Т. Л. Пашковская

Технический редактор Т. А. Мирослава

Сдано в производство 6/V-66 г. Подписано к печати 20/VIII-66 г.
Бумага 70×90/м-3,38 бум. л. 7,9 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 7,38.

Изд. № 12/5368. Цена 37 коп. Зак. 415.

Темпплан 1966 г. изд-ва «Мир» пор. № 230.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МИР»
Москва, 1-й Рижский пер., 2

Ярославский полиграфкомбинат Главполиграфпрома Комитета
по печати при Совете Министров СССР. Ярославль, ул. Свобо-
ды, 97.

37 коп.